

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 1 • 2011 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость 3
Власенко С.В. Референция и референциальность в межъязыковом
переводе: диахронический ракурс 17

История перевода и переводческих учений

- Guillaume A.* La traduction médiévale sens dessus dessous. 38
Гийом А. Перевод в Средние века: чехарда смыслов (на французском и русском языках) 39
Шаталов Д.Г. Метафорическое осмысление перевода религиозных текстов в России, Англии и Франции XVI—XVII вв. Метафоры идентичности 67

Методология перевода

- Романовская А.А.* Интерпретация смыслов мифологических символов в художественном тексте 85
Солдатов А.А. К вопросу о классификации переводческих трансформаций в юридическом дискурсе 96

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Алексеева М.О.* В поисках утраченного смысла...(возможная трактовка стихотворения С. Есенина «Вижу сон. Дорога чёрная...» и проблемы его перевода на польский язык) 102
Андреев Н.И. Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык 117
Купова Ю.Н., Купов С.С. Лингвистическая и концептуальная характеристика медико-биологического термина «ткань» (сопоставительный и переводческий аспекты) в английском и русском языках. 126

Contents

General Translation Theory

<i>Garbovsky, N.K.</i> New Translations: Freedom and Necessity.	3
<i>Vlasenko, S.V.</i> Reference and Referentiality in Interlanguage Translation: Diachronic Perspective.	17

Translation History

<i>Guillaume, A.</i> Medieval Translation: Play on Sense.	38
<i>Shatalov, D.G.</i> Conceptual Metaphors for Translation of Religious Texts in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia, England, and France: Metaphors of Identity	67

Translation Methodology

<i>Romanovskaya, A.A.</i> Interpretation of Meanings of Mythological Symbols in a Literary Text.	85
<i>Soldatova, A.A.</i> To the Issue of Transformation Classifications in Legal Discourse	96

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Alekseyeva, M.O.</i> In Search of Lost Sense... An Interpretation of Sergey Yesenin's Poem "Вижу сон. Дорога чёрная..." and Problems of Its Translation into Polish	102
<i>Andreyev, N.I.</i> Distinctive Features of the Terminology of the German Military-Political Discourse in Terms of Translation into Russian	118
<i>Kupova, Yu.N., Kupov, S.S.</i> English-to-Russian Medical Translation Issues from the Perspective of Cognitive Linguistics (as Exemplified by the Term "Tissue")	127

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: garok1946@mail.ru

НОВЫЙ ПЕРЕВОД: СВОБОДА И НЕОБХОДИМОСТЬ¹

В статье рассматриваются вопросы методологии художественного перевода, переводческих стратегий, целесообразности новых переводов, путей поиска необходимой информации и выбора форм для создания в принимающей культуре нового литературного произведения. Статья построена на анализе собственных переводов новелл французского писателя первой половины XIX в. Проспера Мериме².

Ключевые слова: методология художественного перевода, новые переводы, стратегия «переводчика-читателя», социальная обусловленность переводческих решений.

Nikolai K. Garbovsky,

Dr. Sc. (Philology), Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: garok1946@mail.ru

New Translations: Freedom and Necessity

The article explores various issues of literary translation methodology, translation strategies, the advisability of new translations, searching for relevant information, and selecting specific forms that help create a new literary work in the receiving culture. The article is based upon the analysis of the author's translations of a number of novelle by the French writer Prosper Mérimée.

Key words: literary translation methodology, new translations, translator-reader strategy, socially determined translation decisions.

Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив...

Р. Киплинг (перевод М. Лозинского)

Всякий новый перевод — довольно рискованное предприятие, ставящее переводчика, нередко помимо его желания, в положение соперника по отношению к предшественникам. История перевода знает немало случаев повторных и множественных переводов одного оригинального произведения. В отечественной истории перевода хорошо известно «поэтическое состязание» между Ломоносовым, Сумароковым и Тредиаковским по переводу 143-го псалма, положившее начало русскому стихосложению. Знаменитая ода Горация “Ad Melpomenen” стала объектом множественных перево-

¹ Статья подготовлена по материалам выступления на Международной конференции «Фёдоровские чтения», Санкт-Петербург, 2010 г.

² См.: *Мериме П.* Хроника времён Карла IX. Повести и рассказы. — М.: АСТ, 2009. Новеллы «Кармен», «Арсэн Гийо», «Аббат Обен» в переводе Н. Гарбовского и О. Костиковой. Ср.: переводы М. Лозинского и др. — «Арсена Гийо».

дов и подражаний. Пушкинский «Памятник» — одно из них. И до и после Пушкина ода римского поэта вдохновляла на перевод и подражание многих русских поэтов: Ломоносов и Державин, Брюсов и Батюшков, Ходасевич, Шервинский, Востоков и многие другие. В XXI в. ода Горация привлекает внимание переводчиков. В качестве одного из примеров можно привести перевод оды В.Г. Степановым, опубликованный в Пскове в 2008 г. [Степанов, 2008].

И, наверное, всякий раз, принимаясь за работу над произведением, уже перенесённым предшественниками в лоно принимающей культуры, переводчики лелеют надежду, что их перевод окажется не хуже, а может быть, даже и лучше тех, что были сделаны до него. Переводчик, подобно автору оригинального произведения, хочет быть не только понятым, но и признанным. Желание самовыражения для писателя, если он не графоман, оказывается вторичным по отношению к желанию быть узнаваемым и признанным. Даже тогда, когда он вынужден писать «в стол», он не теряет надежды, что когда-нибудь его произведения прочтут, поймут и оценят по достоинству. Нельзя не согласиться с мнением английского писателя Х. Беллока, чья лекция «О переводе», прочитанная ещё в 1931 г. и затем опубликованная Оксфордским университетом, считается одной из классических работ по теории перевода и литературного творчества. «Важную часть писательского труда составляет признание, — пишет Беллок. — Для многих из тех, кто хоть в какой-то мере наделён писательским талантом, т.е. пишет так, чтобы это можно было назвать литературой, слава является важнейшим стимулом к работе; для некоторых же, возможно, самых талантливых, достижение славы является единственной движущей силой написать о чём-либо. Таким образом, получается, что если бы в каком-либо из жанров литературы было невозможно снискать признание, то он наверняка был бы забыт» [Беллок, 1931].

Новый перевод, отделённый от предшествующего значительным периодом времени, не менее полувека, может иметь и иные, кроме соперничества, мотивы. Прежде всего можно говорить о лингвистической обусловленности «обновления» перевода. Дескать, язык изменился настолько, что современники его уже плохо воспринимают и постоянно наталкиваются на шероховатости «ретро». Но пятьдесят и даже сто лет ещё не срок для устаревания форм выражения. Ведь мы же утверждаем, что современный русский язык начинается с Пушкина, и с лёгкостью и наслаждением читаем созданные им произведения. Иногда возникает сумасшедший вопрос: а как бы Пушкин написал «Капитанскую дочку», если бы жил в наш век? Но Пушкин написал свою повесть один раз и навсегда, а вот переводить её можно бесконечное число раз. И в этом одно их коренных отличий перевода от оригинального литературного

творчества. И новые переводы регулярно возникают, несмотря ни на вполне высокое качество уже существующих версий, ни на относительное языковое постоянство.

Следовательно, причины появления новых переводов нужно искать главным образом в социальной сфере, а не в лингвистической. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что человеческое общество развивается и меняется значительно быстрее, чем язык, на котором оно говорит. Более того, общественная жизнь может претерпевать революционные изменения, в результате которых резко меняются моральные ценности, на смену одной идеологии приходит другая, такие перемены могут повлиять на перевод, равно как и на всё литературное творчество, и на искусство в целом.

Прежде всего социальные революции сказываются на выборе оригиналов и авторов для перевода. В эпоху советского строя в первую очередь переводились произведения авторов, воспевавших угнетённых и клеймивших угнетателей. Коммунистический атеизм не позволял переводить идеологически чуждую литературу религиозного толка. Свобода нравов, моральная распушенность, насилие, отражавшиеся в некоторых произведениях, также противоречили коммунистической морали аскетизма и пуританства. Цензура строго следила за переводческой деятельностью, указывая, что можно переводить и как нужно писать в переводе. Сложилась вполне определённая норма в выборе средств выражения в художественном переводе. Литературные редакторы в издательствах причёсывали переводы, нередко лишая всякой индивидуальности.

Но рухнуло социалистическое общество, и на смену коммунистической идеологии пришла идеология свободного рынка. А на рынке можно свободно продавать и покупать, что хочешь, в свободной форме выражать свои мысли и чувства, иногда и матом, нисколько не заботясь о последствиях. Могла ли переводческая практика остаться в стороне от этого процесса? Разумеется, нет. Наряду с весьма достойными переводами новых для отечественного читателя авторов, чьим творчеством незаслуженно пренебрегали в прежний период в силу их идеологической несовместимости, переводческий рынок выплеснул вал новой литературы, ранее малоизвестной массовому читателю. Западные детективы и любовные романы наводнили рынок. Массовый читатель искал лёгкого чтения. И пока Маринина, Донцова и другие отечественные авторы сочинений детективного жанра не вытеснили с российского книжного рынка западный детектив, переводчики день и ночь трудились, переводя в кратчайшие сроки Флеминга, Чейза, Жерара де Вилье и др. Художественный перевод на какое-то время превратился в прибыльное ремесло. Главное было успеть раньше других предложить читателю новый полицейский или любовный роман.

Переводчики-читатели, ещё при социализме функционировавшие в самых различных сферах международной деятельности — дипломатической, экономической, технической, военной и других — и жадно поглощавшие во время зарубежных командировок детективные и прочие модные романы зарубежных авторов, но не искушённые в художественном переводе, становятся переводчиками-писателями. Они переводят то, что ещё совсем недавно с упоением читали в оригинале в свободное от работы время. Ситуация напоминает ту, что сложилась в России к середине XVIII в., когда общество ощутило потребность в переводах художественных произведений западных авторов. Тогда в перевод пришло немало дилетантов, и «офицеры гвардии, более или менее знающие иностранные языки, снабжали театр и Московский университет своими переводами иностранных пьес. Эти переводы далеко не отличались литературными достоинствами» [Фитерман, 1963, с. 14]. Издатели торопят, не дают времени задуматься над стилем, поискать соответствия, разобраться в реалиях и в ономастике. Институт редакторов переводов практически упраздняется. Язык перевода опрощается и в известной степени огрубевает.

Постепенно по мере роста и укрупнения издательств, а также насыщения книжного рынка зарубежной литературой, переведённой на скорую руку, ситуация стабилизируется, нормализуется, и в отрасли остаются лишь те из переводчиков, кто почувствовал призвание к художественному творчеству. Редакторы вновь приходят в издательства, но их катастрофически не хватает, да и квалификация вновь пришедших зачастую оставляет желать лучшего. Отбор литературы для перевода становится более тщательным. Отмечается явный интерес к лучшим образцам, шедеврам, литературы прошлых лет. Переиздаются переводы прошлых лет, считающиеся почти каноническими. Появляются и новые переводы уже известных авторов.

Но и в этот, более благоприятный для художественного перевода период переводческая практика времён «дикого книжного рынка» не могла не оставить отпечатка в сознании переводчиков. У некоторых из них сохраняется некая лёгкость, вплоть до небрежности, по отношению к оригиналу и, разумеется, представление о речевой вседозволенности.

И эта вольница в выборе форм выражения иногда оказывается основным мотивом для нового перевода. Логика рассуждения в этом случае довольно проста: переводчик-предшественник был ограничен в выборе средств выражения, скован по рукам и ногам цензурой и редакторами, поэтому его перевод более литературен, чем оригинал, а оттого — сух, скучен и пресен; я же свободен, а посему переведу так, «как сегодня говорят продвинутые пацаны»,

а кое-где для соли можно и матерком пересыпать, ведь, и автор оригинала использует не совсем нормативную лексику. А если помнить о том, что переводчику художественной литературы, как и всякому писателю, не чуждо стремление к славе, то возможность эпатировать читателя свободным выбором средств выражения представляется весьма заманчивой для привлечения к себе внимания читающей публики.

Однако в подобной экстремальной переводческой стратегии угадывается важнейшая психологическая составляющая переводческой деятельности — индивидуальность. Всякий перевод — творчество, «...а переводчик от творца только что именем разнится» [Тредиаковский, 1960, с. 36]. Переводчик создаёт новый перевод, подобно режиссёру, готовящему новую постановку известной пьесы или новую экранизацию известного литературного произведения. И в новом переводе, как и в новой постановке, угадывается новое прочтение и новая форма выражения.

Правда, чтобы более точно представлять себе мотивы новых переводов, необходимо различать две ситуации, в которых стратегия переводчика имеет разные степени свободы. В первом случае переводчик предлагает издателю свой новый перевод, сделанный на основании выношенной концепции несогласия с предшествующими переводами. Такой перевод построен на критике. Во втором случае новый перевод заказывается издателем, переводчик же не видит никаких мотивов для нового перевода.

Вторая ситуация нередко имеет более приземлённые мотивы, нежели стремление предложить просвещённому читателю новый перевод, свободный от недостатков предшествующего варианта. Заказывая новый перевод, издатели наиболее удобным и дешёвым способом решают проблему авторского права. Ведь в этом случае нет необходимости разыскивать наследников автора предшествующего перевода, пусть даже почти канонического, и заключать с ними договор, который может оказаться совершенно невыгодным издательству, не нужно оспаривать права на издание с преемниками уже не существующих издательств. Дешевле и проще заказать новый перевод и объявить, что издававшийся ранее текст морально устарел.

Остаётся вопрос качества. Хорошо, если переводчик не только обладает писательскими амбициями, но и осознаёт писательскую ответственность, если его не подводит чувство меры, если переводящий язык для него не ограничен лексиконом какой-либо одной социальной группы, если понятия «речь» и «литература» для него не являются полными синонимами. Тогда можно ожидать, что перевод выстоит в конкурентной борьбе со «старым исполином». В противном случае родится перевод-однодневка, он принесёт же-

ланную прибыль издателю, освободив его от лишних хлопот, возможно, создаст скандальную репутацию переводчику-«новатору».

В какой из этих двух ситуаций переводчик чувствует себя более свободным?

На первый взгляд тогда, когда сам предлагает издателю новый перевод. Ведь он сделал его без всякого социального заказа, возможно, даже «в стол», опираясь на собственное прочтение оригинала и соотносясь с предшествующим переводом. Но почему он его сделал? Старый перевод плох? А, может быть, хорош, но переводчик может лучше, современной? Во всяком случае он оказывается связанным по рукам и ногам своим представлением о достоинствах и недостатках предшествующего перевода. Он уже — соперник, но соперник не автору оригинала, а коллеге-переводчику, т.е. тому, кто до него перенёс чужое литературное произведение в новое культурное пространство.

Переводчик, работающий по заказу издателя, оказывается более свободным. Он делает просто «другой перевод», вовсе не претендуя на совершенство и не соперничая с предшественниками. Он может передать текст оригинала так, как он его видит и чувствует, не оглядываясь на то, что было сделано до него. Его свобода от прошлых версий если не абсолютна, то весьма значительна. Переводчик не стремится сделать «лучше», он просто делает «иначе».

В конце первого десятилетия XXI в. издательство «АСТ» заказало новый перевод новелл французского писателя пушкинской поры — Проспера Мериме, и не что-то малоизвестное, но среди прочих и знаменитую «Кармен»!

Взгляд в прошлое чудесной «Кармен» в русском культурном пространстве позволяет установить, что эту новеллу переводили на русский язык не менее восьми раз: 1846 — неизвестный переводчик, 1907 — Батайль, 1908 — Рачинский, 1913 — Кисляковский, 1923 — Штильман, 1925 — Губер, 1927 — Лозинский, 1930 — Виноградов. Среди авторов переводов — признанные мэтры переводческого искусства Рачинский и Лозинский. Их переводы новелл Мериме публикуются до сих пор даже в хрестоматийных изданиях, предназначенных для просвещения школьной молодёжи.

Первый вопрос: как переводить? Обращаться к переводам предшественников или нет? Переводчики решили полностью отказаться от любых консультаций с существующими переводами до тех пор, пока не завершена работа над собственной версией, даже если текст оригинала задаёт труднорешаемые задачи и очень велик соблазн подсмотреть, как из затруднительной ситуации выбрался твой предшественник.

Интересно и приятно было узнать уже после опубликования нового перевода, что мэтр-предшественник Михаил Леонидович

Лозинский руководствовался в своей работе тем же принципом. А.А. Ахматова вспоминала: «В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для двадцатого века тем же, чем был Жуковский для века девятнадцатого... Из советов Лозинского-переводчика мне хочется привести ещё один, очень для него характерный. Он сказал мне: “Если вы не первая переводите что-нибудь, не читайте работу своего предшественника, пока вы не закончите свою, а то память может сыграть с вами злую шутку”» [Лозинский].

Нельзя не отметить, что такой принцип работы над новым переводом разделяют не все переводчики. В одном из интервью наш современник мастер художественного перевода В. Гольшев отмечал: «Мне много раз предлагали перепереводить то Уоррена, то Фолкнера, один раз Шервуда Андерсена — я переводил “Уайнсбург, Огайо”, до меня его ещё до войны перевели Охрименко и Танк. Я очень мучился, но не морально — переводчики эти к тому времени уже умерли. Я мучился в другом смысле. Переведя рассказ, я смотрел их перевод — и всякий раз видел, что он хорош. Ну, там, может быть, чуть-чуть мотивчика не хватало, но там не было ошибок, все было грамотно...» [Гольшев, 2008].

Мы же, приступая к работе над новым переводом новелл Мериме, были убеждены, что обращение к версиям предшественников будет сковывать нашу свободу и может свестись к редактированию ранее созданного чужого текста или же превратиться в никчёмное соперничество. Вспомнилось одно из откровений Цицерона, пытавшегося в юные годы развивать своё красноречие путём перефразирования высказываний греческих писателей: «Выражения самые меткие и вместе с тем самые красивые и самые удачные были уже предвосхищены или Эннием, если я упражнялся в стихах, или Гракхом, если именно его речь я брал за образец» [Цицерон, 1972, с. 104].

Один из основных принципов, лежащих в основе нашего подхода, — сделать не только исторически и социально адекватный, но и главным образом рациональный перевод. Рациональный перевод основан не на интуиции переводчика, не на его языковом «чутье», а на знании принципов и закономерностей перевода, на понимании того, что перевод — это зеркальное отражение оригинала, но и не произвол переводчика. Разумеется, отсутствие интуиции и языкового «чутья» никоим образом не способствуют успеху перевода. Более того, если этих качеств у переводчика нет, то лучше заняться чем-нибудь другим. Но опора исключительно на интуицию и языковое «чутьё» даёт простор абсолютному произволу переводчика. Рациональный перевод — использование некоторых работающих моделей современной теории перевода и ориентиро-

ванный на современного читателя, на его возможности восприятия чужого текста, отделённого от него почти двухсотлетней историей.

Новый «неклассический» подход к переводу состоял также в «неклассическом» подходе к тексту оригинала, к методу охвата всей заключённой в нём системе смыслов. «Классический» подход предполагает, как известно, непременно прочтение текста и его максимально глубокое и полное понимание ещё до начала перевода. Эта операция в методологии перевода получила наименование предпереводческого анализа текста оригинала. О предпереводческом анализе исходного текста написано и сказано немало [Алексеева, 2000; Брандес, Провоторов, 2001]. При этом функция переводчика-читателя и функция переводчика-писателя оказываются разнесёнными во времени, а иногда и достаточно значительным периодом. Переводчик овладевает текстом оригинала и далее ведёт себя с ним согласно избранной стратегии перевода. Надев на себя одежды автора, он либо переносит автора оригинала в мир своего читателя, либо, напротив, уводит своего читателя в иную культурную среду. Обе стратегии хорошо известны в истории и методологии перевода.

«Неклассический» подход, который можно определить как «синхронный», заключался в том, чтобы переводить текст непосредственно по мере его чтения, не забегая вперёд и не стараясь составить себе полное представление о тексте ещё до его перевода. Приверженцы традиционного подхода к переводу могли бы обвинить переводчиков, выбравших такой путь, в отсутствии профессионализма, в пренебрежении к оригиналу, возможно, предположили бы, что у переводчиков было слишком мало времени для предварительного прочтения оригинала и т.п.

В действительности в данном случае в основу переводческой стратегии было положено представление о переводчике прежде всего как о читателе оригинального текста, точнее, как об одном из возможных, но при этом самом внимательном и достаточно подготовленном читателе, который не упускает ни одной детали. Текст оригинала понимается не как застывшая данность, постоянно равная самой себе, а как некая живая материя. Эта материя живёт в сознании каждого читателя. «Смерть автора» (термин Р. Барта [Барт, 1989]) даёт тексту множественную и вечную жизнь в каждом из его читателей, одним из которых и оказывается переводчик.

Переводчик, исповедующий такой «неклассический» метод перевода художественных произведений, действительно уподобляется читателю. Он последовательно «вживается» в текст оригинала и последовательно переносит своё «динамическое впечатление» от него в текст перевода. Переводчик не пытается «клонировать» автора оригинала и поставить себя на его место, он не старается пи-

сать, так, «как написал бы сам автор, если бы говорил на языке перевода»³. Он твёрдо стоит на позиции читателя оригинала. Его впечатление от текста меняется по мере его прочтения. Характеры персонажей, фабула, языковые хитросплетения, аллюзии и др. предстают в их развитии. Как читателю переводчику интересно читать, он как читатель получает удовольствие от текста и этим своим ощущением делится со своим читателем. Прочитав текст оригинала до конца, переводчик умирает как читатель. У него пропадает живой интерес к тексту. Он волей-неволей возносится и над автором оригинала, и над своим читателем, занимая позицию некоего третейского судьи.

В ходе совместной работы переводчики провели небольшой эксперимент: ещё не завершив перевод одной короткой новеллы — «Аббат Обен» — они прочитали её до конца, т.е. пошли почти по «классическому» пути: сначала прочитать, осмыслить, а потом переводить, стараясь написать так, как написал бы сам автор оригинала на языке перевода. Очень уж было интересно поскорее узнать, чем всё закончится. Развязка полностью изменила отношение переводчика-читателя к главному персонажу. Читательский интерес ко всему произведению был утрачен. До этого переводчик-читатель как истинный читатель шёл по тексту, постепенно вживаясь в образы, о чём-то догадываясь, в чём-то ошибаясь, и все свои читательские сомнения, ошибки, догадки и находки передавал в переводе. Теперь же он, узнав всё, должен был покинуть позицию читателя и встать над автором оригинала, представив себе, что именно он так всё придумал. Переводить стало сложнее. Пропала не только непосредственность восприятия текста, но и динамичность в выборе форм выражения. Знание развязки подсказывало не те слова, что были нужны для постепенного и замысловатого раскрытия перед потенциальным читателем тайнств человеческой души. Потребовались немалые усилия, чтобы хитроумно, «замысловатее» автора, скрывать от будущего читателя перевода то, что им было уже известно. Но замысловатость делала текст вялым и сухим, лишённым живой энергии познания неизвестного и динамики сопереживания, которые стремился вызвать автор оригинала у своего читателя.

Разумеется, наивно было бы утверждать, что работе над переводом не предшествовало никакого знакомства с автором и оригина-

³ Ср.: «Существуют три способа переводить стихи: при первом переводчик пользуется случайно пришедшим ему в голову размером и сочетанием рифм, своим собственным словарём, часто чуждым автору, по личному усмотрению то удлиняет, то сокращает подлинник; ясно, что такой перевод можно назвать только любительским. При втором способе переводчик поступает в общем также, только приводя теоретическое оправдание своему поступку, он уверяет, что, если бы переводимый поэт писал по-русски, он писал бы именно так» [Гумилёв, 1919].

лом. Переводчики обладали достаточным общекультурным фоновым знанием прежде всего в области французской истории и литературы, освобождавшим их от решения многих вопросов, которые, как, в частности, полагает И.С. Алексеева, и составляют предпереводческий анализ исходного текста. Такие вопросы, как: кто автор текста, в какое время создавался и был опубликован текст, для кого он создавался и какому речевому жанру относится текст [Алексеева, 2000, с. 99—104], не требовали от переводчиков дополнительных разысканий.

Что же касается вопросов об информационной структуре и плотности исходного текста, а также о коммуникативном задании автора, т.е. в данном случае его коммуникативной интенции, то именно они и решались последовательно по мере прочтения и перевода текста. Поэтому переводчики не пренебрегали различными комментариями, сопровождавшими разные издания оригинала, обращаясь к ним по мере движения по тексту. Комментарии оказывают неоценимую помощь переводчику в понимании наиболее «тёмных» мест оригинала. Они уточняют исторический и культурный контекст, иногда помогают решить «лингвистические загадки», но порой и вводят в заблуждение.

Новелла «Арсэн Гийо» с первых строк заставляет переводчика задумываться о выборе адекватного эквивалента для самой первой единицы перевода — эпиграфа, содержащего две строчки из гомеровской «Илиады»... на древнегреческом языке. В теории перевода подобные иноязычные вкрапления хорошо известны. Равно известны и рекомендации переводчику: если в оригинальном тексте встречаются фрагменты на другом языке, их можно оставлять без перевода, ведь они являются чужими как для читателя оригинала, так и для читателя перевода. Однако данное положение вовсе не однозначно. В данном конкретном случае вполне очевидно, что для читателя первой половины XIX в. древнегреческий язык не был столь экзотичным, как для читателя начала XXI в., причём речь идёт как о российском, так и о французском читателе. Но даже в тот просвещённый век, когда в литературном творчестве авторы ориентировались на круг классически образованных людей, Мериме предпринимает изящную уловку: источник текста, выбранного в качестве эпиграфа, обозначается по-французски. Таким образом, образованный и интересующийся читатель, который, даже не владея древнегреческим, захотел бы понять смысл эпиграфа, легко нашёл бы его во французском переводе гомеровской «Илиады». Та же уловка могла бы быть использована и в переводе новеллы на русский язык: дать текст эпиграфа по-гречески, т.е. как в оригинале, а ссылку на источник — на русском. Но, как справедливо отмечает О.И. Костикова, «вопрос о том, следует ли

отдавать приоритет автору текста и воссоздавать в переводе язык и атмосферу той эпохи, в которую он писал, или же, напротив, обратиться к “целевому” читателю и создать произведение, при прочтении которого современники не будут испытывать трудности (“прекрасные неверные”), остаётся открытым» [Костикова, 2010, с. 43]. Отечественная переводческая традиция отправляет переводчиков по второму пути. В самом деле, в большинстве случаев русские переводчики стараются всё разъяснить читателю и не утруждать его излишними поисками. Именно такой подход к читателю объясняет, в частности, наличие подробных переводческих комментариев.

Переводчики сознают, что современный массовый читатель вряд ли поймёт смысл выбранных для эпиграфа строк из «Илиады», «закодированных» на непонятном языке. Скорее всего, для большинства читателей новеллы эпиграф на древнегреческом так и останется мёртвой буквой. Следовательно, более верным будет предложить читателю русский перевод соответствующего фрагмента из «Илиады», для чего можно воспользоваться хорошо известным текстом «Илиады» в переводе Гнедича, сделанным ещё в начале XIX в. На первый взгляд, решение простое, тем более, что в переводе, как и в оригинале, песни и строфы пронумерованы. Но обращение к русскому тексту «Илиады» настораживает. Актантовые связи в данном фрагменте оказываются довольно запутанными: *«Александр и Феб стреловержец, Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут!»* [Гомер, 1985, п. XXII, с. 360].

Выхваченные из ткани поэмы строки кажутся несколько странными, и в этом нет ничего удивительного, ведь поэтический перевод не может копировать оригинал строку за строкой: в переводе возникают иные текстовые связи и иное расположение элементов внутренней, т.е. смысловой, структуры, нежели в оригинале.

Переводчики берут на себя смелость сделать новый перевод интересующего их фрагмента по подстрочнику, любезно представленному коллегами — специалистами по древнегреческому языку, в надежде придать ему более понятную форму. Подстрочник позволяет создать следующий текст:

*Ты смел и силен,
Но в Скейских воротах
Предадут тебя смерти Парис
и Феб Аполлон [Мериме I].*

По завершении перевода новеллы было интересно посмотреть, как эту задачу решали авторы предшествующих переводов.

М. Лозинский в переводе новеллы, опубликованном в 1956 г., приводит эпиграф в оригинале на древнегреческом языке, но в сноске

даёт его русский перевод, весьма напоминающий текст Гнедича: «Парис и Феб стреловержец, Сколь ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут» [Мериме II, 1956, т. 2, с. 423]. В более поздней редакции перевода М. Лозинского, опубликованной в 1984 г., эпиграф представлен уже на русском языке в ещё более изменённой форме: «...Парис и Феб Аполлон дальнострельный, Как бы ты доблестен ни был, убьют тебя в Скейских воротах!» [Мериме III, 1984]. Использование синтаксической конструкции с уступительным придаточным предложением делает текст эпиграфа более понятным. Можно предположить, что Лозинский и редакторы последующих изданий его перевода внимательно подошли к читателю, предоставив ему удобный для восприятия вариант эпиграфа.

В переводе, сделанном О. Моисеенко и опубликованном в 1986 г., эпиграф приводится на русском языке с ссылкой на Гнедича: «*Парис и Феб-стреловержец. Как ни могучего, в Скейских воротах тебя ниспровергнут* (греч.)» [Мериме IV, 1986]. Но синтаксическая структура этого варианта ещё более сложна для восприятия в силу того, что субъект действия оказывается отделённым от предиката точкой.

Работа переводчиков над эпиграфом показала возможность разных решений одной и той же переводческой задачи. Вариативность решений отчётливо демонстрирует позицию переводчика по отношению к тексту оригинала и к потенциальному читателю перевода. Лозинский бережно относится к оригиналу и в ранних редакциях, как в оригинале, сохраняет эпиграф в виде иноязычного вкрапления. Правда, забота о читателе вынуждает его дать русский перевод эпиграфа в сноске. Моисеенко использует прецедентный текст Гнедича. Правда, он оказывается довольно тяжёлым для понимания.

Новый перевод ориентирован на современного читателя: эпиграф даётся непосредственно на русском языке в форме, напоминающей поэтическую. Смысл эпиграфа понятен читателю и стимулирует его желание прочесть текст новеллы. Иначе говоря, эпиграф выполняет свою текстовую функцию.

Варианты перевода эпиграфа, предложенные разными переводчиками, хорошо иллюстрируют ещё одну весьма существенную для современной науки о переводе проблему, а именно проблему *единицы перевода*. Вне всякого сомнения, эпиграф составляет отдельную единицу перевода на том основании, что переводится не так, как весь остальной текст, а вариативность переводческих решений подтверждает справедливость определения единицы перевода как некоего фрагмента исходного текста, требующего особого решения переводчика, независимо от того, какие языковые единицы его составляют.

Итак, подводя итог, следует отметить, что перевод, осуществлённый в XXI в., очередной раз подтвердил, что новые переводы имеют право на существование, даже если предшествующие переводы были выполнены признанными мастерами: изменяется общество и его представление о событиях, описанных в оригинале, изменяется переводящий язык. Переводчики разных поколений, обращаясь к классическим произведениям, сталкиваются в основном с одними и теми же проблемами, одни и те же единицы перевода вызывают необходимость принимать непростые решения, и решения эти могут быть весьма различными. Различны и переводческие стратегии. Разумеется, «неклассический» подход, построенный на стремлении передать читателю перевода «динамическое», постоянно меняющееся впечатление от текста, возникающее у переводчика как у одного из читателей оригинала, само по себе не является залогом успеха и сочетается с постоянной и кропотливой поисковой работой. Разумеется, изменяются способы поиска информации, необходимой каждому переводчику для преодоления «культурно-исторического невежества», обусловленного значительной пространственной и временной отдалённостью мира оригинала от мира, в котором живёт и творит переводчик. Современные информационные технологии позволяют переводчику быстро найти сведения, на поиск которых его коллегам предшествующего века понадобилось бы немало усилий. В результате некоторые единицы перевода могут в новых переводах получить более точные эквиваленты.

Во всех случаях поиск необходимой информации о предметах, нравах, словах и их изменчивых значениях остаётся одной из главных задач переводчика, обеспечивающей понимание оригинального текста. Но понимание — это только половина дела. Продвигаясь по тексту, «вживаясь» в него, переводчик постоянно находится в поиске форм для того, чтобы создать на переводящем языке новое литературное произведение.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональное обучение переводчика. СПб., 2000.
- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989.
- Брандес М.П., Провоторов В.И.* Предпереводческий анализ текста. М., 2001.
- Гольшиев В.* Не надо к переводу относиться как к святыне // Weekend. 2008. № 48 (94). <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1091063>
- Гомер.* Илиада / Пер. с др.-греч. Н. Гнедича. М.: Правда, 1985.
- Гумилёв Н.С.* Переводы стихотворные // Принципы художественного перевода. П.: Всемирная литература, 1919. С. 25—30 (цит. по: gumilev.ouc.ru/o-stihotvornyh-perevodah.html).

- Костикова О.И.* Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3.
- Лозинский М.Л.* Литературный календарь. Июль. Центр развития межличностных коммуникаций. <http://www.ruscenter.ru/164.html>
- Мериме I — Мериме П.* Хроника времён Карла IX. Повести и рассказы. М.: Изд-во АСТ, 2009.
- Мериме II — Мериме П.* Арсена Гийо // Мериме П. Избр. соч.: В 2 т. М., 1956.
- Мериме III — Мериме П.* Арсена Гийо. Французская новелла XIX века / Сост. Б.П. Мицкевич. Пер. М.Л. Лозинского. М.: Университетское, 1984. Оcr Longsoft <http://ocr.krossw.ru> (ноябрь 2005).
- Мериме IV — Мериме П.* Арсена Гийо. Проспер Мериме. Арсена Гийо / Пер. О. Моисеенко. М.: Правда, 1986. OCR: А. Ноздрачёв (nozdrachev.narod.ru). <http://lib.ru/INOOLD/MERIME/gijo.txt>
- Степанов В.Г.* Римская мозаика (новые переводы) / Под ред. И.Д. Степановой. Псков, 2008.
- Третьяков В.К.* Езда в остров любви. К читателю // Третьяков В.К. Соч. Т. 3. 1730. С. 648—649 // Русские писатели о переводе. Л., 1960.
- Фитерман А.* Сумароков-переводчик и современная ему критика // Тетради переводчика. М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1963.
- Цицерон М.Т.* Об ораторе // Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
- Belloc H.* On Translation (Oxford: Clarendon, 1931). Tayloran Lectures, 1931 // Беллок Х. О переводе. http://fondslowo.ru/resources/TBT/10_02_belloc.html

С.В. Власенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права Государственного университета — Высшей школы экономики при Правительстве РФ (ГУ—ВШЭ); e-mail: svetsign@stream.ru

РЕФЕРЕНЦИЯ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОСТЬ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПЕРЕВОДЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ РАКУРС

В статье, являющейся логическим продолжением публикации в предыдущем номере «Вестника», предлагается диахронический подход к рассмотрению проблемы референции в межъязыковом переводе с позиций психолингвистики и когнитивной лингвистики. Референция полагается универсальным механизмом переводческого процесса и важнейшей составляющей переводческого мышления. ИмPLICITным доказательством этому служат исследования лингвистов-антиковедов, приведённые в соответствующих комментариях к выполненным ими переводам древних текстов на русский язык. Анализ текстов-первоисточников и их переводов на современные языки, в частности на русский язык, выявляет сложные и референциально непрозрачные связи по линии текст—реальность, где понятие реальности накладывается на ирреальность, включая существование живых и вымышленных персонажей, героев мифологических сюжетов, объектов и событий реального и ирреального/гипотетического мира глубокой древности.

Ключевые слова: альтернативные речезыковые реализации в переводе, внетекстовая реальность, восприятие и понимание в переводе, древние тексты, межъязыковой перевод, аналитическое сопоставление переводческих прецедентов, референция, референциальность, референтные связи, референционная доступность, референционный крах, референционная перспектива, реальный/возможный мир древности.

Svetlana V. Vlasenko,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Department, Faculty of Law, State University — Higher School of Economics under the Russian Federation Government, Moscow, Russia; e-mail: svetsign@stream.ru

Reference and Referentiality in Interlanguage Translation: Diachronic Perspective

The paper revisits the topic elaborated in the earlier Translation Studies serial issue and suggests a diachronic approach towards reference in the interlanguage translation from within the psycholinguistics and cognitive linguistics perspectives. Reference viewed as the universal steering mechanism behind the translation process per se is believed to enable the translator's mental operations. This fact was implicitly evidenced in the respective notes by antique texts' translators who extensively reflected on their rendering of those texts into modern languages, including Russian. Source-text analysis against target language texts favored the translators' viewpoint on intricate and referentially opaque text—reality relations whereby such reality overlaps irreality comprising coexisting human beings with imaginary characters, mythical heroes, as well as real-life and fabled objects and events reflected in the source-language texts generated in high antiquity.

Key words: alternative cross-language renderings, beyond-the-text reality, high antiquity real/possible world, interlanguage translation, perception and comprehension in translation, reference, referentiality, referential accessibility, referential failure, referential perspective, referential relations, referential status, translation case-based analysis.

Традиционный сопоставительно-переводческий анализ не потерял своей актуальности и сегодня. Вместе с тем на современном этапе развития переводоведения критерии сопоставления текста-источника (ТО) и текста перевода (ТП) не могут не учитывать новых подходов когнитивной лингвистики в части репрезентации языками-коммуникантами знаний о мире и психолингвистики в части отражения картины мира воспринимающего и (или) переводящего субъекта в процессах текстовосприятия и текстопостроения независимо от используемых ими языковых кодов.

Проблематика референции в контексте научной парадигмы переводоведения детально рассматривалась в ряде публикаций, среди которых [Власенко, 1996, 1999, 2010а,б,в; Гарбовский, 2010а,б,в; Сорокин, 2001, 2003; Bell, 1993; Duff, 1991; Gutt, 1991; Nida, 1975]. Авторы отмечали наличие большого корпуса сопоставительно-переводческих исследований, позволяющих обосновать факт многообразного варьирования речевых/языковых (далее — языковых) средств, обозначающих референтно тождественные явления и ситуации, оценка статуса которых как полноценных переводных эквивалентов нелинейна и с трудом поддаётся объективизации. Вследствие этого представляется ценной всякая попытка тщательного и взвешенного анализа сопоставляемых текстов-источников с их переводами, в особенности при наличии нескольких признанных переводческих прецедентов для одного текста-источника. Здесь и далее по тексту под *переводческими прецедентами* понимаются тексты переводов, получившие статус литературных произведений в культуре принимающего языка.

В целях развития научной парадигмы переводоведения особую ценность, на наш взгляд, представляют переводы, выполненные переводчиками разных эпох. Изучение нескольких переводов одного классического произведения позволяет проследить или, по меньшей мере, приблизиться к пониманию удельного веса макроконтекстной составляющей в переводческом решении, корреляции качества перевода с прагматическими факторами. Не менее важным аспектом данного анализа являются идиоматичность и идиолектичность языка переводчиков, прямо коррелирующие с субъективной картиной мира — как языковой, так и когнитивной.

В настоящей статье сопоставляются межъязыковые переводы (далее — тексты переводов, ТП), выполненные на разных этапах развития ряда языков, с точки зрения сохранения переводчиками в конечном текстовом продукте существенных смысловых параметров оригинала. Анализируя переводы текстов прошлых столетий,

выполненные как современными переводчиками, так и переводчиками — современниками авторов оригиналов, мы прежде всего исходили из задачи отслеживания и фиксации внешне ненаблюдаемых механизмов языкового сознания переводчиков, определяющих своё конечное решение по означиванию тех или иных референтных пространств, сопряжённых с разными текстовыми манифестациями.

Теоретические вопросы референции в межъязыковом переводе, касающиеся когнитивных основ переводческого процесса, рассматривались в связи с культурологической дистанцией, возникающей при восприятии древних текстов переводчиками прошлых столетий и современными переводчиками. Выбранный ракурс анализа выдвигает на первый план вопрос о соотносённости картин мира переводчика и автора текста-источника. Названная дифференциация картин мира переводчиков и авторов исходных текстов недостаточно изучена в переводоведении, вследствие этого рассмотрение данного вопроса в контексте прагматики перевода — его референциальных аспектов — сложная задача, потребовавшая от автора статьи обращения к текстам переводов с нескольких языков.

В настоящей статье под референцией понимается используемая переводчиком техника соотношения текстовых представлений с внетекстовыми сущностями, а под референциальностью — способность текстовых представлений соотноситься с внетекстовыми сущностями. Наряду с этим референция рассматривается как базовый механизм межъязыкового перевода и как одна из операций смысловосприятия, сопровождающая акт перевода вне зависимости от комбинации языков-коммуникантов и позволяющая переводящим субъектам реализовывать такие речемыслительные действия, как связующий (интерпретирующий) вывод, индивидуальное умозаключение и логический вывод, посредством которых опознаются внеязыковые сущности, явления, события и состояния, репрезентированные в переводимых текстах [Власенко, 2010б, с. 4].

В контексте диахронического анализа нельзя не сослаться на переводы Священного Писания. Книги Ветхого и Нового Завета являлись основным объектом многих десятилетий исследований американского лингвиста Ю.А. Найды [Власенко, 1993; Nida, 1975; Waard, Nida, 1986]. Вместе с тем масштабы исследований древнего сакрального текста настолько широки и многоплановы, что любые беглые комментарии в отношении такого объекта переводческого анализа нецелесообразны и заведомо некорректны (со-

шлёмся лишь на некоторые [Алексеева, 2010; Бобырева, 2007; Яковенко, 2007; Waard, Nida, 1986]). Древние религиозные канонические тексты являются объектом быстроразвивающегося религиозного перевода. Укажем на следующие материалы конференций [В начале было Слово, 2008; ПБФС, 2009; Перевод Библии, 1996] и диссертаций, в которых сопоставляются ТП на трёх и более языках перевода одних и тех же текстовых фрагментов или цельных текстов, как, например, в диссертации финского переводоведа Я.-Э. Эриксона (Jan-Erik Eriksson), где рассматривается техника перевода первой книги псалмов Давида с иврита и греческого языка на сирийский [Eriksson, 1989].

Учитывая цели данной статьи, сопоставим перевод названия древнейшего письменного памятника русской культуры «Слово о полку Игореве»¹, выполненного с древнерусского языка на современный английский писателем-билингвом Владимиром Набоковым (1960), американским славистом Робертом Манном (1979) и переводчицей Ириной Петровой (1981):

Пример 1:

- Название текста-источника на древнерусском языке:

○ *Слово о полку Игоревѣ, Игоря, сына Святъслава, внука Ольгова* (древнерус.) [The Lay, 1981 (1187), p. 25, 91];

- Название текста-источника на современном русском языке:

○ *Повесть о походе Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Ольгова* (совр. рус.) [ibid., p. 93];

• Название текста-источника в переводах соответственно В.В. Набокова, Р. Манна и И. Петровой:

○ *The Song of Igor's Campaign, Igor son of Svyatoslav & grandson of Oleg* [The Song, 1960, p. 55];

○ *The Song of Prince Igor* [The Song, 1979];

○ *The Lay of the Warfare Waged by Igor, Son of Svyatoslav, Grandson of Oleg* [The Lay, 1981, p. 25, 91].

Просодические характеристики в переводе эпоса чрезвычайно важны, что не раз отмечалось специалистами по фоносемантике и переводоведению. Так, американский переводчик «Слова» Р. Манн предлагает свою версию социологемы-историзма в корпусе текста,

¹ Небезынтересно отметить, что наиболее известные поэтические «внутрирусские» переложения «Слова» по рукописи XVIII в. принадлежат В.А. Жуковскому, К.Д. Бальмонту, Н.А. Заболоцкому и Д.С. Лихачеву.

а не в названии: *Igor Sviatoslavich, Prince of Novgorod-Seversk* [Mann, 1990, p. 1—2]. По-видимому, уместно говорить о «культурном слухе» переводчика по аналогии с музыкальным слухом. И действительно, названия «Слова» В.В. Набокова и И. Петровой отличаются «на слух». Предпочтение В.В. Набокова — *The Song* (букв. *песнь, поэтическое сочинение*) — звучнее и ярче, в то время как *The Lay* И. Петровой — лиричнее, но вместе с тем пафоснее. Не вызывает вопросов передача И. Петровой лексемы *слово*, справедливо приравненной к английскому слову *lay* (букв. «*краткая баллада*»)². Объяснима просодическая потеря в переводе древнерусского поэтического повтора ...*пѣлку Игоревѣ, Игоря, сына Святѣслава...*, ...*походе Игоревом, Игоря, сына Святославова* — повтора, сохранённого Д.С. Лихачёвым в переводе на современный русский язык, что позволило и усилило поэтическую просодию, характерную для древнерусского устного эпоса.

Очевидны расхождения средств передачи лексемы *полк*, представленной в англоязычном варианте словом *campaign* и лексической последовательностью *the warfare waged by..* (букв. *война/военные действия, развязанные/инициированные кем-л.*). Эквивалентность сопоставляемых единиц обращает на себя внимание с точки зрения выбранного нами аналитического ракурса — референциального анализа в диахронном аспекте. Если исходить из собственного мнения В.В. Набокова, то он придерживался стратегии буквального перевода в широком понимании «буквализма». В частности, писатель утверждал, что «буквальная передача текста является переводом в истинном смысле слова» и что «“буквальный перевод” предполагает следование не только прямому смыслу слова или предложения, но и смыслу подразумеваемого». По его убеждению, так достигается «семантически точная интерпретация, не обязательно лексическая (относящаяся к передаче значения слова, взятого вне контекста) или структурная (следующая грамматическому порядку слов в тексте)» [Набоков, 1998, с. 555]. Другими словами, писатель утверждал, что «перевод может быть и часто бывает лексическим и структурным, но буквальным он станет лишь при точном воспроизведении контекста, когда переданы тончайшие нюансы и интонации текста оригинала» [там же]. Так, Н.М. Жутовская утверждает, что именно приведённое понимание было реализовано В.В. Набоковым в переводе «Слова» [Жутовская, 2004, с. 114].

² Попутно заметим, что аналогичный выбор сделан И. Железновой в переводе на английский язык «Песни про купца Калашникова» (1837 г.) М.Ю. Лермонтова *The Lay of Tsar Ivan Vassilyevich, His Young Oprichnik and the Stouthearted Merchant Kalashnikov* [Lermontov, 1983 (1837)].

Противоположного взгляда придерживается переводовед-латинист К.И. Таузенд, которая, исследуя переводы латинского автора Боэция (ок. 480—524), пришла к выводу о неприемлемости использования «современных критериев оценки, выражающихся в терминах “вольный”, “буквальный” по отношению к ранним переводам» [Таузенд, 2004, с. 216], с чем мы не совсем согласны. Полагаем, что речь может идти не о неприемлемости буквальности *per se*, а скорее о *неприменимости* таких весьма широких, но привычных для обывденного сознания нефилологов категорий оценки.

Слово «полк» репрезентирует некое объемлющее множество, расплывчатое по характеру и числу включённых компонентов. Что включал в себя полк в XII в., вряд ли можно назвать прозрачным вопросом для подавляющего большинства читающей аудитории. В данном случае обоснована очевидная экспликация референции, предложенная переводчицей И. Петровой, что позволило ей означить импликатуру события, проецируемого лексемой *полк* на временной континуум российской истории. Данное переводческое решение предельно иллюстративно для описанной нами техники связующего (интерпретирующего) вывода как окончательного переводческого решения. «Слово», как и другие литературные памятники, референтно определённого историко-культурному фрагменту развития страны, поэтому нет оснований для сомнения в корректности выбора соответствий в одном случае *warfare* → *война, приёмы ведения войны* [ВАРС, 1942, с. 558]; *война, военные/боевые действия; боевые операции; приёмы ведения войны* [АРВС, 1987, т. 2, с. 623] и в двух случаях *satrapaign* → *поход, операция, военная кампания; служба в войсках во время кампании* [АРВС, 1987, т. 1, с. 168]. Видимо, помимо «культурного слуха» начинают действовать механизмы «интраэтнического и интерэтнического» соперничества двух культур (термин Ю.А. Сорокина [Сорокин, 2006, с. 89]), взаимодействие которых опосредуют языки-коммуниканты. Как известно, «Слово» посвящено сражению, причём сражению проигранному, в связи с этим уместно детализировать факторы, определившие выбор тремя переводчиками ключевого слова *полк*.

Согласно словарю В. Даля, «*полкъ* — принятая единица для счёта войск» [ТСЖВЯ, 1990 (1882), с. 262]. Там же содержится добавление: «*полчище* — рать, войско, ополченье; полк, толпа, ватага; (мн. ч.) *полчища* — большой полк, сильная рать, войско». В толковом словаре русского языка с элементами этимологии приведены следующие значения: «*полк* — 1. воинская часть, обычно входящая в состав дивизии или бригады (авиационный, артиллерийский, ин-

женерно-сапёрный, танковый и т.п.); 2. (*перен.*) множество, толпа (*разг.*)» [ТСРЯВСПС, 2007, с. 687].

Близким к означенному В.В. Набоковым смыслу представляется толкование по интенциональному значению слова «полк», приведённое в толково-словообразовательном словаре, однако приурочивание слова к контексту Руси IX—XV вв., вероятно, не совсем точно: «*полк* — 1. ополчение, выставляемое каждым городом во время войны (на Руси IX—XV вв.); 2. военная единица и административно-территориальный округ (на Украине в XVII—XVIII вв.); 3. войсковая единица с самостоятельным управлением и хозяйством, обычно входящая в дивизию или бригаду (*перен. разг.* множество, толпа)» [НСРЯТС, 2000, с. 201]. Релевантно для аргументации вербального выбора В. Набокова второе из четырёх значений, предложенных Толковым словарём русского языка: «*полк* — 1. самостоятельная войсковая единица, обычно входящая в состав войскового соединения — дивизии; 2. (*истор.*) часть войска с особым оперативным назначением; 4. (*перен.*) множество, толпа, стая, рой (*разг.*); 4. *мн.ч.* войско (*поэт.*)» [ТСРЯ, 2000 (1939), с. 525]. И у Владимира Набокова, и у Ирины Петровой референтом *полка* является вовсе не *войско*, *рать* или *ополчение*, а событие, по поводу которого этот *полк/войско* было собрано. Иначе говоря, событийная референция полагается важнейшей и доминирующей составляющей в передаче названий произведений независимо от их жанра [Власенко, 2010в, с. 22—23]. Расширение фокуса референции и экспликация референтного пространства, продемонстрированные в Примере 1, ещё раз акцентируют внимание на значимости референционного аспекта переводческих решений.

Уместно сослаться на известного переводчика-востоковеда, китаиста и япониста М.Л. Гаспарова [Гаспаров, 2000], переведшего басни Эзопа и «Поэтику Аристотеля» и указывавшего на крайне тонкий баланс между мерой точности и вольности перевода, удержание которого, по его мнению, и составляет переводческий профессионализм (цит. по: [Калашникова, 2008, с. 152—153]). Полагаем целесообразным привести его мнение о лучших образцах переводческого творчества, отобранных по мастерству слова, точности выражения и изяществу стиля и способных служить переводческими прецедентами в переводе древней классики. По утверждению М.Л. Гаспарова, такой чести заслуживают перевод «Илиады» Гомера (VIII в. до н.э.) Н.И. Гнедичем, «Божественной комедии» Данте Алигьери (1265—1321) М.Л. Лозинским и баллады «Коринфская невеста» И.В. Гёте (1749—1832) А.К. Толстым. В контексте наших

рассуждений полагаем в особенности ценным замечание М.Л. Гаспарова об универсальности переводческой техники [там же, с. 152]. Представляется, что под универсальностью переводчик-востоковед, видимо, подразумевал технику расщепления словесной ткани, а в терминах нашей теории — установление референтных связей текста-источника с актуализированными в нём внетекстовыми ситуациями соответствующей культурно-исторической эпохи той или иной страны создания ТО. Таким образом, представляется обоснованным предложить термин *культурологическая дистанция*, который позволяет фиксировать особенности восприятия ТО воспринимающим/переводящим субъектом. Дистанция эта, очевидно, тем больше, чем выше *культуроёмкость текста-источника*, предъявляющая серьёзные требования к картине мира переводящего субъекта и накладывающая серьёзные ограничения на используемые им техники трансляции переводимого.

В указанном выше диахроническом исследовании переводов Боеция, выполненных на ранних этапах развития английского языка и культуры, отмечается зависимость процесса и результата перевода античной литературы от прагматических факторов, а также их корреляция с точностью воспроизведения оригинала. Так, К.И. Таузенд сопоставила латинский оригинал с четырьмя англоязычными версиями перевода: 1) древнеанглийским переводом короля Альфреда (IX в.), 2) среднеанглийским переводом Джеффри Чосера (XIV в.), 3) ранненовоанглийским переводом Джорджа Колвила (1556 г.), 4) ранненовоанглийским переводом королевы Елизаветы I (1593 г.) [Таузенд 2004, с. 231]. Сопоставленные тексты переводов латинского оригинала на древнеанглийский, среднеанглийский и ранненовоанглийский³ крайне иллюстративны в целях нашего анализа. Они позволяют сделать обоснованный вывод о наличии «экстрапереводческой сверхзадачи», обусловленной «различием в этапах становления и развития ИЯ и ПЯ, когда язык оригинала является высоким образцом национального литературного языка⁴, обладающего сформировавшейся нормой, узусом и жанрово-стилистическим разнообразием, а язык перевода⁵ находится на одной из донациональных или ранних национальных стадий своего формирования, не выработав ещё единой литературной нормы, многих жанров и стилей [там же, с. 215].

³ Последний в исполнении двух разных переводчиков.

⁴ Имеется в виду латинский язык.

⁵ Автор исследования имеет в виду разные этапы развития одного и того же языка перевода — английского, а именно древнеанглийский, среднеанглийский и ранненовоанглийский.

Стремление переводчиков облегчить восприятие произведений прошлых столетий, сделать описываемые события прошлого более доступными для понимания связано с гипотетическим «приближением» прошлого посредством «укорачивания» культурологической дистанции, «приближением» референтного пространства. В этой связи ключевым становится термин *референционная доступность* ТО или его единиц, последовательностей или фрагментов. Повышение доступности единиц ТО сопряжено с использованием техники *референционной привязки*. Перевод В.В. Набоковым «Слова», по мнению Санкт-Петербургского филолога Н.М. Жутовской, отличался от переводческой трактовки Д.С. Лихачёва, что, по нашему убеждению, предсказуемо и естественно, учитывая когнитивные и языковые картины мира двух выдающихся словесников. В контексте нашего анализа укажем на факты расхождения поверхностных реализаций, цитируемые Н.М. Жутовской, как неизбежные результаты индивидуализации смысловосприятия и интерпретации референтного пространства «Слова». Так, Н.М. Жутовская отмечает, что «Набоков использует различные английские написания для упоминаемого в исходном тексте слова “Дунай” — традиционное Danube, там, где слово это означает определённое географическое понятие (“затворивъ Дунаю ворота”, “суды ряда по Дуная” и “дъвици поють на Дунаи”), и транслитерацию русского слова Дунай в том случае, когда речь идёт не о конкретной реке, а об отвлечённом художественном образе» [Жутовская, 2004, с. 119].

Дифференцируя в целях переводоведения *эмпирический* и *гипотетический референт*, мы исходим из необходимости учитывать в текстопостроении на переводящем языке частичную совместимость картин мира автора ТО, переводчика и целевой аудитории, для которых реальные или мыслимые сущности, реальные или возможные миры могут быть эмпиричны или гипотетичны в разной мере, что неизбежно скажется на выборе средств порождения ТП и его понимания [Власенко, 2010в, с. 8]. Подобная дифференциация референтов, с точки зрения восприятия переводящего субъекта, позволяет выявить корреляцию этого разграничения как функцию *референционной доступности* единиц или последовательностей ТО. В контексте наших рассуждений интересны случаи разного актуального членения предложений Д.С. Лихачёвым и В.В. Набоковым, выявленные Н.М. Жутовской, отмечавшей, что «вместо чтения Лихачёва “Копия поють! / На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ” Набоков сохраняет мусинскую разбивку строк на предложения: “Копия поють на Дунаи. / Ярославнынъ глас слышитъ”» [там же, с. 118—119].

Здесь также уместно сослаться на Т.М. Николаеву, которая исследует «Слово» в трёх измерениях, противопоставляя отражаемые им пространства: художественное, т.е. вымышленное, историко-культурное и реальное, географически опознаваемое пространство материального мира [Николаева 2001]. Исследователь использует денотатную привязку к упоминаемым в «Слове» географическим реалиям (к местности, городу, селению, реке, морю и т.п.) для определения фиктивности/реальности их существования в окружающей действительности посредством исчисления, своего рода инвентаря, всех упомянутых географических реалий и подсчёта количества совпадений между денотативной адресацией географических понятий с реально идентифицируемыми реалиями географического пространства в историческом прошлом или настоящем. При этом Т.М. Николаева ставила целью определить, «каково для настоящего времени процентное (количественное) соотношение прояснённых и непрояснённых реалий... и реалий, по существу омонимичных нашей современной “привязке”» [там же, с. 52]. Под «прояснёнными и непрояснёнными реалиями» Т.М. Николаева, несомненно, подразумевает референциальную доступность — наличие—отсутствие геореферента. Исследователь сама прямо указывает на приоритет денотативной совмещённости названия и места — каждое понятие будет сопоставляться с современной интерпретацией топонимов, а приоритетным принимается расхождение по денотату [там же, с. 53].

Т.М. Николаева заключает, что «географическая привязка в «Слове» остаётся частичной — очевидно, ровно настолько, чтобы быть и оставаться текстом художественным и в то же время быть рефлексом реальных исторических событий. Именно это отличало средневековые тексты, когда ещё не был выработан столь привычный для нас сейчас приём исторического романа, когда среди реальных и вполне узнаваемых мест движутся и живут никогда не существовавшие герои. Достаточно сравнить тексты «Слова» и рыцарские романы европейского Средневековья» [там же, с. 55—56]. Характерен следующий вывод Т.М. Николаевой: «Неконкретное противопоставление конкретному, настоящее — прошлому <...> Пространство “Слова”, соединяющее историю с географией, ...собственные имена с нарицательными и полумифическими, становится многомерным и полусимволическим» [там же, с. 55].

Последнее утверждение, если не аналогично, то во многом созвучно наблюдениям известного российского переводчика-антиковеда, византолога С.В. Поляковой, которая называет текстовое пространство «романной действительностью» как проявления «то первичного, реального, то вторичного, иллюзорного бытия (явь, сон, рассказ-воспоминание)», для которого характерна «зыбкость

переходов от действительно бывшего к иллюзорному». Объединённые пространства сна-яви, по мнению учёной, «начинают путаться, ускользать, сливаться, так как внимание не может справиться с нагромождением тождеств, и вследствие этого невозможным становится отличать реальное от его вариантных или иллюзорных форм» [Полякова, 2008а, с. 169].

В целях настоящей статьи полагаем целесообразным предложить трёхязычный референционный анализ ТО и ТП. Подобного рода сопоставление проводится далеко не часто в силу сложности не только и не столько межъязыковых переходов, сколько удалённости культурных ландшафтов стран, на языки которых переведено оригинальное произведение. Произведение-источник — «Декамерон» Дж. Боккаччо — относится к периоду Средневековья — XIV в., точнее к 1353 г., — и по характеру принадлежит к аллегорическому произведению. Три перевода на русский, выполненные соответственно в конце XIX в., середине и во второй половине XX в., были изучены и прокомментированы итальянским исследователем-переводоведом Кларой Монтеллой [Монтелла, 1978]. Ряд положений учёного, хотя и сделанный в рамках иной школы и терминологии, оказался по существу близким нашему видению классической проблемы межъязыковых соответствий. Вследствие этого мы сочли возможным привести мнение итальянского лингвиста в той части, в какой оно близко нашему.

Собственно референционный анализ коснётся трёх текстов переводов на русский, однако наличие оригинала на староитальянском языке и текста перевода на английском⁶, который выполнен столетие назад носителем английского языка, полезно хотя бы потому, что в большей степени приближает наше восприятие к изначальному авторскому замыслу и его образной перспективе, являясь средством наилучшей аппроксимации нашей профессиональной картины мира к распространённой практике литературного и переводческого творчества той эпохи; социокультурного фона, во многом определявшего литературные традиции и переводческие установки того периода с обусловленными им предпочтениями, запросами и вкусами. Цитируемый перевод произведения Дж. Боккаччо «Декамерон» на английский язык принадлежит британскому

⁶ Decameron Web: English translation of the Italian text of “The Decameron” by Giovanni Boccaccio / Translated by J.M. Rigg, London, 1921 (first printed 1903) // The Italian Studies Department’s Virtual Humanities Lab at Brown University. http://www.brown.edu/Departments/Italian_Studies/dweb/texts/DecShowText.php?myID=nov1010&lang=eng (См. также: http://digilander.libero.it/il_boccaccio/translate_english/boccaccio_the_decameron_tenth_day.html).

переводчику Дж.М. Риггу (J.M. Rigg)⁷. Текст перевода, впервые опубликованный в Лондоне в 1903 г., выполнен в той манере и таком стиле изложения, которые были присущи тому времени, а именно: на основе литературоведческого подхода, нацеленного на максимально близкое соответствие языку оригинала. Подобные переводы в настоящее время называются дословными, или буквальными, и не расцениваются комплементарно (за исключением трактовки В.В. Набокова, процитированной в начале статьи). Вместе с тем не следует недооценивать важности данного перевода, полезного по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, этот текст даёт ясное представление о понимании переводчиками своей задачи и видении своей функциональной роли в приумножении всемирного литературного наследия, и, во-вторых, в целях нашей статьи этот текст, бесспорно, служит «слепком» поверхностной структуры итальянского оригинала и как таковой является своеобразным «промежуточным звеном» между итальянским источником и русскими переводами в том смысле, что хронологически на столетие ближе ко времени создания оригинала, чем ТП2 и ТП3. Кроме того, для англоязычных читателей небезынтересно увидеть литературный английский в столетней ретроспективе.

В контексте нашего исследования подобный диахронический анализ, пусть даже ограниченный объёмом статьи, позволяет пролить свет на психологические портреты переводчиков, «устройство» их творческой лаборатории: базовые исходные установки, набор методов и средств, т.е. всё то, что по умолчанию включено в переводческую технику, подчёркивая важность соотнесения картин мира автора средневекового оригинала и переводчиков, толкующих его произведения в иных социально-культурных условиях. Обратимся непосредственно к сопоставляемым текстам:

Пример 2:

ТО (1353 г.)
<p><i>«E venuto il dì che alle nozze predeto avea, Gualtieri in su la mezza terza montò a cavallo, e ciascun altro che ad onorarlo era venuto; e ogni cosa opportuna avendo disposta, disse: “Signori, tempo è d’andarte per la novella sposa”; e messi in via con tutta la compagnia sua pervennero alla villetta. <...> e lei trovata ... la quale come Gualtieri vide, chiamatala per nome, cioè Griselda, domandò dove il padre fossi, al quale ella vergognosamente rispose: “Signor mio, egli è in casa”»</i> Boccaccio G. (цит. по: [Монтелла, 1978, с. 27]).</p>

⁷ Укажем на существование и других англоязычных переводов Декамерона, в частности известного текста Дж. Пейна (John Payne) — 1990-е гг., а также Джона Флорио (John Florio) — 1620 г.

ТП1 (1903 г.)	ТП2 (1885—1886 гг.)
<p>«The day that he had appointed for the wedding being come, about half tierce he got him to horse with as many as had come to do him honour, and having made all needful dispositions: — “Gentlemen,” quoth he, “tis time to go bring home the bride.” And so away he rode with his company to the village; <...> [Gualtieri’s bride come by. Whom Gualtieri no sooner saw, than] he called her by her name, to wit, Griselda, and asked her where her father was. To whom she modestly made answer: — “My lord, he is in the house”» [Пер. с итал. Дж.М. Ригга, 1903 (1921)].</p>	<p>«Настал условный день, и маркиз привёл все дела в порядок, сел на коня и сказал приближенным: “Государи мои, пора нам отправляться за невестою”. И все поскакали веселою вереницею в то селение, где жил отец наречённой <...> Гвальтьери называет её по имени Гризельдою, потом спрашивает: “Где отец твой?” — “Дома”, — отвечала она и за-краснелась, как алый мак» (Пер. с итал. К.Н. Батюшкова, цит. по: [Монтелла, 1978, с. 27]).</p>
ТП3 (1955 г.)	ТП4 (1970 г.)
<p>«Когда настал день, назначенный им для свадьбы, Гвальтьери в половине третьего часа сел на коня, а с ним и все, явившиеся почтить его; распорядившись всем нужным, он сказал: “Господа, пора отправиться за невестой”. Пустившись в путь, он вместе со всем обществом прибыл в деревушку. <...> Когда Гвальтьери увидел её, окликнув её по имени, то есть Гризельдой, спросил, где её отец, на что она стыдливо ответила: “Господин мой, он дома”» (Пер. с итал. А.Н. Веселовского, цит. по: [Монтелла, 1978, с. 28—29]).</p>	<p>«В день свадьбы, в семь часов утра, Гвальтьери и все его гости сели на коней. Отдав необходимые распоряжения, он сказал: “Синьоры! Пора ехать за невестой”. Все тронули поводья и поехали в деревушку. <...> Гвальтьери, назвав её по имени, то есть Гризельдой, спросил, где её отец, на что она, застыдившись, ответила: “Дома, господин”» (Пер. с итал. Н.М. Любимого, цит. по: [Монтелла, 1978, с. 29]).</p>

Референционный анализ. Разные поверхностные реализации, начиная с выбора лексических средств и заканчивая синтаксическими, в частности порядком слов, при выраженных идиолектах авторов ТП и вследствие этого заметной автохтонности их текстов несущественно влияют на репрезентацию референтного пространства, которое в ТП2 и ТП3 сохраняет близкое *референтное тождество*. Итальянская исследовательница перевода К. Монтелла прокомментировала ТП3 как текст, выполненный методом «синтаксической конденсации», позволивший переводчику Н.М. Любимову построить русскоязычный текст, «более соответствующий речевой норме русского языка» в сравнении с другими представленными ТП [Монтелла, 1978, с. 29].

В ходе проведённого референционного анализа обратила на себя внимание дистантность поверхностных реализаций хроноса — временной референции, а также предикации — предикативной референции. Ранее мы отмечали, что именно эти две области референции «высвечиваются» как порождающие наибольшее разнообразие поверхностных реализаций не только при соположении ТО и ТП в синхронном сопоставлении [Власенко, 2010б], но и диахронном. В отношении временной референции — «в семь часов утра» — К. Монтелла отмечает предпочтительность «реальной семантической эквивалентности», а не формальной передачи, использованной в ТП2 (перевод А.Н. Веселовского). К. Монтелла указывает на непонятность ТП2 при отсутствии примечания или «избыточности текста, как это сделано у К.Н. Батюшкова, вообще опустившего» временной детерминатив [Монтелла, 1978, с. 29].

Подобные факты «опущений» были замечены и прокомментированы философом языка и семиотиком У. Эко, который, сравнивая переводы своих произведений на разные европейские языки, отметил, что смысловые переходы в переводе связаны с «сохранением существенных референций и непринуждённостью обращения с референциями побочными» [Эко, 2006 (2003), с. 190—191]. Кроме того, такие «опущения» временных рамок, видимо, указывают на сохраняющиеся своевольные хронолитические передвижки авторов и переводчиков, впитавших дух и традиции литературы давнего или недавнего прошлого. Недавним прошлым по отношению ко времени создания «Декамерона» следует считать Античность.

В этой связи небезынтересно привести мнение переводчицы с древнегреческого византолога С.В. Поляковой об обращении античных авторов с фактором времени исходя из того, что «время повествования обычно в известной мере имитирует реальное соответственным расположением в пределах повествовательных фактов различной продолжительности» [Полякова, 2008а, с. 173]. Так С.В. Полякова отмечает резкое нарушение временных рамок и диспропорции событий и действий прошлого—настоящего—будущего, деконкретизацию и разбитовление действий в повествовании, включенность реального времени в ирреальное, когда «нарушен не только реальный ритм времени, в результате чего будущее, осуществляясь во сне, оказывается настоящим—прошлым», но и нарушена даже иллюзия сравнительной длительности его протекания [там же].

Сопоставим поверхностные реализации в сопоставленных текстах ТП1 — ТП4 по областям референции⁸:

Номинативная референция:

- *the day appointed for the wedding* → *условный день* (ТП2), *день, назначенный [им] для свадьбы* (ТП3), *день свадьбы* (ТП4);
- *the bride* → *наречённая* (ТП2), *невеста* (ТП3, ТП4);
- *Gentlemen* → *государь мои* (ТП2), *господа* (ТП3), *синьоры* (ТП4);

Обращение позволяет красноречиво проиллюстрировать культурную дистанцию между авторами переводов и представляемой каждым из них культурной средой. Наряду с этим нельзя не отметить культуроёмкость обращения *Gentlemen* и национальную привязку каждого переводческого решения к социуму: в данном случае первые два варианта (ТП2, ТП3) явно ориентированы на русскоязычную читательскую аудиторию и нацелены на минимизацию культурной дистанции, на реинтерпретацию в терминах культуры принимающего языка (по Я. де Ваарду и Ю.А. Найде), а автор перевода ТП4 сохраняет верность оригиналу, не признавая тем самым необходимости минимизации культурной дистанции, а подчёркивая дистантность культур, преодоление которой полагается многими ценной альтернативой расширению лингвокультурологической составляющей когнитивной картины мира адресатов.

Предикативная референция:

- *having made all needful dispositions* → *привёл все дела в порядок, сел на коня [и сказал]* (ТП2), *распорядившись всем нужным, [сказал]* (ТП3), *отдав необходимые распоряжения, [сказал]* (ТП4);
- *[away he] rode with his company* → *поскакали весёлою вереницею* (ТП2), *пустившись в путь, ... [прибыл]* (ТП3), *тронули поводья и поехали* (ТП4);

Заметим, что расщепление фокуса референции при репрезентации сюжетного действия носит выраженный субъективный характер, последовательно отражая вариативность образной составляющей поверхностной формы *his company*;

- *[to whom she] modestly made answer* → *отвечала и покраснелась, как алый мак* (ТП2), *стыдливо ответила* (ТП3), *застыдившись, ответила* (ТП4).

Уместно отметить, что расщепление фокуса референции при репрезентации описанного действия проводится переводчиками

⁸ Подробное описание дифференцированных областей референции см.: [Власенко, 2010а]. Данная классификация, включающая четыре основные области — номинативную, предикативную, атрибутивную и модальную, подчинена целям сопоставительно-переводческого анализа ТО и ТП; она не пересекается с предметно-референтными областями реальности как сегментами знаний в картине мира, описанной Ю.Н. Карауловым и Ю.Н. Филипповичем в рамках концептографической концепции языковой картины мира [Караулов, Филиппович, 2009].

субъективно, при этом овнешнение эмотивного содержания наречной лексики *modestly* отражает индивидуальный эмотивный опыт переводчиков как составляющую их языковой личности.

Атрибутивная референция (количественная):

• *as many as had come to do him honour* → *приближённые* (ТП2), *все, явившиеся почтить его* (ТП3), *все его гости* (ТП4);

Сопоставление ТО и ТП дает возможность наглядно увидеть перераспределение поверхностных реализаций — языковых средств, передающих смысл глубинного уровня. Приведённые тексты акцентируют различия в картинах мира и образности его восприятия, что находит соответствующее отражение в выборе языковых форм как овнешнённого «отпечатка» экзистенциальной картины мира автора ТО и переводчиков. В определённой степени сопоставленные переводы и референционный анализ подтверждают вывод К.И. Таузенд о том, что «прагматический аспект доминирует над лингвистическими аспектами в определении переводческой стратегии и её реализации» [Таузенд, 2004, с. 218]. Напомним, что прагматическая эквивалентность полагалась высшим уровнем эквивалентности в рамках советской школы перевода [Швейцер, 1988]. Картину мира переводчика следует относить к прагматическому аспекту.

Переводчик-византолог С.В. Полякова не только выполнила переводы знаковых произведений византийских авторов с древнегреческого языка, таких как «Метаморфозы или Золотой осёл» Апулея [Полякова, 1988], «Византийские легенды» [ВЛ, 2004], «Пёстрые рассказы» Элиана Клавдия [Элиан Клавдий, 1995] и др., но и проанализировала их с литературоведческих позиций и с позиций психолингвистики⁹. Данное утверждение обоснованно, несмотря на то что формально С.В. Полякова не позиционировала себя в качестве психолингвиста, но *de facto* работала именно интроспективно, фиксируя и документируя собственную переводческую рефлексию. Именно её комментарии, статьи и заметки о выполненных переводах с древнегреческого, по нашему мнению, представляют золотой фонд переводческой рефлексии, заслуживающий самого пристального изучения. Так, анализируя переведённый ею роман средневекового писателя XII в. Евмафия Макремволита, С.В. Полякова характеризует сознание средневекового человека как органично включающего иллюзорный мир сновидений в качестве одной из «форм действительного бытия», сосуществование реального и ирреального мира в сознании и участие ирреального в процессах принятия жизненно важных решений. По мнению учёного, византийский человек воспринимал и ощущал действительность

⁹ Об этом свидетельствуют материалы кандидатской диссертации С.В. Поляковой, тезисное содержание которых опубликовано [Полякова, 2008б (1976), с. 248–249].

иначе, нежели современные читатели, чётко разграничивающие реальный мир и ирреальный. С.В. Полякова прямо указывает, что «обе эти сферы располагались в... сознании [византийского человека] много ближе, чем в нашем. Между сном, видением и тем, что происходит на самом деле, для него меньше разницы, чем для нас, и к сну он относится как к известию, предупреждению или обещанию, сообразно с их характером формируя действительность, будь то отказ от путешествия, выбор невесты, подготовка к походу, перемена профессии или образа жизни» (цит. по: [Полякова, 2008а, с. 172]).

Архетипы сознания авторов ТО, соотнесённые на поверхностном уровне с наборами языковых знаков, находятся вне времени и обычного порядка вещей, представляя общечеловеческие ценности и универсальные прототипические смыслы. Видимо, многие языковые реализации становятся понятными, если не исчерпывающе ясными, разным поколениям читателей, когда смысловые сущности, стоящие за теми или иными текстовыми воплощениями, скроены по координатным сеткам архетипических структур. Именно это обстоятельство имеет в виду С.В. Полякова, когда утверждает, что «античная художественная литература всегда имеет двойственный характер: её памятники являются выразителями идеологических достижений данной конкретной современности, оставаясь в то же время по своему образному составу архаическими структурами, порождёнными мифологическим мышлением» [Полякова, 2008б, с. 248].

Солидарное мнение выражает переводовед И.Ю. Шабага, которая утверждает, что «методика перевода с древнегреческого и латинского языков на русский значительно отличается от методики перевода с современных западноевропейских языков. Это отличие обусловлено прежде всего... разницей в мировосприятии античного и современного человека, что проявляется в несколько ином, по сравнению с современным, мышлении и в ином способе грамматического оформления понятийного аппарата» [Шабага, 2010, с. 386]. Автор подробно останавливается на грамматических особенностях классических языков – греческого и латинского, иллюстрируя сложности трансляции их значений в современный русский язык и указывая на необходимость дословного перевода как обязательной и практически неизбежной промежуточной фазы, сопровождающей создание ТП.

Наряду с постулируемым нами утверждением об обоснованности учёта культуроёмкости текста в любом переводе художественных текстов, включая поэтические, а также публицистические и историко-социальные тексты в особенности с древних языков, тре-

буется учёт характера референтного пространства как гипотетического в преимущественном числе случаев [Сорокин, Власенко, 1998].

В заключение отметим, что диахроническое рассмотрение проблематики референции и референциальности в переводе представляется важным исследовательским направлением переводоведения, изучение которого, вероятно, следует полагать целесообразным не только в контексте классических проблем, но и в рамках стремительной дифференциации его отраслей по референтным областям знаний¹⁰: военный перевод, медицинский перевод, финансовый перевод, юридический перевод, религиозный перевод, политехнический и др. Отметим особую ценность, которую имеет для теоретического переводоведческого анализа использование нескольких вариантов перевода для одного текста-источника. Такое соположение текстов в равной мере иллюстративно и доказательно. При этом верификация и обновление многих положений научной парадигмы переводоведения должны, видимо, базироваться на тщательном теоретическом исследовании фактов, выявляемых переводчиками в ходе параллельного соположения текстов на языках-коммуникантах, что позволит объективировать регулярные соответствия и закономерности, а также неизбежные переводческие антиномии в любых сопоставляемых языковых парах.

Список литературы

- Алексеева М.О.* Своеобразие пространства смыслов в терминологии русского православия // Труды Высшей школы перевода (ф-та) Моск. ун-та. Книга 1. 2005—2010. М., 2010. С. 314—322.
- Бобырева Е.В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): Автореф. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Власенко С.В.* Прагматика и перевод: взгляд американских учёных // Лингвистическое открытие Америки (1492—1992): Сб. науч.-аналит. обзоров / РАН. ИНИОН. М., 1993. С. 106—143.
- Власенко С.В.* Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Власенко С.В.* Проблема референции в переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. МГЛУ. М., 1999. № 444. С. 24—33.
- Власенко С.В.* Текст как объект референции // Вопросы психолингвистики. 2010а. Вып. 1 (11). С. 115—132.
- Власенко С.В.* Референция и референциальность в межъязыковом переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010б. № 4. С. 3—28.

¹⁰ В том смысле, в каком это аргументировано Ю.Н. Карауловым и Ю.Н. Филипповичем в связи с конфигурацией элементарных единиц знаний в языковой картине мира носителя языка [Караулов, Филиппович, 2009, с. 152—156].

- Власенко С.В.* Смысловосприятие англо-русского переводчика: результаты одного психолингвистического эксперимента // Слово и текст: психолингвистический подход / Под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь, 2010в. С. 15—37.
- ВЛ: Византийские легенды* / Сост. С.В. Полякова / РАН. СПб., 2004 (1972). (Литературные памятники).
- В начале было Слово = In the Beginning was the Word: Библия Н.З. Евангелие от Иоанна 1, 1—17 (на 76 языках)* / Гл. ред. М. Беерле-Моор. М.: Ин-т перевода Библии, 2008. (Текст абхаз., авар., адыг., азерб., алтайск., англ., армян., балкар., башкир., бежтин. и др. яз.).
- Гарбовский Н.К.* Отражение как свойство перевода // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М., 2010а. С. 98—106.
- Гарбовский Н.К.* Перевод и смысл: к постановке вопроса // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М., 2010б. С. 107—111.
- Гарбовский Н.К.* Герменевтический аспект перевода // Труды Высшей школы перевода (фак-та) Моск. ун-та. Кн. 1. 2005—2010. М., 2010в. С. 112—122.
- Гаспаров М.Л.* Записки и выписки. М., 2000. С. 322—323.
- Жутовская Н.М.* Владимир Набоков — переводчик «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / Перев. на англ. яз. и коммент. В.В. Набокова; Вступ. ст. и сост. В.П. Старка / РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб.: Академический проект, 2004. С. 113—119.
- Калашникова Е.* По-русски с любовью: беседы с переводчиками. М., 2008.
- Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009.
- Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 555.
- Николаева Т.М.* Три пространства Игорева похода: художественное, летописное, «реальное» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Мат-лы Юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России (27—29 августа 2000 г. Ярославль—Рыбинск). Ярославль, 2000. С. 45—56.
- Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: Совместная конференция Ин-та перевода Библии и Ин-та языкознания РАН (Москва, 24—26 сентября 2008 г.). М., 2009. <http://www.ibt.org.ru/>; <http://www.ibt.org.ru/russian/info/program.pdf>
- Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты: Мат-лы конф. / Гл. ред. Б. Арапович (Москва, 28—29 ноября 1994 г.). М.: Ин-т перевода Библии. Рос. отделение, 1996.
- Полякова С.В.* «Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея. М., 1988.
- Полякова С.В.* Из истории любовного романа: опыт интерпретации «Повести об Исминии и Исмине» Евмафия Макремволита // Евмафий Макремволит. Повесть об Исминии и Исмине : Мемориальное издание перевода и исследования Софьи Викторовны Поляковой. СПб., 2008а. С. 84—245 (Сер. Византийская библиотека. Исследования).

- Полякова С.В.* Семантика образности античного исторического эпоса (V в. до н.э. — I в. н.э.): Тезисы к дис. ... канд. филол. наук // Евмафий Макремволит. Повесть об Исминии и Исмине: Мемориальное издание перевода и исследования Софьи Викторовны Поляковой. СПб., 2008б. С. 248—249 (Сер. Византийская библиотека. Исследования).
- Сорокин Ю.А.* Переводоведческий триптих // Проблемы прикладной лингвистики — 2001 / Отв. ред. А.И. Новиков. М., 2001. С. 261—276.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
- Сорокин Ю.А.* Лингвокультуральные конфликты: ретроспективный анализ // Вопросы психолингвистики. 2006. Вып. 4. С. 80—92.
- Сорокин Ю.А., Власенко С.В.* Переводческая рефлексия: эмпирический и гипотетический референт в переводе // *Hermeneutics in Russia*. Online Journal. Tver State University, Russia. 1998. Vol. 2. N 2. <<http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-2/1998-2-10.pdf>>
- Таузенд К.И.* Прагматический аспект переводов античных авторов (на материале ранних английских переводов латинского сочинения Боэция «Об утешении философией»): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- Шабага И.Ю.* Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Труды Высшей школы перевода (ф-та) Моск. ун-та. С. 386—397.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Эко У.* Референция и глубинный смысл // Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе / Пер. с итал. А.Н. Коваля. СПб., 2006 (2003).
- Элиан Клавдий.* Пёстрые рассказы / Пер. с др.-греч.; Вступит. ст., прим. и указатель С.В. Поляковой. М., 1995 (Сер. Литературные памятники).
- Яковенко Е.Б.* Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии: опыт концептуального моделирования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2007.
- Bell R. T.* Translation and Translating: Theory and Practice / Gen. ed. G.N. Candlin. L.; N.Y., 1993 (Applied Linguistics and Language Study).
- Duff A.* Translation. Oxford: Oxford Univ. Press, 1991.
- Eriksson J.-E.* The Hymns of David Interpreted in Syriac: A Study of Translation Technique in the First Book of the Book of Psalms (Ps 1—41) in the Pešitta: Diss. Uppsala: Uppsala univ., 1989.
- Gutt E.-A.* Translation and Relevance: Cognition and Context. Oxford, 1991.
- Mann R.* Lances Sing: A Study of the Igor Tale. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, Inc., 1990.
- Nida E.A.* Words and Thoughts // Language Structure and Translation. Essays by Eugene A. Nida / Comp. by A.S. Dil. Stanford, 1975.
- Waard J., Nida E.A.* From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville, 1986.

Лексикографические источники

- APBC 1987* — Англо-русский военный словарь: В 2 т. / Авт.-сост. Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. М., 1987.
- ВАРС 1942* — Военный англо-русский словарь / Сост. А.М. Таубе. М., 1942.

- НСРЯТС* 2000 — Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. / Авт.-сост. Т.Ф. Ефремова. М., 2000. Т. 2. П—Я (Библиотека словарей русского языка).
- ТСЖВЯ* 1990 (1882): Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Авт.-сост. Даль В. Т. III. М., 1990.
- ТСРЯ* 2000 (1939) — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М., 2000.
- ТСРЯВСРС* 2007: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

Цитируемая литература

- Монтелла К.* Замечания о русских переводах Боккаччо / Пер. с итал. П.С. Пантюхина // Тетради переводчика: Сб. ст. / Под ред. Л.С. Бархударова. М., 1978. Вып. 15. С. 23—31.
- Слово* 2004: Слово о полку Игореве / Пер. на англ. яз. и коммент. В.В. Набокова; Вступ. ст. и сост. В.П. Старка / РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). СПб., 2004.
- The Lay* 1981 (1187): *The Lay of the Warfare Waged by Igor* / Transl. into Modern Russian by Dmitry Likhachov; Transl. from Old Russian into English by Irina Petrova = Слово о Полку Игореве (на англ. яз. с паралл. текстами на древнерус., совр. русск. и англ. яз. / Пер. с древнерус. на соврем. рус. Дмитрия Лихачева; Пер. с древнерус. на совр. англ. И. Петровой. М., 1981.
- Lermontov M.* *The Lay of Tsar Ivan Vassilyevich, His Young Oprichnik and the Stouthearted Merchant Kalashnikov (1837)* / Transl. from Russian by Irina Zheleznova. М., 1983.
- The Song* 1960 — *The Song of Igor's Campaign. An Epic of the Twelfth Century* / Transl. from Old Russian by Vladimir Nabokov. N.Y.: Vintage Book. A Division of Random House, 1960.
- The Song* 1979 — *The Song of Prince Igor: Russia's Great Medieval Epic* / Transl. into English by Rob.

LA TRADUCTION MÉDIÉVALE SENS DESSUS DESSOUS

Astrid Guillaume,

Docteur de l'Université Paris Sorbonne (Paris IV), France, Maître de conférences, Vice-Présidente de l'Observatoire européen du Plurilinguisme; e-mail: astrid.guillaume@paris-sorbonne.fr

MEDIEVAL TRANSLATION: PLAY ON SENSE

This study examines the issue of Medieval translation in Europe. The author makes an attempt to fill in one of the blanks in the history of translation by showing how translations were done in the Middle Ages. Medieval translation proved quite diverse: various translators promoted various types of texts, e.g. religious, historical, literary, etc. Each of these genres required a specific approach. The author argues that translation in the Middle Ages was an art which only erudits could master. Such erudits were few in number, but they wielded a special power over uneducated people. In the Middle Ages, translation and sense were incorporated into various spheres of ideological influence, into a series of preferences and limitations, and were dependent on many factors that influenced the explicitness or implicitness of the sense-transferring process.

Key words: adaptation, fidelity, visual image, truth, translation, polysemy, Middle Ages, sense levels.

*« Le goût de la vérité
n'empêche pas de prendre parti » .*

Albert Camus

Le titre de cette intervention appelle quelques explications. L'expression *sens dessus dessous* a certainement dû poser de gros problèmes aux interprètes chargés de préparer la traduction de cette conférence pour la « simple » raison que l'expression possède au moins trois sens en théorie, qu'elle en véhicule au moins deux autres en pratique et qu'on lui connaît au moins trois orthographes différentes depuis le XVIIe siècle. Il s'agit d'une expression plurielle autant que visuelle, « dessus dessous », d'une part quasi intraduisible au mot à mot car trop polysémique, mais d'autre part très claire dans son ambiguïté et sa représentation spatiale : elle symbolise à la perfection les choix et le style d'écriture des érudits, auteurs et traducteurs médiévaux, dont nous allons essayer de présenter le plus simplement possible le mode de fonctionnement sémantique.

L'acte traductionnel¹ au Moyen-Âge est un art que seuls les érudits maîtrisent parfaitement, des érudits bien peu nombreux compte tenu du faible

¹ Nous n'aborderons ici que la question de la traduction littéraire, qui va s'ouvrir à ces traducteurs « laïcs » au cœur du Moyen-Âge alors que la traduction de textes théologiques et scientifiques du grec, de l'arabe et du latin vers les langues vernaculaires restera majoritairement cantonnée aux sphères religieuses, qui détiennent et conservent précieusement ces textes. Cf. Al-Farabi, Avicenne, Albert Le Grand, Averroès, Maimonide, Thomas d'Aquin, etc.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Астрид Гийом,

доктор филологических наук, доцент университета Сорбонны (Париж IV);
e-mail: astrid.guillaume@paris-sorbonne.fr

ПЕРЕВОД В СРЕДНИЕ ВЕКА: ЧЕХАРДА СМЫСЛОВ

Статья посвящена вопросам перевода в Средние века в Европе. Автор делает попытку восполнить одно из белых пятен в истории перевода и показать, каким образом в Средние века осуществлялась переводческая деятельность, которая в то время оказывается многоликой: разные типы переводчиков продвигают разные типы текстов — религиозные, исторические, художественные, а каждый из этих жанров предполагает особый переводческий подход. Автор доказывает, что в Средние века перевод был искусством, которое осваивали лишь эрудиты. Их было немного, но они обладали той особой властью, которую в непросвещённом обществе предоставляет образованность. Перевод и смысл в Средние века оказываются вписанными в сферы идеологического влияния, в череду предпочтений и ограничений, находясь в зависимости от многих факторов, влиявших на эксплицитность или имплицитность передачи смысла.

Ключевые слова: адаптация, верность, визуальный образ, истина, перевод, полисемия, Средние века, уровни смысла.

Любовь к истине не мешает занимать определённую позицию.

Альбер Камю

Название этого доклада требует некоторых пояснений. Выражение “sens dessus dessous” («с ног на голову», «кувырком». — *Прим. пер.*) наверняка доставило немало проблем переводчикам по той «простой» причине, что у этого выражения имеется как минимум три значения в теории, ещё два приняты в обиходе, при этом начиная с XVII в. оно существует по крайней мере в трёх вариантах написания. Речь идёт о множественном и образном выражении «вверх-вниз», которое, с одной стороны, непереводаемо дословно из-за своей многозначности, его двойственности, двусмысленности и пространственное воплощение, с другой стороны, вполне прозрачны и понятны. Это выражение — прекрасный образец предпочтений и манеры письма высокообразованных людей, авторов и переводчиков Средневековья. Мы попытаемся представить их образ мыслей наиболее доступным способом.

В Средние века переводческая деятельность¹ — искусство, которое осваивали лишь эрудиты. Их было мало, учитывая низкий

¹ Мы ограничимся лишь вопросами художественного перевода, которым в период высокого Средневековья занимались «светские» переводчики, в то время как перевод научных и теологических текстов с греческого, арабского и латинского языков на национальные европейские языки по-прежнему оставался прерогативой религиозных кругов, которые имели доступ к этим текстам и бережно их хранили (Аль-Фараби, Авиценна, Альберт Великий, Аверроэс, Маймонид, Фома Аквинский и др.).

pourcentage d'alphabétisation², mais des érudits qui possèdent le pouvoir que représentent la culture, le savoir, l'écriture, la lecture et la connaissance des langues au sein d'une société où la majorité est ignorante.

1. Le contexte médiéval

Dans le contexte médiéval, ce sont en effet principalement des religieux, qui, dans la première partie du Moyen-Âge vont détenir le monopole de la traduction, ce qui ne sera pas sans incidences sur le choix des oeuvres traduites, principalement théologiques et scientifiques, sur la manière de traduire, sur l'orientation idéologique des traductions, sur la diffusion ou non de ces traductions, sur les raisons-mêmes de l'existence de telle variante traductionnelle ou de telle autre, en un mot sur le *sens* véhiculé ou pas dans l'ensemble de la société médiévale, qui englobe ici le monde juif, chrétien et arabe, le Moyen-Âge étant religieusement délimité.

A partir du XIIe siècle, des traducteurs plus « laïcs »³ apparaissent, la littérature commence à voyager⁴ à l'échelle européenne par d'autres circuits que les circuits religieux, mais ces nouveaux traducteurs orientent également leurs traductions pour des raisons cette fois plus politiques que religieuses, on parle parfois d'adaptations tant le contenu est localisé au règne d'un souverain ou au fief d'un seigneur (*Reinhart Fuchs, Lanzelet, les Poèmes* de Walther von der Volgelweide, etc.).

Traduction et sens au Moyen-Âge s'inscrivent ainsi dans une série de mouvances idéologiques, de choix et contraintes et sont tributaires de plusieurs (f)acteurs, qui vont influencer sur le sens traduit de manière explicite ou implicite⁵. Ces contraintes sont liées aux mécènes, aux censures temporelle et spirituelle, au public, à la pluralité des manuscrits sources et cibles.

² Ce qui n'est absolument pas propre à la période médiévale, les siècles qui suivent ne se distinguent guère du Moyen-Âge sur ce plan. La démocratisation du savoir et de l'enseignement ne se met vraiment en place qu'au XIXe siècle, cf. les actions de Jules Ferry en France.

³ Nous rebuons à utiliser le terme *laïc* pour la période médiévale, car toute personne ayant un minimum d'instruction durant les deux premiers tiers du Moyen-Âge est obligatoirement passée par une éducation religieuse poussée, l'éducation laïque telle que nous la connaissons de nos jours n'existe pas à cette époque, les enseignements sont dispensés majoritairement par des érudits, religieux, et les intérêts de l'Etat et de l'Eglise ne sont en rien distincts. Le terme *laïc* employé dans cet article prend donc le sens de non-clérical, un sens bien réduit par rapport au sens actuel de ce mot.

⁴ Les textes théologiques et scientifiques ont toujours voyagé, les moines se déplaçant d'un monastère à l'autre dans toute l'Europe en permettant la consultation dans des cercles très restreints.

⁵ Sur la question de l'implicite et de l'explicite traductionnels et sur les contraintes traductionnelles au Moyen-Âge, lire Astrid Guillaume, « La Traduction médiévale : entre implicite et explicite » (version longue), in *La Traduction : philosophie, linguistique et didactique*, sld Tatiana Milliaressi, Editions du Conseil Scientifique de l'Université Lille 3, Collection UL3, (sous presse) et « La Traduction médiévale : entre implicite et explicite » (version courte), in *La Traduction : philosophie, linguistique et didactique*, sld Tatiana Milliaressi, Editions du Conseil Scientifique de l'Université Lille 3, Collection UL3, 2009, pp. 73—77.

уровень грамотности², но они обладали той особой властью, которую в обществе, по большей части непросвещённом, представляют собой образованность, знания, умение читать и писать и владение языками.

1. Средневековый контекст

В начале эпохи Средневековья монополия на перевод принадлежала в основном священнослужителям. Это не могло не сказываться на выборе произведений для перевода — в основном теологических и научных, на способах перевода, на его идеологической направленности, на распространении или нераспространении переводных произведений, на самих причинах существования того или иного варианта перевода. Иными словами, на том *смысле*, который передавался или нет в средневековом обществе в целом, обществе, объединяющем иудейский, христианский и арабский миры, здесь в плане религии Средневековье имело чёткие границы.

С XII в. появляются более светские³ переводчики, литературные произведения начинают путешествовать⁴ в пределах Европы по иным, не только религиозным, каналам. Но светские переводчики всё также подчиняют свои переводы, однако уже не столько религиозным, сколько политическим задачам. Иногда речь идёт об адаптации: содержание оказывается предельно локализованным в царствование какого-либо государя или во владениях какого-либо феодала («Рейнгарт Лисица», «Ланцелет», Поэмы Вальтера фон дер Фогельвейде и др.).

Перевод и смысл в Средние века оказываются, таким образом, вписанными в сферы идеологического влияния, в череду предпочтений и ограничений, находясь в зависимости от многих факторов, которые влияют на эксплицитность или имплицитность⁵ пе-

² Что отнюдь не является приметой Средневековья: последующие столетия мало чем отличались от Средних веков в этом плане. Демократизация знаний и образования произойдет лишь в XIX в. (напр.: деятельность Жюль Ферри во Франции).

³ Термин «светский» представляется нам не вполне удачным для Средних веков, так как вплоть до позднего Средневековья любой мало-мальски образованный человек обязательно получал обстоятельное религиозное воспитание, а светского воспитания в том виде, в котором оно известно сегодня, в ту эпоху еще не существовало. Знания распространялись учеными мужами, интересы же государства были неотделимы от интересов Церкви. Термин «светский» используется в данной статье в смысле «неклерикальный», который значительно уже современного значения этого слова.

⁴ Теологические и научные тексты всегда путешествовали, так как монахи перемещались от монастыря к монастырю по всей Европе, что позволяло знакомиться с этими произведениями очень узким кругам.

⁵ О проблеме имплицитного и эксплицитного в переводе и о переводческих ограничениях в эпоху Средневековья см.: *Guillaume A. La Traduction médiévale: entre implicite et explicite // La Traduction: philosophie, linguistique et didactique. Sld Tatiana Milliaressi, Editions du Conseil Scientifique de l'Université Lille 3, Collection UL3 (в печати) и "La Traduction médiévale: entre implicite et explicite" // La Traduction: philosophie, linguistique et didactique. Sld Tatiana Milliaressi, Editions du Conseil Scientifique de l'Université Lille 3, Collection UL3, 2009. P. 73—77.*

L'apparition de traducteurs non-cléricaux dans la deuxième moitié du Moyen-Âge, passionnés de littérature, qui se font appeler *Meister* ici, *Maestro* là ou encore *Maître*, et de quelques nobles cultivés et argentés qui pour dorer leur blason culturel font traduire par ces *Maîtres* les œuvres littéraires courtoises, chevaleresques, satyriques, drolatiques, voire polémiques françaises dans la langue vernaculaire qui est la leur, va avoir une grande incidence sur la diffusion de la littérature médiévale et le contenu des œuvres traduites. A la fin du Moyen-Âge, des bourgeois, au sens d'habitants des bourgs, traduiront à leur tour des textes, des tracts et autres petits jeux populaires théâtraux et diffuseront à grande échelle la littérature en prose. Ces différentes phases traductologiques qui laissent apparaître trois temps forts mais de durées inégales entre le Ve et le XVe siècle, révèlent des profils et origines sociales de traducteurs divers qui traduisent des genres différents et donneront en toute logique naissance à différentes façons de traduire le texte et d'en révéler ou d'en cacher le sens : les religieux, fidèles au verbe biblique traduisent autant que possible à la lettre, témoins les traductions des Pères de l'Eglise, ils savent parfaitement jouer de toute la gamme des nuances polysémiques et métaphoriques, scolastiques et philosophiques ; les Maîtres et nobles cultivés maîtrisant l'art de l'héraldique et de la symbolique des armoiries s'exercent sur d'autres types d'exercices stylistiques et rhétoriques en lien avec les blasons, témoin le *Lanzelet* d'Ulrich von Zatzikhôven ; les riches bourgeois des villes naissantes du Moyen-Âge finissant s'attèlent à des processus de dérimage des romans de chevalerie, comme en témoignent toutes les œuvres littéraires en prose (re) traduites en Europe à la fin du Moyen-Âge.

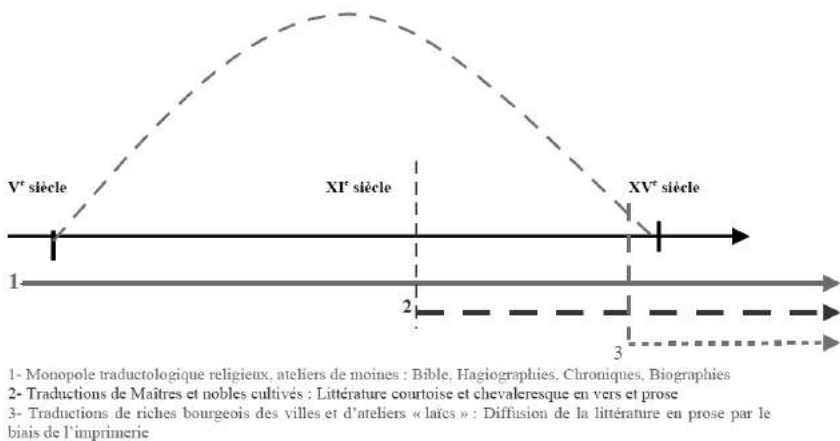

Fig.1 : Traducteurs et Traductions: arrière-plan, sens et conséquences

редачи смысла. Эти ограничения были связаны с меценатами, с мирской и духовной цензурой, с потребностями читателей, с множественностью оригинальных и переводных манускриптов.

Во второй половине эпохи Средневековья появляются не принадлежащие клерикальным кругам переводчики, увлечённые литературой и называющие себя *Мейстерами* (*Meister*), *Маэстро* (*Maestro*) или *Мэтрами* (*Maître*), а также небольшая прослойка богатой и образованной знати. Чтобы прослыть в обществе высококультурными людьми, её представители заказывают у этих *Мастеров* перевод произведений куртуазной и рыцарской литературы, а также сатирических, комических или даже полемических произведений, написанных на французском языке, на свои родные языки, так называемые вернакулярные, или местные диалекты, что, безусловно, сказалось на распространении средневековой литературы и содержании переводных произведений. К концу Средневековья уже горожане заинтересовались переводами текстов, памфлетов и всяких театрализованных народных пьесок, способствуя широкой популяризации прозаических произведений. Эти различные исторические фазы перевода, свидетельствующие о трёх важных, но разных по протяжённости периодах между V и XV в., обнаруживают специфику и социальную принадлежность переводчиков, которые работали с разными жанрами и закладывали различные принципы перевода, сокрытия или откровения смысла. Монахи хранили верность библейскому глаголу, перевода насколько возможно буквально, пример тому — труды Отцов Церкви: они виртуозно использовали всю гамму многозначных метафорических, схоластических и философских нюансов. Мастера и образованная знать, владея искусством геральдики и гербовой символики, проявляли себя в других видах стилистических и риторических упражнений, связанных с блазонами, как, например, Ульрих фон Цацххофен в поэме «Ланцелет». Богатые жители зарождающихся в позднее Средневековье городов, пускались в перделку рыцарских романов, о чем свидетельствуют все, (заново) переведённые в Европе к концу Средних веков прозаические произведения.

Рис. 1. Переводчики и переводы: контекст, смысл и последствия

La traduction au Moyen-Âge révèle ainsi de nombreux visages de par ses différents types de traducteurs, qui mettent en avant différents types de textes : religieux, historiques, littéraires, chacun de ces genres engendrant une approche traductologique propre.

Définir dans un tel contexte une théorie globale de la traduction au Moyen-Âge est impossible pour une période qui s'étend sur pas moins de dix siècles, en revanche il est quelques invariants qui vont s'inscrire dans ce temps, et ce bien souvent jusqu'à la Révolution française, qui pour Jacques Le Goff marque la fin du « Moyen-Âge » en Europe, ce en quoi il a tout à fait raison, l'appellation Moyen-Âge étant dans de nombreux esprits bien floue et surtout peu exacte. Les pires zones d'ombres attribuées au Moyen-Âge perdurent bien au-delà de cette période, voire prennent un essor à d'autres époques⁶.

Il y a donc plusieurs Moyen-Âges traductologiques, l'idée de cet article est de voir dans quelle mesure il est possible de n'en retenir que les invariants en rapport avec le sens.

2. Vérité, Traduction, Sens

Le contexte politicoreligieux médiéval repose sur un fonctionnement théocratique, ainsi il est un concept qui mérite ici un développement spécial car il fonctionne avec le mode de pensée médiéval, et également parce que c'est lui qui va révéler ou non le sens, c'est le concept de *vérité*, qui sera au cœur de la scolastique et de la *disputatio* médiévales.

En traductologie, on parle de nos jours de *fidélité* au sens, au mot ou au texte et également de *belles infidèles* ; au Moyen-Âge, bien plus que la *fidélité à un texte*, c'est la *vérité du texte* qui fait sens.

La vérité, que l'on se rappelle la pyramide des pouvoirs féodaux qui divise la société féodale en trois castes (clergé, noblesse, peuple) régie par le tout-puissant Dieu médiéval, est d'abord divine, biblique, théologique, à ce titre elle est universelle, immuable et incontournable. Elle fait partie des conditions minimums mais nécessaires au bon fonctionnement du pouvoir spirituel et temporel féodal. La vérité s'étend au-delà de la sphère religieuse à toutes les activités de la société médiévale, également donc à celles du traducteur. Elle symbolise autant le Bien que le mensonge symbolise le

⁶ Nous pensons au massacre de la Saint-Barthélemy qu'il faut placer à la Renaissance et non au Moyen-Âge ou à la chasse aux sorcières, aux supplices et massacres religieux, aux autodafés en tous genres souvent cantonnés dans les esprits d'aujourd'hui que dans la période médiévale mais pourtant tout aussi présents durant la Renaissance et au demeurant assez atemporels. Cette digression ne cherche nullement à passer sous silence les cruautés qui ont effectivement eu lieu au Moyen-Âge, mais souhaite rappeler que les siècles qui précédèrent et suivirent les dix siècles du Moyen-Âge n'en furent nullement exempts, témoin l'ampleur qu'elles ont prise de la Renaissance au XVIIIe siècle, périodes des Lumières, des Humanistes et des encyclopédistes, rarement considérées comme obscures et même rangées dans les programmes et ouvrages scolaires dans la rubrique « Les Temps modernes » .

Таким образом, переводческая деятельность в Средние века оказывается многоликой: разные типы переводчиков предпочитают разные типы текстов — религиозные, исторические, художественные, а каждый из этих жанров предполагает особый переводческий подход.

Дать всеобъемлющее определение средневековой теории перевода, учитывая описанный выше контекст, невозможно, ведь речь идёт о периоде, который растянулся по меньшей мере на десять веков. Но существует несколько инвариантов, вписывающихся в эту эпоху, зачастую вплоть до Великой французской революции, которая, по мнению Жака ле Гоффа, знаменует собой конец Средневековья в Европе, и здесь он абсолютно прав, в то время как в сознании многих понятие «Средневековье» оказывается весьма неопределённым, а главное неточным. Периоды мракобесия, приписываемые Средневековью, продолжаются и после него, а иногда вспыхивают и в другие эпохи⁶.

Таким образом, в отношении перевода Средневековье оказывается многоплановым. Цель данной статьи проследить, существуют ли в таком контексте какие-либо инварианты, связанные со смыслом.

2. Истина. Перевод. Смысл

Религиозно-политический контекст Средневековья зиждется на теократических принципах, что обуславливает существование понятия, заслуживающего специального рассмотрения, так как оно неразрывно связано со средневековым мышлением, а также потому, что именно оно либо будет открывать смысл либо нет. Речь идёт о понятии «истина», которое оказывается в центре средневековых «диспутацио» и схоластики.

Сегодня в науке о переводе мы говорим о верности смыслу, слову и тексту, а также о «прекрасных неверных». В Средние века смысл не столько в *верности тексту*, сколько в *истинности текста*.

Истина, если вспомнить феодальную пирамиду власти, согласно которой общество делится на три сословия (духовенство, дворянство, народ), подчиняющихся всемогущему средневековому Господу Богу, оказывается в первую очередь связанной с Богом, Библией и теологией, и в этом плане она универсальна, незыблема и неотвратима. Истина — одна из минимальных, но необходимых

⁶ Мы имеем в виду Варфоломеевскую ночь, которая относится к эпохе Возрождения, а не Средневековья, или охоту на ведьм, казни и пытки с религиозной подоплёкой, всевозможные аутодафе, зачастую ассоциирующиеся в сознании современников со средневековым периодом, хотя они также имели место в эпоху Возрождения и являются в конечном счете вневременными. Этот комментарий никоим образом не стремится завуалировать проявления жестокости в Средние века, но призван напомнить, что они существовали и в предыдущие и в последующие столетия, свидетельство тому — их масштаб от Возрождения до XVIII в., эпох Просвещения, гуманизма и энциклопедистов, которые редко рассматриваются в контексте обскурантизма и даже отнесены в школьных программах и учебниках к разделу «Новое время».

Mal(in). Le traducteur religieux va faire acte de vérité en traduisant la parole divine et tenter ce faisant d'être le plus vrai possible dans sa traduction pour éviter toute forme de blasphème. C'est par le concept de vérité que la traduction va être admise et acceptée auprès des religieux qui durant des siècles, et ce toutes religions confondues, n'avaient préféré étudier le texte sacré que dans sa langue d'origine afin de ne pas le trahir, le défigurer, en fausser le sens en le traduisant. Le souhait d'évangéliser les peuples passera par la traduction des textes sacrés, mais par ce passage obligatoire que fut la traduction, le sens va devenir pluriel et par voie de conséquence l'interprétation également deviendra plurielle. Ce sera évidemment vrai pour les textes religieux mais également pour les textes littéraires, dans lesquels régulièrement, comme dans le texte biblique, on trouvera des expressions essentielles pour le public de l'époque comme « c'est la vérité vraie », « en vérité, je vous le dis », « c'est la pure vérité », témoin de la profonde empreinte laissée par les textes sacrés dans les esprits des traducteurs de l'époque et de leur public.

« Mal traduire » au Moyen-Âge est sans aucun doute moins grave que remettre en question ou mentir sur des faits non-discutables comme la réalité du Dieu unique et tout-puissant médiéval, qui s'oppose dans la première moitié du Moyen-Âge aux croyances et pratiques polythéistes et païennes, voire sauvages du peuple. C'est aussi la raison pour laquelle la littérature à ses débuts, au XIe siècle, sera mal perçue par l'Eglise au pouvoir, principalement parce qu'elle était le symbole du mensonge en tant que fiction ; l'objectif du romancier voulant défier la censure sera alors de « mentir vrai », nuance fort subtile, qui révèle cependant beaucoup sur la mentalité médiévale ; un Chrétien de Troyes, en France, et un Heinrich der Glîchezære en Allemagne sauront dans deux styles littéraires bien distincts suffisamment bien jouer des mots, des images, des passages bibliques et leçons de morale pour que leur œuvre défie la censure et passe ainsi l'épreuve des siècles. Ce besoin de « vérité » se retrouve aussi bien dans l'acte traductionnel que dans les contenus littéraires traduits et diffusés dans toute l'Europe d'alors.

« Dire vrai » pour le traducteur médiéval ou « faire en sorte que l'auditoire pense qu'il dit vrai » passe avant toute autre préoccupation.

En ce sens, il pourra être amené à mentir, c'est-à-dire à traduire à côté du texte source, l'essentiel sera de rendre au bout du compte un *texte vrai*, non pas forcément au *mot à mot*, au *sens à sens* ou, comme l'écrit Umberto Eco⁷ à propos de la traduction contemporaine d'une *culture à une autre culture* mais bien de traduire de *vérité à vérité*, c'est-à-dire rendre un texte vrai par rapport à la mentalité et à l'esprit du temps. Cet attachement extrême à la vérité poussera même les auteurs et traducteurs-adaptateurs médiévaux à ajouter derrière les récits les plus invraisemblables un « c'est la vérité, je vous le dis » .

⁷ Umberto Eco, *Dire presque la même chose*, Paris, Grasset, 2008.

составляющих для нормального функционирования как религиозной, так и светской феодальной власти. Она распространяется за пределами религиозной сферы на всякую деятельность средневекового общества, в том числе и на переводческую. Истина является символом Добра, точно так же как ложь — символом Зла. Переводя слово Божье, переводчик-монах раскрывает истину, и пытается быть наиболее правдивым в своём переводе, чтобы избежать каких бы то ни было проявлений богохульства. Именно благодаря понятию истины перевод оказывается возможным и приемлемым с точки зрения религиозных деятелей, которые на протяжении веков (и это касается любой религии) предпочитали изучать Священные тексты только на языке первоисточника, чтобы не исказить, не толковать их превратно, не коверкать смысл при переводе. Желание обращать народы в христианскую веру воплощалось через переводы Священных текстов. Но этот неизбежный путь — через перевод — привёл к множественности смыслов и как следствие к множественности интерпретаций. Так было не только с религиозными но и с литературными произведениями, где, как и в библейских текстах, часто встречаются ключевые для читателя той эпохи фразы: «это истинная правда», «истинно говорю Вам», «это чистая правда» — отголосок священных текстов, глубоко проникший в умы переводчиков того времени и их читателей.

«Плохо перевести» в Средние века — безусловно, менее страшный грех, чем усомниться или солгать в таких неоспоримых фактах, как существование единого и всемогущего средневекового Бога, который в первой половине эпохи Средневековья противопоставлялся политеистическим, языческим или даже диким верованиям и обрядам народов. По той же причине появление светской литературы в XI в. было негативно воспринято Церковью, ведь речь шла о вымысле — символе обмана. Задачей писателя, желавшего обойти цензуру, было «правдиво лгать» — очень тонкий нюанс, красноречиво говорящий о средневековом менталитете. Кретьен де Труа во Франции или Генрих Глихезере в Германии, используя два совершенно разных художественных стиля, так играли словами, образами, библейскими фрагментами и нравоучениями, что их произведения с успехом обошли цензуру и прошли испытание временем.

Подобное стремление к «истине» отражалось как на самом процессе перевода, так и на содержании переводимых и распространяемых в те времена по всей Европе произведений.

Для средневекового переводчика «сказать правду» или «сделать так, чтобы читатель думал, что он говорит правду» являлось первостепенной задачей.

В этом смысле даже если он был вынужден солгать, т.е. перевести «по мотивам» исходного текста, самое главное — выдать в конечном счёте *правдивый текст*, не переводить *слово в слово, смысл*

Rappelons que bien des récits médiévaux, qu'ils soient fictifs ou pas, se terminent par *Amen*, terme que l'on rencontre également toujours en fin de prière, qui vient de l'hébreu et signifie d'une part « Ainsi soit-il ! », mais également « En vérité » ou « c'est vrai ! ». Ainsi la relation texte-traducteur-sens ne peut que passer par cette sacro-sainte notion de « vérité médiévale », qui réunit sémiotiquement les notions ci-dessous schématisées ainsi⁸ :

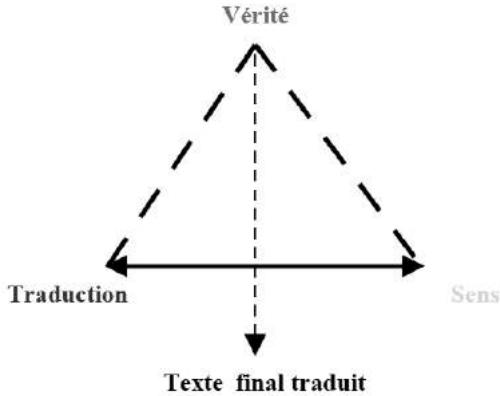

Fig. 2 : La vérité implicite du texte médiéval traduit

Le texte et donc le *sens* vont ainsi s'inscrire à différents degrés de vérités implicites et explicites, ces différents degrés détermineront la survie du texte face à la censure, et sa popularité face au public qui souhaite retrouver un esprit, une pensée, une forme et un fond communs à son univers, des images, une polysémie qu'il captera totalement ou en partie, un verbe et un « verbe », en un mot un sens.

Dans cette optique, le travail du traducteur médiéval, artisan du sens vrai, s'inscrira, en tant que créateur, dans une perspective implicitement pyramidale qui part du haut vers le bas et qui réunit les différentes facettes du prisme de *vérité médiévale* en répondant aux référents communs admis et non-discutables.

⁸ A propos de la raison de l'utilisation sémiotique du triangle, de la pyramide, de degrés de réception pour schématiser le mode de fonctionnement et de pensée médiéval, lire Astrid Guillaume « L'Épreuve de Dieu : les Preuves de Dieu. Le non-dit en puissance dans le *Tristan* de Béroul », in *Mélanges de Science Religieuse*, 3/2008, pp. 7-30 et « Dieu, le diable et... les loups/garous. Sémiotique des représentations médiévales », in *Formes et Différences médiévales, Mélanges en l'honneur du Professeur Claude Lecouteux*, sous la direction de Florence Bayard et Astrid Guillaume, introductions de Régis Boyer et Jacques Le Goff, Presses Universitaires de Paris Sorbonne, 2010 (sous presse) ainsi que « Medieval Time(s) », in *The Semiotics of Time, 34th Annual Meeting of the Semiotic Society of America*, Semiotics 2009, (à paraître).

смысл, или, как пишет Умберто Эко⁷, по поводу современных переводов *из одной культуры в другую*, а переводить от *истине к истине*, т.е. сделать текст истинным по отношению к менталитету и духу времени. Эта чрезмерная привязанность к истине даже заставляла авторов и переводчиков-адапторов Средневековья добавлять после самых невероятных рассказов комментарий: «истинно говорю Вам».

Напомним, что многие средневековые рассказы, в том числе и фантастические, заканчиваются словом «Аминь», которое произносится и в конце молитвы. Оно пришло из древнееврейского языка и означает, с одной стороны, «Да будет так», а с другой — «воистину» или «это правда». Таким образом, отношение текст — переводчик — смысл не может обойти это священное понятие «средневековой истины». Такое взаимодействие можно представить в виде семиотического треугольника следующим образом⁸:

Рис. 2. ИмPLICITная истина переводного средневекового произведения

Текст, а значит и *смысл*, оказываются на разных уровнях имPLICITных и эксплицитных истин. Эти уровни определяют живучесть текста по отношению к цензуре и его успех у читателя, стремящегося найти в нём дух, мысль, форму и содержание, созвучные его

⁷ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006. 574 с.

⁸ По поводу причин семиотического использования треугольника, пирамиды, уровней восприятия для моделирования средневекового образа действий и мыслей см.: Guillaume A. L'Epreuve de Dieu: les Preuves de Dieu. Le non-dit en puissance dans le *Tristan* de Béroul // *Mélanges de Science Religieuse*. 2008. N 3. P. 7—30; Guillaume A. Dieu, le diable et... les loups/garous. *Sémiotique des représentations médiévales // Formes et Difformités médiévales, Mélanges en l'honneur du Professeur Claude Lecouteux*. Sous la direction de Florence Bayard et Astrid Guillaume. Introductions de Régis Boyer et Jacques Le Goff. Presses Universitaires de Paris Sorbonne, 2010 (sous presse) ainsi que "Medieval Time(s)", in *The Semiotics of Time*, 34th Annual Meeting of the Semiotic Society of America. Semiotics 2009 (à paraître).

Tout d’abord dans les sphères supérieures relevant du divin et de l’humain, la vérité divine et la vérité de la pensée humaine sont précurseurs à toute création médiévale, dans les macrosphères du texte la vérité de fond et de forme révèle une trame normée répondant à des valeurs morales incontournables, en ce sens elles sont en harmonie également avec les deux vérités supérieures, enfin dans les microsphères du « détail d’importance », terme que nous avons développé ailleurs⁹, la polysémie, l’image et le verbe sont trois points forts permettant de répondre aux conditions des deux sphères précédentes. Ces sept notions au total demeurent incontournables tout au long du Moyen-Âge tant sur le plan de la langue source que de la langue cible. Nous les schématisons ainsi :

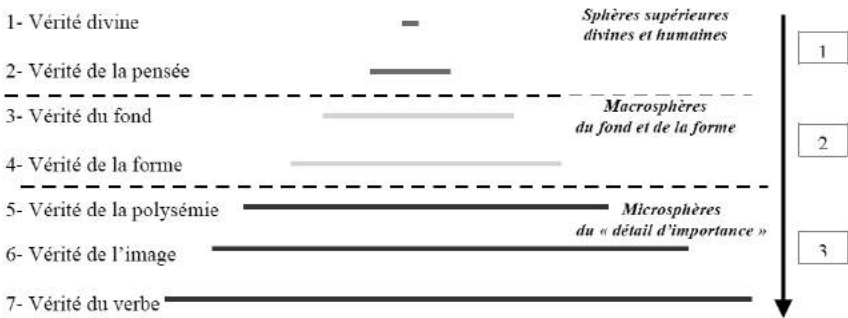

Fig.3 : La pyramide du sens médiéval : Elaboration traductologique

En tant qu’homme vivant au Moyen-Âge, le traducteur ne peut déroger à une soumission totale au Dieu omnipotent et omniscient médiéval, dans le cas contraire son œuvre ne passerait pas la censure et se verrait réduite à l’autodafé, nous ne la connaîtrions donc pas aujourd’hui. Les seules œuvres et traductions dont nous avons connaissance de nos jours sont forcément fidèles à la vérité de leur temps. La vérité de la pensée, de fond et de forme doit répondre en totalité aux attentes du pouvoir royal et des élites pensantes cléricales, la vérité de la polysémie et de l’image utilisera aussi bien les couleurs, les formes, que les symboles (couleurs, animaux, plantes, pierres, astres, etc.), les blasons, l’ensemble du dit et du non-dit, la vérité du verbe enfin devra parler à l’érudit, aussi bien qu’au peuple, auquel nombre d’étages de cette pyramide sémantique resteront inaccessibles¹⁰.

⁹ A ce sujet, lire Astrid Guillaume « Importance du détail, détails d’importance pour l’étude comparée médiévale », in *Le Parti du détail, enjeux narratifs et descriptifs*, N°7, éditions Minard, 2002, pp. 49-62.

¹⁰ Les textes populaires (formules magiques, grimoires, textes d’amulettes) fonctionnent pour certains d’entre eux de manière totalement inverses, ils relèvent pour le pouvoir en place des sphères diaboliques, voir sur ce sujet les ouvrages de Claude Lecouteux.

миру; образы, полисемию, уловимые во всей полноте или лишь отчасти, глагол и «глаголемое», одним словом — смысл.

В этом ключе модель работы средневекового переводчика, творца истинного смысла, может быть представлена в виде своего рода пирамиды, с перспективой от вершины к основанию, объединяющей различные грани *средневековой истины*, в соответствии с общепринятыми и неоспоримыми референтами.

Прежде всего в высших сферах Божественного и человеческого предтеч для любого средневекового творения являются Божественная истина и истина человеческой мысли; в макросферах текста истина содержания и формы обнажает упорядоченную структуру, соответствующую основным моральным ценностям, и в этом смысле они также находятся в гармонии с двумя высшими истинами; наконец, в микросферах «важных деталей» (этому понятию посвящены другие работы)⁹ тремя опорными элементами, отвечающими условиям двух предыдущих сфер, являются полисемия, образ и глагол. Эти семь понятий оказываются ключевыми на протяжении всего Средневековья как с точки зрения языка оригинала, так и с точки зрения языка перевода. Мы предлагаем представить их в виде следующей схемы.

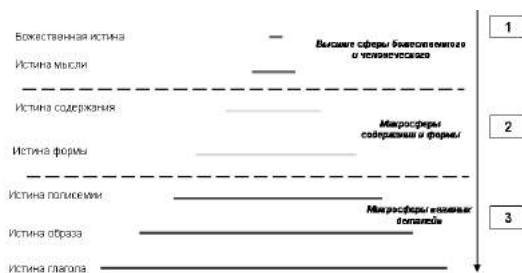

Рис. 3. Пирамида средневекового смысла с точки зрения создателя перевода

Переводчик, как и любой человек, живущий в Средние века, должен был всецело и неотступно повиноваться всемогущему и всеведущему Господу Средневековья, в противном случае его творение не прошло бы цензуру, оказалось на костре, а значит, было бы неизвестно сегодняшнему читателю. Единичные произведения и переводы, дошедшие до нас сегодня, неизбежно подчинены истине своего времени. Истина мысли, содержания и формы должна была полностью отвечать ожиданиям королевской власти и мыслящей элиты духовенства; истина полисемии и образа воплоща-

⁹ См. напр.: *Guillaume A. Importance du détail, détails d'importance pour l'étude comparéemédiévale // Le Parti du détail, enjeux narratifs et descriptifs. Éditions Minard. 2002. N 7. P. 49—62.*

Alors que le récepteur, l'auditeur, le lecteur¹¹, le public s'inscriront dans une perspective pyramidale de réception et d'assimilation d'un message, du bas vers le haut, à savoir celle-ci :

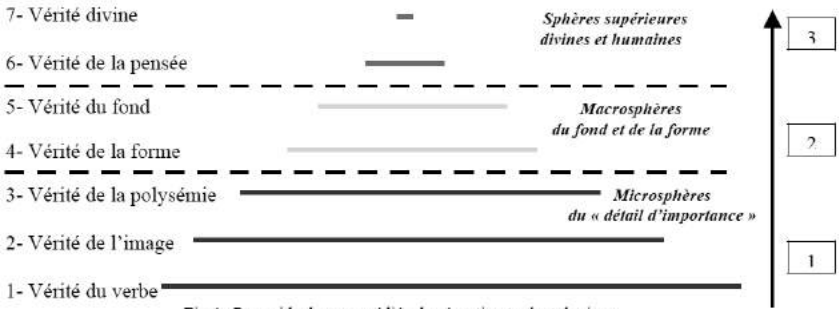

Fig 4 : Pyramide du sens médiéval : réception traductologique

En tant que récepteur, le premier degré d'accès est le verbe, le deuxième degré l'image (les hommes du Moyen-Âge ne sachant pas lire sont formés et évangélisés par l'image), le troisième degré met en avant la polysémie du verbe et de l'image, ces trois premiers degrés révéleront un fond, une forme et une impression générale qui permettront aux plus érudits d'atteindre la vérité de la pensée et donc le Dieu tout-puissant médiéval¹². Le peuple n'a guère accès à ces hautes sphères sémantiques du texte.

Ces deux schémas permettent de visualiser les deux démarches d'appréhension d'un texte traduit d'abord du point de vue du traducteur et ensuite du point de vue de l'auditeur, ils montrent également d'une part la distance qui sépare le verbe de l'objectif final qu'est la vérité divine, et d'autre part le pourcentage visuel de personnes pouvant accéder à ces degrés supérieurs du texte ; le verbe, l'image, la polysémie, le fond, la forme, la pensée vont représenter ces étapes à intégrer pour y parvenir. Ils sont également autant de *moyens* qui permettent au traducteur de faire aboutir son œuvre mais également à l'auditeur d'y accéder dans sa totalité.

Si l'auteur et le traducteur maîtrisent parfaitement l'ensemble des concepts, des sous-entendus, des exercices de styles et de rhétorique, l'auditeur, lui, trébuchera bien souvent sur telle image ou telle polysémie lexicale en fonction de son niveau de connaissance, mais son but intime, implicite et ultime sera bien d'accéder à cette vérité du texte, et donc toujours à ce Dieu médiéval omniprésent dans la culture féodale, pour ce faire

¹¹ Les textes sont principalement lus à haute voix au Moyen-Âge, la lecture courante et individuelle étant réservée à une minorité de privilégiés instruits, elle se développe dans le deuxième tiers du Moyen-Âge.

¹² A propos du Dieu médiéval, lire Jacques Le Goff, *Le Dieu du Moyen-Âge*, Paris, Bayard.

лась как в цвете и формах, так и в символах (цвета, животные, растения, камни, небесные тела, и т.д.), гербах — в совокупности выражаемого и подразумеваемого; истина Слова обращена к эрудитам, но также и к народу, для которого большинство уровней этой смысловой пирамиды оставались недоступными¹⁰.

С другой стороны, модель восприятия и осмысления сообщения получателем — слушающим или читающим¹¹, т.е. публикой, также будет иметь форму пирамиды, но с обратной перспективой — от основания к вершине (рис. 2).

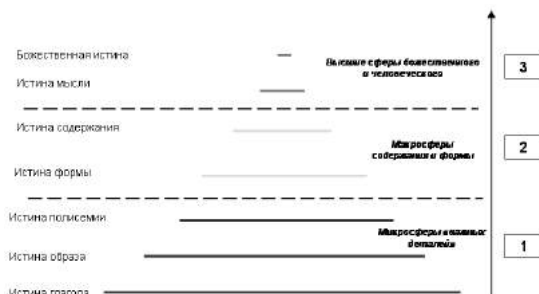

Рис. 4. Пирамида средневекового смысла с точки зрения получателя перевода

Для получателя сообщения первой ступенью оказывается глагол, слово; второй — образ (поскольку в Средние века те, кто не умел читать, получали знания и обращались в веру через образы); третья ступень — полисемия слов и образов.

Через три первых уровня открываются содержание и форма, создаётся общее впечатление, благодаря чему наиболее образованные и знающие читатели постигают истину мысли, а значит всемогущего Бога Средневековья¹². Народу же эти глубинные смысловые уровни текста были практически недоступны.

Обе схемы позволяют наглядно представить два подхода к восприятию перевода: сначала с точки зрения переводчика, а затем с точки зрения слушающего; также они показывают, с одной стороны, дистанцию, отделяющую глагол (слово) от конечной цели — божественной истины, а с другой — соотношение людей, имевших доступ к различным уровням текста. Глагол, образ, полисемия, содержание, форма и мысль представляют собой определённые этапы, которые необходимо пройти, чтобы добраться до вершины. Это также определённые средства, от использования которых за-

¹⁰ Некоторые тексты, имевшие хождение в народе (магические заклинания, колдовские книги, надписи на талисманах), работают совершенно иначе, так как они относятся к власти дьявольских сил (см. об этом у Клода Лекутё).

¹¹ В Средние века тексты, как правило, произносились вслух, тогда как обычное индивидуальное чтение было привилегией лишь просвещённого меньшинства, оно получило более широкое развитие к середине Средневековья.

¹² О средневековом Боге см.: *Goff J. le. Le Dieu du Moyen-Âge*. P., 2003.

l'auteur et le traducteur utilisent différents outils brièvement présentés ci-après.

3. Manuscrits et Variantes: la pluralité traductionnelle médiévale¹³

Tout d'abord, la particularité de la traduction médiévale est d'être plurielle tant dans la langue source que dans la langue cible. L'histoire narrée dans la langue source est généralement copiée sur plusieurs manuscrits et celle de la langue cible également, ces manuscrits circulent d'un monastère à l'autre, d'une cour à l'autre et sont modifiés ici par un moine pour des raisons de morale, ici par un noble pour des raisons locales ou mécénales. Les variantes d'un texte à l'autre sont alors innombrables, et peuvent même parfois avoir une incidence sur le fil de telle aventure¹⁴ mais le sens général de l'histoire est fidèle à ce que le public attend. En effet, l'essentiel dans cette dynamique du texte médiéval en transformation constante est que le texte cible reste vrai et fidèle à l'esprit de l'histoire source, *l'estoire*. Cette pluralité de variantes due à la pluralité des supports manuscrits disparaîtra avec l'invention de l'imprimerie, permettant la diffusion d'un seul et même texte sous une seule forme.

4. Polysémie et intraduisibilité médiévale

Un autre point rend l'étude de la traduction des textes médiévaux particulièrement complexes, c'est l'intraduisibilité de certaines techniques fréquemment usitées qui relèvent soit du fond, soit de la forme, soit des deux. La société médiévale est une société codée à décoder, friande de nombreux symboles et signes, de lettrines et blasons, de *carmen figuratum* et poèmes visuels¹⁵, d'anagrammes et langues secrètes, qui ne passent pas l'épreuve de la traduction. Les deux premiers exemples sont visuels, il s'agit des lettrines des manuscrits qui comportent un sens dans le sens, voire un triple ou quadruple sens et l'héraldique¹⁶ qui naît au XIIe siècle avec les romans de chevalerie, écrits par des chevaliers-poètes comme par exemple Hartmann von Aue qui traduira en allemand *l'Erec* de Chrétien de Troyes.

Les lettrines ne sont pas traduisibles mais elles sont transférables et adaptables. Impossible en effet de transposer une lettrine de la langue source si le mot de la langue cible ne commence pas par la même lettre, impos-

¹³ Sur cette question, lire Astrid Guillaume (2009) et Astrid GUILLAUME (2000).

¹⁴ Cf. les variantes françaises et allemandes du *Ponthus et la belle Sydoine* et de *Pontus und Sidonia*.

¹⁵ Sur cette question, lire Ulrich Ernst, *Manier als Experiment in der europäischen Literatur. Aleatorik und Sprachmagie. Tektonismus und Ikonizität. Zugriffe auf innovatorische Potentiale in Lyrik und Roman*, Heidelberg, Universitätsverlag Winter, 2009.

¹⁶ Sur ce sujet lire, Michel Pastoureaux, *Figures de l'héraldique*, Paris, Gallimard, 1996.

висит, с одной стороны, результат переводческого труда, а с другой — степень его постижения слушающим.

Если автор и переводчик прекрасно владеют всей системой понятий, аллюзий, стилистических и риторических приёмов, то обычный слушатель в зависимости от своего уровня знаний зачастую испытывает трудности при осмыслении того или иного образа или многозначного выражения. Однако его сокровенная основная и конечная цель — постижение истины текста, т.е. опять же этого вездесущего для феодальной культуры Бога. И здесь автор и переводчик пользуются различными способами, о которых пойдёт речь далее.

3. Манускрипты и варианты: средневековая множественность в переводе¹³

Особенностью перевода в Средние века была множественность, характерная как для оригинальных, так и для переведённых текстов. Манускрипт, содержащий повествование на языке оригинала, неоднократно переписывался, то же самое происходило и с переводом: эти рукописи кочевали по монастырям и королевским дворам, в них вносились изменения то каким-нибудь монахом из нравственных побуждений, то каким-нибудь дворянином в соответствии с местным колоритом или в угоду меценату. Существовало бесчисленное множество вариантов текстов, что иногда сказывалось и на фабуле¹⁴, но в целом общий смысл повествования оставался всегда верным ожиданиям публики.

Ведь главным в динамике средневекового постоянно меняющегося текста было сохранение верности и истинности перевода по отношению к духу исходного повествования — *сказания*.

Такое разнообразие вариантов, связанное с множественностью манускриптов, исчезло с изобретением книгопечатания, благодаря которому тиражируемые тексты сохраняли одну и ту же форму.

4. Полисемия и непереводаемость в средние века

Ещё один момент, из-за которого изучение перевода средневековых текстов оказывается чрезвычайно сложным, — непереводаемость некоторых часто используемых приёмов, которые затрагивают либо содержание, либо форму, либо и то и другое. Средневековое общество — это закодированное и требующее расшифровки общество, обожающее разнообразные символы и знаки, буквицы и гербы, *carmen figuratum* (фигурный стих. — *Прим. пер.*) и визуальную поэзию, анаграммы и тайные языки, которые не выдерживают испытание переводом.

¹³ См. об этом: *Guillaume A.* 2009, 2010.

¹⁴ Ср.: французские и немецкие варианты сказаний *Ponthus et la belle Sydoine* и *Pontus und Sidonia*.

sible également de traduire tous les non-dits de manière identiques dans la langue cible si les référents sont locaux, impossible surtout de traduire ce qui ne peut être que vu, voire ressenti.

Fig. 5 : Psautier de York — XIIe siècle

En effet, les lettrines historiées présentent une polysémie complexe, elles ont tout d’abord le sens de la lettre qu’elles représentent et qui relève de l’écrit, elles renferment ensuite un sens par ce qu’elles représentent sur le plan pictural, elles ont également un sens par rapport au chapitre dans lequel elles se trouvent, elles peuvent avoir un autre sens qui entoure le texte écrit, enfin elles peuvent avoir un sens par rapport à l’ensemble des lettrines de l’ouvrage, qui réunies peuvent former une phrase, un nom, un lieu.

Le sens est ainsi dans le texte et hors le texte, c’est particulièrement vrai pour les manuscrits enluminés où le sens de la lettrine se développe autour du texte écrit.

Fig. 6 : Messe de St Mayeul de Cluny, 1465 Fig. 7 : Jean de Mandeville, XIVe siècle

Le deuxième exemple retenu ici concerne les blasons, la science des blasons présente cette difficulté d’être aussi bien visuelle que codée mais surtout polysémique. Si l’on prend l’exemple du blason de la ville de Moreuil en Picardie, le néophyte y verra au premier coup d’œil un lion blanc

Первые два примера касаются визуального аспекта¹⁵. Речь идёт о буквицах манускриптов, в которых содержится двойной — смысл в смысле — или даже тройной и четверной смысл, и о геральдике¹⁶, появившейся в XII в. вместе с рыцарскими романами, созданными рыцарями-поэтами, такими, как, например, Гартман фон Ауэ, который перевёл на немецкий язык роман «Эрек» Кретьена де Труа.

Буквицы непереводимы, но поддаются переносу и адаптации. Ведь невозможно использовать буквицу оригинала, если слово в переводе начинается на другую букву, невозможно передать все скрытые смыслы на язык перевода, если референция строится на специфическом для конкретного ареала, и, самое главное, невозможно перевести то, что нужно видеть, а тем более чувствовать.

Рис. 5. Йоркская псалтирь — XII в.

Буквицы, украшенные изображениями, действительно представляют собой случай сложной полисемии. Прежде всего они несут смысл той буквы, форму которой имеют, заключённый в самом начертании. Также в них заключён смысл украшающего их узора. Кроме того, буквицы, оказываются связаны со смыслом всего раздела текста, в начале которого находятся, но могут содержать и иной смысл, который строится вокруг текста. Наконец, они могут формировать некий смысл в соотношении со всеми буквицами произведения, которые вместе составляют фразу, имя или название местности.

¹⁵ См. об этом: *Ernst U. Manier als Experiment in der europäischen Literatur. Aleatorik und Sprachmagie. Tektonismus und Ikonizität. Zugriffe auf innovatorische Potentiale in Lyrik und Roman.* Heidelberg, 2009.

¹⁶ См. об этом: *Pastoureau M. Figures de l'héraldique.* P., 1996.

sur fond bleu avec des lys, symboles de la royauté. Le spécialiste en héraldique y verra « le haut d'un lion d'argent sur un fond bleu azur semé de fleurs de lys d'or ». La langue de spécialité est ici déjà plus précis.

Fig. 8 : Blason de la ville de Moreuil (Picardie — France)

Le sémanticien interprétera de différentes façons ce qu'il voit comme *des lys par mi-lion* ou *des lys parmi lion*. L'historien enfin saura que le Seigneur de Moreuil, Bernard II (1137), se vit offrir par le roi de France, Louis VII, un cadeau pour lui avoir sauvé la vie lors d'une croisade en 1147. Bernard II lui aurait demandé l'autorisation de pouvoir accoler un lys sur son blason, en guise de réponse le roi lui offrit *des lys par millions*. Le traducteur, quant à lui, ne pourra aller au-delà de la traduction des deux premiers sens visuels et symboliques, les nuances du jeu de mots écrits et orales étant ici totalement intraduisibles.

Mais l'intraduisibilité n'est pas que visuelle, elle est également textuelle citons ici le *Reinhart Fuchs*, adaptation germanique du *Roman de Renard* français, qui sera notre troisième exemple, dans lequel certaines allusions sont tellement plurielles, qu'il devient difficile de les traduire dans une autre langue tant elles se rapportent à un contexte localisé et bien précis. Nous pensons à deux allusions subtiles qui fonctionnent en regard, la première concerne l'abbaye bénédictine d'Erstein (vers 2123, p. 142)¹⁷, la seconde les « griffes » des bénédictines (vers 2152, p.144), toutes deux absentes des nombreuses branches du texte source mais qui révèlent une polysémie impressionnante interprétable comme suit.

En choisissant Erstein, le traducteur-adaptateur s'amuse sur au moins huit couches sémantiques quasi exclusivement implicites : en effet, 1- les habitants d'Erstein étaient surnommés au Moyen-Âge (et aujourd'hui encore) les « corbeaux » (*Rabe* en allemand), 2- le corbeau est un animal particulièrement maléfique dans la symbolique et l'iconographie médiévales en tant que charognard associé à la mort (*cf.* le mot alsacien, *grâb* (la tombe) pour le qualifier). 3- Parallèlement, les bénédictins d'Erstein étaient connus pour porter des tuniques noires et des scapulaires à capuche noire : le raccourci entre Erstein, les bénédictins et les oiseaux de la mort semble d'ores et déjà acquis. Petit clin d'œil supplémentaire d'Heinrich der Glîchezaere: 4- dans le *Renart* français, c'est à l'abbaye de Cîteaux qu'il est principalement fait allusion, et il est connu que les moines de Cîteaux, bé-

¹⁷ *Reinhart Fuchs, Heinrich der Glîchezäre*, ed. Karl-Heinz Göttert, Stuttgart, Reclam, 1987.

Таким образом, смысл может быть заложен как в самом тексте, так и вне его, это особенно характерно для рукописей, украшенных миниатюрами, где смысл буквиз формируется вокруг текста.

Рис. 6. Месса Св. Майоля Клунийского, 1465 Рис. 7. Иоанн Мандевильский, XIV в.

Второй пример, о котором пойдёт речь, касается описания гербов. Блазонирование представляет определённую сложность, так как в основе его лежит зрительный образ, особый код и, что немало важно, полисемия. Возьмём в качестве примера герб города Морёя в Пикардии. Неофит, посмотрев на него, увидит белого льва на голубом фоне с лилиями — символом королевской власти. Гербовед увидит «верхнюю часть туловища серебряного льва на лазурном фоне, усеянном золотыми лилиями». Блазон оказывается уже точнее.

Рис. 8. Герб г. Морёй (Пикардия, Франция)

Специалист по семантике может по-разному интерпретировать изображение, например, «полулев в изобилии лилий» (фр. букв.: «лилии за полульвом». — *Прим. пер.*) или «часть льва в изобилии лилий» (фр. букв.: «среди лилий лев». — *Прим. пер.*). Историк же знает, что сеньор Морёя Бернар II (1137 г.) получил от короля Франции Людовика VII подарок за то, что спас ему жизнь во время крестового похода в 1147 г. Бернар II якобы попросил у короля разрешения добавить лилию на свой фамильный герб, в ответ король предложил ему взять «львиную долю лилий» — «лилий в изобилии» (фр. букв.: «миллионы лилий». — *Прим. пер.*). Что касается переводчика, то он не сможет пойти дальше передачи двух первых смыслов с визуальной и символической составляющей, так как тонкости игры слов в письменной и в устной форме абсолютно непередаваемы.

nédicains eux aussi, se distinguaient, avec ceux de Clairvaux, de tous les autres bénédictins, en portant des robes... blanches. Cette symbolique anti-thétique du blanc et du noir, liée à des tensions monastiques internes, ne pouvait passer inaperçue dans la sphère cléricale de l'époque et devait grandement prêter à rire. On capte donc ici une polysémie *implicite* de la part du traducteur, qui devient nettement plus *explicite* quand il précise 5- que les religieuses d'Erstein se ruèrent sur la chamelle et lui assenèrent des coups au visage et avec leurs griffes lui firent grand mal, *mit griffeln taten si ir groze not* v. 2152, il ne manque ici qu'avant ce vers qui fait allusion aux griffes qu'un « wie Raben » (comme des corbeaux) pour parfaire l'allusion aux habitants d'Erstein, il est tellement implicite qu'il en devient explicite. Le sixième niveau de sens et les suivants résident dans la polysémie de ce terme *griffel*, qui signifie aussi bien *griffes*, *doigts* que « *grafe* » (graphie, écriture, écrits en ancien français). Les sous-entendus deviennent alors innombrables et la polysémie prend vie sur au moins neuf niveaux de sens différents, que seuls les plus érudits de l'époque pouvaient connaître, décoder et savourer, les règlements de compte entre écoles scolastiques et ordres monastiques étant monnaie courante au Moyen-Âge.

Il s'agit là, à n'en point douter, d'un érudit qui sait écrire et travailler le sens que le traducteur du *Reinhart Fuchs*, car non seulement il connaît parfaitement le texte biblique dont il joue sur tout le texte, les problèmes et intrigues politiques et religieuses de son temps et de sa région, les ragots et conflits internes de cours et de monastères, les branches du *Renart* français, les subtilités sémantico-rhétoriques utiles à la survie de son œuvre et à la sienne, la polysémie lexicale et les métaphores, mais il sait aussi finement estimer jusqu'où il peut aller dans ses allusions critiques qu'il modère systématiquement d'un revers de formule moralisatrice lorsque c'est nécessaire¹⁸. Tout en faisant passer des messages violents à l'égard du pouvoir en place, en présentant des scènes cruelles et perverses, l'auteur veille à se protéger en jouant sur les deux tableaux médiévaux opposés, le bien et le mal, grâce à des petites remarques moralisatrices après chaque épisode dont la morale laisserait trop à désirer, ce qui va dans le sens d'un traducteur religieux moralisateur, caché derrière un pseudonyme et le masque de la fable.

5. Vérité *versus* Fidélité

Alors que le traducteur d'aujourd'hui n'est confronté qu'à un seul texte source d'une même œuvre et cherche à ce titre à lui être le plus fidèle possible, le traducteur médiéval est, lui, face à plusieurs manuscrits du texte source, eux-mêmes très mobiles sur le plan des variantes. Plusieurs choix

¹⁸ Concernant d'autres subtilités sémantiques de cet auteur et ses intentions moralisatrices, lire Astrid Guillaume, « La langue (*au service*) du mal(in) au Moyen-Âge : *Reinhart Fuchs* », in *La mauvaise Langue*, sld Florence Cabaret et Nathalie Vienne Guérin, Presses universitaires du Havre et de Rouen, (à paraître en 2010).

Однако непереводаемость связана не только со зрительными образами, но и с самим текстом. Обратимся к «Рейнгарту Лисице» — немецкой адаптации французского «Романа о Лисе». Это будет наш третий пример, где некоторые аллюзии настолько множественны, что их бывает очень сложно перевести на другой язык, поскольку они завязаны на конкретный контекст — определённое место и время. Мы имеем в виду две тонкие, близкие аллюзии: первая касается бенедиктинского аббатства в Эрстейне (стих 2123, стр. 142)¹⁷, а вторая — «когтей» бенедиктинцев (стих 2152, стр. 144). Обе они отсутствуют в многочисленных ветвях исходного текста, но обнажают впечатляющую полисемию, которую можно интерпретировать следующим образом.

Выбрав Эрстейн, переводчик-адапатор вводит в игру по меньшей мере восемь смысловых **пластов**, практически исключительно имплицитных. Действительно, 1 — жители Эрстейна носили в Средние века (и иногда по сей день) прозвище «вороны» (“Rabe” на немецком языке); 2 — в средневековой символике и иконографии ворон — зловещее животное, падальщик, ассоциируемый со смертью (ср. используемое для его обозначения эльзасское слово *grâb* «могила»); 3 — в то же время было известно, что бенедиктинцы из Эрстейна носили черные туники и скапулярии с черным капюшоном: связь между Эрстейном, бенедиктинцами и птицами смерти оказывается теперь очевидной. Ещё один маленький намёк Генриха Глихезере: 4 — во французском «Лисе» аллюзия делается на аббатство Сито, а монахи Сито, тоже бенедиктинцы, вместе с монахами Клерво отличались, как известно, от других бенедиктинцев, тем, что одежды носили... белые. Эта символическая антитеза чёрного и белого, связанная с трениями внутри монастырского мира, не могла остаться незамеченной в церковных кругах того времени и должна была вызывать смех. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с *имплицитной* полисемией, вводимой переводчиком, которая становится более *эксплицитной*, когда он уточняет, что 5 — монахи Эрстейна набросились на верблюдицу, били её по морде и больно царапали когтями (*mit griffeln taten si ir groze not* — стих 2152). Не хватает лишь, чтобы перед этим стихом про «когти» появилось “wie Raben” (как вороны), и аллюзия на жителей Эрстейна будет совершенной: эта имплицитность настолько сильна, что становится эксплицитной.

Шестой уровень смысла и все последующие связаны с полисемией слова “griffel”, обозначающего как «когти», «пальцы», так и «граф» (графика, письмо, произведения, написанные на старофранцузском). Появляется бесконечное множество аллюзий, а по-

¹⁷ Reinhart Fuchs, Heinrich der Glîchezâre / Éd. by K.-H. Göttert. Stuttgart, Reclam, 1987.

s'offrent à lui, soit s'engager dans un mot à mot avec le texte source, ce qui est souvent le cas, soit s'en détacher pour adapter sa traduction au contexte politico-religieux de sa région, ce qui est également fréquent. Quel que soit son choix, il se cachera, pour se protéger, derrière le texte source en précisant régulièrement au fil de sa traduction qu'il le suit à la lettre, mais ce faisant il dénoncera des vérités concernant la région cible. Walther von der Vogelweide et Ulrich von Zazikhôven sont des maîtres dans ce genre de pratiques. L'essentiel au bout du compte est que la fable, le poème ou le roman soient vrais et trouvent un écho auprès du public cible. Car bien plus que la fidélité à un texte source, c'est la vérité du texte final qui prime avant toute chose au Moyen-Âge, le texte passant également avant le nom de l'auteur.

La mouvance du texte médiéval fait qu'il passe d'un acteur à l'autre et d'une orientation idéologique à l'autre, qu'il s'agisse de celle des mécènes, des auteurs, traducteurs ou des copistes, le texte à traduire et le texte traduits sont constamment manipulés, chacun de ces acteurs n'ayant nullement les mêmes intentions (le premier paie, le deuxième crée, le troisième traduit, le quatrième copie) mais dans leur ensemble, tous sont fidèles à la vérité (divine), là où le traductologue et le traducteur d'aujourd'hui sont fidèles à un texte. Le traducteur médiéval, en traduisant un texte mais ce faisant en prenant la liberté de l'adapter à son contexte local, ne fait qu'accroître la véracité textuelle première pour un second public, témoins les textes du *Reinhart Fuchs* et *Lanzelet*, évoqués ci-dessus.

Conclusion

Le sens dans le contexte traductologique médiéval se comprend donc aussi bien sur le plan syntaxique, métaphorique, que visuel, et bien souvent sur ces trois points, il est pluriel. Le sens initialement envisagé dans un contexte littéraire prend alors discrètement une orientation religieuse, philosophique, politique ou satirique. La traduction mot à mot s'efface au profit d'enjeux sémantiques plus stratégiques et orientés.

Tout à fait conscients des termes et images qu'ils utilisent, les traducteurs médiévaux jouent non seulement sur le sens des mots, sur une syntaxe simplifiée ou au contraire stylisée mais également sur le double, triple, voire quadruple sens d'images liées à des contextes précis. Les sphères supérieures érudites flirtent avec l'implicite de l'implicite quand la base se délecte de l'explicite.

Le traducteur, protégé par la vérité du texte source, devient alors médiateur dans la langue cible d'un nouveau sens et vecteur de nouveaux enjeux. La traduction devient, quant à elle, un moyen subtil et efficace permettant de faire passer de multiples messages aux initiés, à certains cercles ou à une poignée d'érudits, tout en divertissant une noblesse et un peuple majoritairement étrangers à toutes ces finesses sémantiques.

лисемия существует по меньшей мере на девяти различных смысловых уровнях, которые лишь эрудиты того времени могли понять, расшифровать и оценить по достоинству, ведь сведения счетов между схоластическими школами и монашескими орденами в Средние века происходили довольно часто.

Именно таким эрудитом, умеющим создавать, прорабатывать смысл, и был переводчик «Рейнгарта Лисицы». Ведь он прекрасно ориентируется в тексте Библии, который обыгрывает в переводе; знает религиозно-политические проблемы и интриги своего времени и своего региона, предметы обсуждений и причины внутренних конфликтов в королевских дворах и монастырях, ветви французского «Романа о Лисе»; владеет целым арсеналом стилистических и семантических приёмов, необходимых для сохранности как произведения, так и себя самого; использует полисемию и метафоры. Кроме того, он тонко чувствует грань, за которую нельзя выходить в порыве критических аллюзий, поэтому обязательно сдобривает их порцией нравоучительных афоризмов, когда это необходимо¹⁸. Позволяя себе смелые намёки относительно существующей власти, рисуя жестокие и порочные сцены, автор постоянно заботится о самосохранении, играя на характерной для Средневековья оппозиции добра и зла при помощи кратких нравоучительных комментариев, которые он добавляет по окончании эпизодов, уязвимых в плане морали. Стратегия в духе переводчиков религиозной литературы, которые нравоучают, под псевдонимом и под маской басни.

5. Истина против Верности

Если современный переводчик имеет дело с единственным исходным текстом одного и того же произведения и стремится к максимальной верности этому тексту, средневековый переводчик сталкивался с многообразием оригинальных манускриптов, каждый из которых также может содержать различные варианты. Он волен выбирать между дословным переводом, что зачастую и происходило, либо отходом от оригинала и адаптацией своего перевода с учётом региональной религиозно-политической ситуации, что также случалось нередко. Вне зависимости от выбранного пути переводчик в целях самосохранения будет прикрываться исходным текстом, постоянно уточняя по мере перевода, что следует оригиналу дословно, но при этом он покажет ту правду, те истины, которые характерны для принимающего ареала. Вальтер фон дер Фогельвейде и Ульрих фон Цацикхофен — мастера подобной так-

¹⁸Об иных семантических приемах и нравоучительных устремлениях этого автора см.: *Guillaume A. La langue (au service) du mal(in) au Moyen-Âge: Reinhart Fuchs // La mauvaise Langue. Sld F. Cabaret et N.V. Guérin. Presses universitaires du Havre et de Rouen (в печати).*

Bibliographie sélective

BACHET DE MEZIRIAC Claude-Gaspar (1998). De la Traduction (1635), Artois Presses Université, Presses de l'Université d'Ottawa.

BALLARD Michel (1990a). Ambiguïté et traduction // Ballard M. (éd.). La Traduction plurielle, Lille, P.U.L., P. 153—174.

BALLARD Michel (1990b) Antiquité et traduction // Danielle Laporte (éd.). Traduction et didactique, Porto, Editions ASA. P. 11—25. Michel BALLARD (1995). De Cicéron à Benjamin. 2e édition. Arras, Septentrion.

BALLARD Michel (1997a). Culture et traduction sous le règne de Théodoric // Revue des Lettres et de Traduction. Liban, n° 3. P. 21—28.

BALLARD Michel (1997b). Relation hypero-hyponymique et traduction // Trad-term (Revue du centre interdépartemental de traduction et terminologie de l'université de Sao Paulo). 4.2. P. 41—69.

BERMAN Antoine (1984). L'Épreuve de l'étranger. Paris, Gallimard.

BOCQUET Catherine (2000). L'Art de la traduction selon Martin Luther. Arras, Artois Presses Université.

BURIDANT Claude. Translatio medievalis : théorie et pratique de la traduction médiévale // Travaux de linguistique et de littérature. XXI. 1983. P. 81—136.

ECO Umberto (1988). Sémiotique et philosophie du langage. Paris, PUF.

ECO Umberto (1992). Le Signe. Paris, Livre de poche.

ECO Umberto (1997). Art et beauté dans l'esthétique médiévale. Paris, Livre de Poche.

ECO Umberto (2007). Dire presque la même chose. Paris, Grasset.

ERNST Ulrich (2009). Manier als Experiment in der europäischen Literatur. Aleatorik und Sprachmagie. Tektonismus und Ikonizität. Zugriffe auf innovatorische Potentiale in Lyrik und Roman. Heidelberg, Universitätsverlag Winter.

FOZ Clara (1998). Le Traducteur, l'Eglise et le Roi, Espagne XIIe—XIIIe siècle. Arras, Artois Presse Université.

GUILLAUME Astrid (1996a). L'Adaptateur face à son modèle, Gottfried de Strasbourg et Thomas de Bretagne // Tristan-Tristrant. Greifswald, Reineke-Verlag. P. 209—218.

GUILLAUME Astrid (1996b). Salman und Morolf. Traduction allemand médiéval/ allemand moderne en collaboration avec W. Spiewok. Greifswald, Reineke-Verlag.

GUILLAUME Astrid (2000). Ponthus et Sidoyne et les rédactions A et B de Pontus und Sidonia : Etude comparée. Thèse Paris IV Sorbonne, Micro-fiches.

GUILLAUME Astrid (2002). Importance du détail, détails d'importance pour l'étude comparée médiévale // Le Parti du détail, enjeux narratifs et descriptifs. N 7. Éditions Minard. P. 49—62.

GUILLAUME Astrid (2004). La Représentation du « pouvoir » dans Ponthus et la belle Sidoyne (XVe siècle) // Romanistische Zeitschrift für Literaturgeschichte, 26. Jahrgang, Heft %. P. 291303; 2002 et in Le Moyen Français. 54. 2004. P. 59—73.

GUILLAUME Astrid (2008a). Traduction, sémiotique et praxéologie // Actes du colloque Penser et agir, sld de Victor Alexandre. Editions Le Manuscrit (A paraître). En ligne sur le site de l'Observatoire européen du plurilinguisme, rubrique les Fondamentaux, www.observatoireplurilinguisme.eu/

GUILLAUME Astrid (2008b). L'Épreuve de Dieu : les preuves de Dieu. Le non-dit en puissance dans le Tristan de Béroul // Mélanges de Science Religieuse 3/2008. Lille. P. 9—30.

тики. В конечном итоге главное, чтобы басня, стихотворение или роман были истинны и нашли отклик у читателей. Ведь не столько верность тексту исходному, сколько истинность текста конечного, ставилась во главу угла в эпоху Средневековья, при этом на первом месте был сам текст, а уже потом имя автора.

Средневековый текст — подвижная субстанция: от актора к актору, от одной идеологии к другой, идёт ли речь о меценатах, авторах, переводчиках или писцах, текст оригинала и текст перевода постоянно корректируются, притом что интенции у каждого из этих акторов разные (один платит, другой творит, третий переводит, четвёртый переписывает). Но в целом все они остаются верны (божественной) истине, тогда как сегодняшние переводоведы и переводчики говорят о верности тексту. В Средние века переводчик был волен адаптировать текст в соответствии с местными особенностями, но это лишь подчёркивало истинность исходного текста для новой аудитории, как, например, вышеупомянутые «Рейнгарт Лисица» и «Ланцелет».

Заключение

В эпоху Средневековья смысл в переводе строится на основе синтаксиса, метафоры и визуального образа, и зачастую во всех трёх ипостасях он оказывается множественным. Изначально создаваемый в недрах литературы смысл приобретает оттенки религиозного, философского, политического или сатирического характера. Дословный перевод уступает место работе над смыслом в рамках определённых стратегий и идеологических тенденций. Переводчики Средневековья отчётливо понимали, какие выражения и образы они используют и вовлекают в игру не только смысл слов, упрощённый или стилизованный синтаксис, но и двойной, тройной или даже четверной смысл образов, связанных с определёнными контекстами. В то время как эрудиты из высших слоёв постигают имплицитное в имплицитном, низы довольствуются эксплицитным.

Переводчик, защищённый истиной исходного текста, оказывается посредником в передаче нового смысла и выразителем новых интересов на языке перевода. А перевод становится изощрённым и действенным средством, позволяющим передать разнообразные сообщения для посвящённых, отдельных кругов, для кучки эрудитов, и вместе с тем развлечением для знати и народа, далёких от всякого рода семантических тонкостей.

(Список литературы см. во французском тексте)

*Перевод Д. Баландиной и Ю. Кореновой
под научной редакцией О. Костиковой*

GUILLAUME Astrid (2009). La Traduction médiévale : entre implicite et explicite » (version longue) // La Traduction : philosophie, linguistique et didactique, sld Tatiana Milliaressi. Editions du Conseil Scientifique de l'Université Lille 3. Collection UL3, (sous presse) et « La Traduction médiévale : entre implicite et explicite » (version courte), // La Traduction : philosophie, linguistique et didactique. Sld Tatiana Milliaressi, Editions du Conseil Scientifique de l'Université Lille 3. Collection UL3. 2009. P. 73—77.

GUILLAUME Astrid (2010a sous presse). Dieu, le Diable et... les loups/garous. Sémiotique des représentations médiévales // Formes et Difformités médiévales. Mélanges d'histoire, de littérature, de langue et de mythologie médiévales offerts au Professeur Claude Lecouteux. Sld Florence Bayard et Astrid Guillaume. Paris, Presses Universitaires de Paris-Sorbonne (sous presse).

GUILLAUME Astrid (2010b sous presse). La langue (au service) du mal(in) au Moyen-Âge : Reinhart Fuchs // La mauvaise Langue. Sld Florence Cabaret et Nathalie Vienne Guérin, Presses universitaires du Havre et de Rouen, (sous presse).

GUILLAUME Astrid (2010c sous presse). Les langues du Moyen-Âge // Variétés et enjeux du plurilinguisme. Sld Christos Clairis, Paris, L'Harmattan. En ligne sur le site Texto !, revue de l'Institut Ferdinand de Saussure. Sld François Rastier, <http://www.revue-texto.net/index.php?id=2332>

GUILLAUME Astrid (à paraître). Medieval Time(s) // The Semiotics of Time, 34th Annual Meeting of the Semiotic Society of America. Dir. Th. Broden, Semiotics 2009.

JOLY Geneviève (1998). Précis d'ancien français. Paris, Armand Colin.

LE BOHEC Yann (sld) (2007). Les Religions triomphantes au Moyen-Age, De Mahomet à Thomas d'Aquin, Paris, Editions du Temps. Claude LECOUTEUX (1996), L'allemand du Moyen Âge, Turnhout, Brepols Publishers.

LE GOFF Jacques (2003). Le Dieu du Moyen-Âge. Paris, Bayard.

MALHERBE Jean-François (2005). Dit et non-dit. La surprenante fécondité thérapeutique de Wittgenstein // GreetingLine (InsertChampFusion).

MESCHONNIC Henri (1999). Poétique du traduire. Paris, Berdier.

PASTOUREAU Michel (1996). Figures de l'héraldique. Paris, Gallimard.

RASTIER François (1989). Sens et Textualité. Paris, Hachette.

RASTIER François (2001). Arts et Sciences du texte. Paris, PUF.

RASTIER François (2006). La Traduction : interprétation et genèse du sens // Texto !, revue d l'Institut Ferdinand de Saussure. Sld François Rastier http://www.revue-texto.net/Lettre/Rastier_Traduction.pdf

RICOEUR Paul (2004). Sur la traduction. Paris, Bayard.

SCHLEIERMACHER Friedrich (1999). Des différentes Méthodes du traduire et autres textes. Paris, Seuil.

STAROBINSKI Jean (1971). Les mots sous les mots. Les anagrammes de Ferdinand de Saussure. Limoges / Éd. Lambert Lucas.

VAN HOOFF Henri (1991). Histoire de la traduction en Occident. Paris, Duculot.

VAUCLUSE François (2008). L'Art de traduire. Châlons en Champagne. Hapax éditions.

ZUMTHOR Paul (2000). Essai de poétique médiévale. Paris, Seuil.

Д.Г. Шаталов,

аспирант Оксфордского университета; e-mail: dmitry.shatalov@hillfoundation.org.uk

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ В РОССИИ, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ XVI—XVII ВВ. МЕТАФОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается влияние религиозных концепций на метафорическое осмысление перевода русскими, английскими и французскими переводчиками религиозных текстов. Анализируются метафоры, в рамках которых перевод понимался как достижение идентичности с оригиналом.

Ключевые слова: метафора, перевод, религиозный текст, Библия, идентичность, сходство.

Dmitry G. Shatalov,

DPhil student at the University of Oxford, UK; e-mail: dmitry.shatalov@hillfoundation.org.uk

Conceptual Metaphors for Translation of Religious Texts in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia, England, and France: Metaphors of Identity

In this article I demonstrate that conceptual metaphors for translation used by translators of religious texts in the sixteenth and seventeenth centuries were largely based on the religious conceptions of the translators. The article covers various metaphors, through which translation was conceptualized as the achievement of identity.

Key words: metaphor, translation, religious texts, the Bible, identity, similarity.

Список сокращений: ИЯ — исходный язык, ПЯ — язык перевода, ИТ — исходный текст, ПТ — переводной текст.

Возрождение и Реформацию называют «золотым веком перевода». [Translation: Theory and Practice, 2006, p. 55; Delisle, 1989, p. 164]. Когда в 1453 г. пал Константинополь, сотни византийских философов, учёных, ораторов и священников устремились в Европу [Van Hoof, 1986, p. 24]. Эта миграция усилила всеобщий интерес к греческому языку и культуре. Нужно принимать во внимание, что в Средневековье работы греческих авторов в основном переводились с арабского на латынь. Эразм Роттердамский, который был недоволен этими переводами, а также текстом Вульгаты, выдвинул лозунг *Ad fontes* («К источникам»)¹. Кроме того, активизация деятельности переводчиков в данный период была связана с изобретением печатного прессы и расширением сферы употребления народных языков. В то же время перевод стал оружием в идейных схватках между католиками и протестантами (в Европе) и в борьбе

¹ Выражение это было заимствовано из Вульгаты.

с ересью жидовствующих (в России)². В России потребность в новых переводах была ещё более насущной, чем в Европе, поскольку имеющиеся переводы на старославянский язык становились всё менее понятными. Причиной тому послужило не только изменение языка, но и изменение самих текстов в процессе переписывания. Таким образом, только обратившись «к источникам», можно было по-настоящему понять Священное Писание.

В результате активизации переводческой деятельности усилилась и деятельность метапереводческая: в предисловиях, посвящениях, полемических статьях переводчики высказывали свои мысли о переводе. Поскольку метафора является одним из основных «инструментов осмысления мира» [Lakoff, Turner, 1992, p. xii], было бы интересно выяснить, как переводчики религиозных текстов осмыслили перевод метафорически. Проведённый нами анализ высказываний русских, английских и французских переводчиков показал, что наиболее общими группами метафор, в рамках которых концептуализируется перевод, являются метафоры идентичности и метафоры сходства. В первом случае перевод понимается как сохранение некой сущности, несмотря на изменения. Во втором случае перевод осмысливается как создание сходных сущностей, выполнение сходных действий или как пространственная близость к оригиналу. В рассматриваемую эпоху переводчики религиозных текстов использовали метафоры идентичности гораздо чаще, чем метафоры сходства. Поэтому в настоящей статье мы рассмотрим первую группу метафор.

Безусловно, древние переводчики знали, что латинское слово *translatio* означало «перенос». Более того, английское *translation*, французское *traduction* и более ранний вариант *translation*, а также русские слова *n(e)первод* и *n(e)пеложение* являются производными и кальками латинского *translatio* и греческого *metaphora*. Возможно, эти лингвистические факты объясняют, почему перевод часто осмысливается как передвижение объектов в пространстве.

Вращение, так же как и перенос, предполагает перемещение в пространстве. В одном из своих значений глагол *to turn* означал «перемещать» [Shorter Oxford English Dictionary..., 2007, p. 3378]. В предисловии к своему переводу Нового Завета на английский язык Грегори Мартин (1582) использует этот глагол, высказывая мнение католической церкви о том, что Библия отнюдь не всегда должна переводиться на народные языки: “Which translation we do not for all that publish, upon erroneous opinion of necessity <...> that we generally, and absolutely, deemed it more convenient for itself, and

² Это направление проявилось в деятельности новгородского архиепископа Геннадия.

more agreeable for God's word and honour, or edification for faith, to have them turned into vulgar tongues" [Martin, 1834, p. 9]. Андрей Курбский (1575), который понимает перевод как склонение, сообщает читателям, как сильно он хотел «склонити на Словенский от Латинска» беседы Иоанна Златоуста [Курбский, 1868, с. 275]. В вышеуказанных метафорах перевод концептуализируется как перемещение в пространстве необозначенного объекта. Мы воспринимаем пространство как контейнер. В любой момент все объекты находятся в определённом месте. Поскольку языки также осмысляются как контейнеры³, все концепты движения теоретически могут использоваться в качестве метафорических источников для концепта-цели ПЕРЕВОД.

Метафорическое понимание перевода как движения предполагает, что некоторые элементы ИТ становятся доступными получателю в результате этого движения. Физическая доступность часто проецируется на способность понимать ПТ. Например, Жак Лефевр из Этапля⁴ (1523), переводчик Нового Завета на французский, утверждает, что он старался избегать парафраза в своём переводе "de paour de bailler autre sens que le saint esperit n'avoit suggeré aux evangelistes" [Lefèvre d'Étaples, 1972, p. 452—453] — дабы не «дать» читателю ложный смысл, отличный от смысла, сообщённого апостолам Святым Духом. Когда перевод осмыляется как движение, передача, склонение, происходит так называемая «реификация» [Кашкин, 2007], т.е. концептуализация абстрактной сущности как конкретной.

Какие метафорические источники могут использоваться для концептуализации текста как конкретного объекта? Переводчики религиозных текстов часто сравнивали ИТ с сокровищем, которое становится доступным читателю. В подобных метафорах переводчики либо дают сокровище читателю, либо убирают препятствия, преграждающие доступ к сокровищу.

Лефевр (1523) сообщает в предисловии ко второй части Нового Завета, что он дал читателям «великие сокровища Господа», которые он также называет «драгоценными жемчужинами Священного

³ Ср. определение перевода как "turning out of one language into another" [The new world of English words..., 1658, fol. Pp3^v]. Язык часто осмыляется как контейнер с помощью метафор одевания. Древние переводчики концептуализировали язык и стиль ПТ как одежды и стремились облечь ИТ в красивые одежды. Евфимий Чудовский (1688) упоминает, что Патриарх Иоаким повелел «одеяти» сочинения Симеона Солунского «в славенскаго диалекта претолкование, яко в многоценную и драгоупешренную ризу» [цит. по: Соболевский, 1903, с. 314]. В конце XVII в. соборное деяние, написанное в Константинополе, «стяжа словенска диалекта одеяние, его же красоту да зрит всякое верных состоянии» [цит. по: Николаев, 1986, с. 121].

⁴ Латинский вариант имени: Якобус Фабер.

Писания»⁵. Максим Грек в обращении к Василию III говорит, что его задачей как переводчика было сделать «сокровище» Псалтыри доступным царю и православным читателям: «Да не паки в ковчезех заключится, якоже и прежде, таковое богосъбранное сокровище» [Грек, 2008, с. 164—165]. И Максим Грек, и Жак Лефевр рассматривают перевод как деятельность, в результате которой сокровище становится доступным. Однако это отнюдь не значит, что только смысл концептуализируется как сокровище: значения слов тоже могут быть сохранены в переводе. Лефевр утверждает, что он не объяснял ПТ и не прибегал к парафразу «из страха смешать человеческое слово со словом божьим»⁶. Напротив, с точки зрения Симеона Полоцкого, именно объяснительный перевод обеспечивает доступность текста-сокровища:

Тем не дивися, видя ино слово, —
разум един есть, речение ново
Светлости ради, ли за нужду меры:
толк отверзает сих сокровищ двери.

[Полоцкий, 1953, с. 216].

Так как Полоцкий выполнил поэтический перевод Псалтыри и объяснил тёмные места, он противопоставлял свой перевод буквальному переводу, использовавшемуся в церковных службах. Иными словами, то, что ценно для Лефевра, не представляет ценности для Полоцкого. Соответствия на уровне слов, которые, с точки зрения Лефевра, являются неотъемлемой частью сокровища, концептуализируются Полоцким как барьер, преграждающий доступ к сокровищу («двери»). Так же как и Полоцкий, Лефевр использует метафору проникновения внутрь, заимствованную из Евангелия от Луки: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали»⁷. Он подвергает критике точку зрения, согласно которой Библия не должна переводиться на народные языки. По мнению Лефевра (в отличие от мнения Полоцкого), метафорическое вхождение не предполагает парафраза. Французский переводчик считает, что читатели его перевода могут войти, т.е. воспринимать евангельский текст, без парафраза. Вопрос: сможет ли получатель воспринять ПТ и если да, то в какой степени? всегда был ключевым в теориях перевода.

⁵ «les grand tresors de dieu», «les precieuses marguerites de l'escripture saincte» [Lefèvre d'Étaples, 1972, p. 460].

⁶ «de paour de mesler la parolle de l'homme avec la parolle de dieu» [Lefèvre d'Étaples, 1972, p. 453].

⁷ [Лука, 11. 52]. «Malheur sur vous, docteurs de la loy, qui avez osté la clef de science; vous n'y estes point entrez, et avez empesché ceulx qui y entroyent» [Lefèvre d'Étaples, 1972, p. 454].

При переводе Священного Писания этот вопрос приобретает особую важность.

Сторонники Реформации выдвинули доктрину *Sola Scriptura*, из которой следует, что любой человек может понять Библию без какого-либо комментария. Поэтому Майлз Смит (1611), один из переводчиков, участвовавших в создании Библии короля Якова в эпоху реформации, утверждает в своём предисловии, что «перевод открывает окно, дабы впустить свет; он разламывает скорлупу, дабы мы могли отведать ядро; он подымает занавес, дабы мы могли заглянуть в святая святых; он снимает крышку с колодца, дабы мы могли подойти к воде»⁸ [Нелюбин, 2006, с. 107]⁹. Без перевода не обученные языкам люди подобны «упомянутому Исаией¹⁰ человеку, которому дана была запечатанная книга и были сказаны такие слова: “Прочитай её, молю тебя”, на что он вынужден был ответить: “Не могу, потому что она запечатана”»¹¹.

Напротив, с точки зрения Грегори Мартина (1582), автора перевода Библии для католиков, перевод сам по себе не «разламывает скорлупу» и не открывает «запечатанную книгу». По его мнению, правильно интерпретировать Библию могут лишь те, кто посвятили многие годы своей жизни изучению Священного Писания. Он язвительно замечает, что переводчики-протестанты и простые люди, читающие их переводы, «не видят никаких трудностей в священной книге за семью печатями <...> В отличие от Иеронима, они не чувствуют, что текст этот имеет твёрдую скорлупу, которую нужно разбить, прежде чем мы доберёмся до ядра; они не желают отдать целых тринадцать лет своей жизни лишь чтению Священного Писания, подобно Василию Великому и Григорию Богослову, прежде чем толковать его, и, в отличие от них, не заботятся о том, чтобы объяснять его лишь с единодушного согласия своих предшественников и сообразно с апостольской традицией»¹².

⁸ “Translation it is that openeth the window, to let in the light; that breaketh the shell, that we may eat the kernel; that putteth aside the curtain, that we may look into the most holy place; that removeth the cover of the well, that we may come by the water” [Smith, 1997, p. 139].

⁹ За исключением данного высказывания, все переводы на русский язык мои.

¹⁰ [Исаия, 29. 11].

¹¹ “without translation into the vulgar tongue, the unlearned are but like [...] that person mentioned by Isaiah, to whom when a sealed book was delivered, with this motion, *Read this, I pray thee*, he was fain to make this answer, *I cannot, for it is sealed*” [Smith, 1997, p. 139].

¹² “find no difficulty in the sacred book clasped with seven seals [...] they feel not with *Hierome*, that the text hath a hard shell to be broken, before we come to the kernel, they will not stay themselves in only reading the sacred Scriptures thirteen years together, with *Basil* and *Gregory Nazianzen*, before they expound them, nor take the care, as they did, never otherwise to interpret them, than by the uniform consent of their forefathers and tradition Apostolic” [Martin, 1834, p. 13].

Из слов Мартина следует, что чтение Библии в переводе (самого текста без комментариев) отнюдь не означает понимания Библии. Он переводит Библию, чтобы исправить ошибки, допущенные переводчиками-протестантами, но, с его точки зрения, перевод, каким бы хорошим он ни был, не может до конца «открыть» полного смысла Библии. Мартин стремился сохранить смысл оригинала, переводя буквально, но «открывание» и «разламывание» происходят в разуме читателя, и от читателя зависит, в какой степени Бог откроет ему священный смысл. Таким образом, Мартин подразумевает, что перевод не разбивает «скорлупу ядра», поскольку «никто не может уразуметь божий смысл Писания, если Христос не откроет этот смысл»¹³, тогда как Смит заявляет, что перевод «разламывает скорлупу», потому что читатель может понять иностранный язык благодаря переводу. Смит сравнивает перевод Библии с переводом «речи короля»¹⁴, тогда как Мартин говорит о тайнах и скрытом смысле Писания [Martin, 1834, p. 13].

Из рассмотренных примеров видно, что переводчики Библии часто заимствуют из Библии метафорические источники для своих концепций перевода. Например, запечатанная книга упоминается в Книге пророка Исаии [29. 11] и в Откровении [5. 1–9]. В Священном Писании говорится как о метафорическом, так и о неметафорическом сокровище¹⁵. Бог в Библии часто описывается как свет¹⁶, еда¹⁷ и вода¹⁸. Поэтому слово Бога тоже может осмысляться посредством метонимии, как свет, еда и вода. Переводчики Библии употребляют эти метафорические источники для концептуализации перевода.

Все три источника использует Майлз Смит, который утверждает, что благодаря переводу мы видим «свет», «съедаем ядро» и «добываем воду»¹⁹. В этих метафорах перевод рассматривается как

¹³ “none can understand the meaning of God in the Scriptures except Christ open their sense” [ibid., p. 12].

¹⁴ “we affirm and avow, that the very meanest translation of the Bible in English, set forth by men of our profession <...> containeth the word of God, nay, is the word of God. As the king’s speech which he uttered in Parliament, being translated into French, Dutch, Italian, and Latin, is still the king’s speech, though it be not interpreted by every translator with the like grace” [Smith, 1997, p. 143].

¹⁵ Например: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» [Матфей, 6. 19–20].

¹⁶ Например: «Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» [Иоанн, 8. 12].

¹⁷ Например: «Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сшедший с небес» [Иоанн, 6. 41].

¹⁸ Например: «Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» [Иеремиа, 2. 13].

¹⁹ См. сноску 9.

удаление препятствия: перевод «открывает окно», «разламывает скорлупу» и «снимает крышку с колодца» [Нелюбин, 2006, с. 107]. ИТ понимается как система из двух элементов, один из которых закрывает доступ ко второму: створка окна и свет, скорлупа и ядро, крышка колодца и вода. Очевидно, Смит осмысляет ИЯ как первый элемент (барьер), а смысл ИТ понимается как элемент, который был недоступен до перевода из-за языкового барьера. ПЯ в этой группе метафор не концептуализируется, поскольку система включает только два элемента: языковой барьер и смысл. Как только переводчик убирает барьер, смысл текста тут же становится понятным, будто бы нет никакого ПЯ, и девербализованные мысли становятся доступными разуму получателя. Перевод рассматривается как процесс, позволяющий понять ИТ. Не важно то, что ИЯ заменяется ПЯ; важен сам результат. С другой стороны, ПЯ может пониматься в данном случае как пространство, в котором находится получатель и в которое попадает второй элемент системы после удаления барьера. Это пространство комнаты, пространство вокруг ядра и над водой. Однако это лишь возможная интерпретация.

В другой метафоре, использованной Смитом в его предисловии, перевод осмысляется как операция с тремя элементами: источником света (свечой) и двумя опорами. Когда свеча стоит на низкой опоре (на полу), свет не распространяется на весь дом²⁰. Переводчик словно ставит свечу на другую подставку: «слово Божье, предложенное на греческий, уподобляется свече, поставленной на подсвечник, которая дарует свет всем, находящимся в доме»²¹. В данном случае ИЯ понимается как первая опора, на которой находится источник света. Эта опора расположена ниже второй. После того, как источник света ставится на подсвечник (т.е. ПЯ), все в доме могут видеть свет (который посредством метафоры понимание — это зрение можно интерпретировать как смысл «слова Божья»). По сравнению с метафорами удаления барьера, ПЯ концептуализируется намного четче и нагляднее при метафорическом осмыслении перевода как перемещения источника света на более высокую опору: в данном случае метафорически осмысляется не только результат перевода, т.е. понимание, но и процесс перевода как лингвистическая операция.

Максим Грек (1522) использует похожую метафору в предисловии к переводу Псалтыри. Он надеется, что православные христиане прочитают его перевод и узрят лучи, исходящие от Божественного

²⁰ Скорее всего, Смит использует библейскую метафору: «И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике?» [Марк, 4. 21].

²¹ “the word of God being set forth in Greek, becometh hereby like a candle set upon a candlestick, which giveth light to all that are in the house” [Smith, 1997, p. 140].

разума: «да въсияет всем обще благодать Утешителя мысленного солнца лучи, да насладится сим и прочее православных множество» [Грек, 2008, с. 165]. Описывая свой перевод тридцати псалмов, Клеман Маро (1541) говорит, что он «бросил псалмы в свет»²². Тиндейл (1525) заявляет, что нет никакой необходимости объяснять причины, которые побудили его перевести Новый Завет, поскольку лишь слепцы будут спрашивать, «зачем показывать свет тем, кто идёт во тьме, где они не могут не оступиться и где неверный шаг грозит вечным проклятием»²³. В данном случае метафорическое понимание перевода как про-*свещения* дополняется метафорой жизнь — это путешествие. Согласно концепциям Тиндейла и Максима Грека, получатели перевода находятся в лучах переведённого ИТ, тогда как, согласно Маро, ИТ переносится на свет в процессе перевода.

В эпилоге, опубликованном во втором издании перевода Нового Завета (1526), Тиндейл утверждает, что в будущем он «прольёт свет там, где это необходимо»²⁴, поскольку он не совсем доволен своим переводом. Таким образом, и перевод, и исправление перевода могут рассматриваться как освещение. В XVI и XVII вв. исправление переводов, выполненных другими переводчиками, было распространённым явлением. Новый перевод часто означал исправление старого перевода. Например, Библия короля Якова во многом основана на Женевской Библии и переводе Тиндейла.

В России исправлением переводов и собственно переводами занимался Максим Грек. Представляется, что при описании процесса исправления Максим использует метафоры, заимствованные из религиозного дискурса (подобным же образом Тиндейл заимствовал из Библии метафору света). И исправление переводов, и миссия Иисуса Христа²⁵ описываются Максимом как «исцеление», «цельба». Согласно Максиму, Иисус исцеляет людей, принося в жертву себя: «Неправедно убо есть отнюдь мудрствовати оно о Нем, Егоже всесильному мановению всяческая повинуются, яко за еже не имети Ему ин образ исцеления, за то потребова такового худаго исцеления, егоже худое и несильное явися мудрейшее всякоя пре-

²² “Ainsi, ô Roy, par les divins espritz
Qui ont soubz toy hebreu langage appris
Nous sont jettez les Pseaumes en lumiere,
Clairs, et au sens de la forme premiere”

[Marot, 1875—1931, p. 199].

²³ “for who ys so blynde to axe why lyght shulde be shewed to them that walke in dercknes, where they cannot but stomble, and where to stomble ys the daunger of eternall dammacion” [Tyndale, 1911, p. 112].

²⁴ “geve lyght where it is requyred” [Tyndale, 1911, p. 116].

²⁵ Очевидно, метафора исцеления (используемая по отношению к Иисусу Христу) развилась из неметафорического употребления концепта исцеление в Библии: Иисус не только исцеляет душу и разум, но и исцеляет людей в буквальном смысле.

мудрости и всякыя силы сильнейшее» [Грек (с), 1859—1862, с. 38]. Также: «Благопокорно и беззлобиво примите спасительныя страсти Его, имже образом и боляй цельбы врачевныя, иже аще и худа покажутся, не испытует я многопытно, ниже паки отрееет я, хотяя здравия получити» [Грек (b), 1859—1862, с. 54].

В одном из своих «Слов», в котором Максим подвергает критике католицизм, он сообщает о своём намерении исцелить «недугующих разум» по примеру Христа [Грек (g), 1859—1862, с. 192]. Для этого «Слово» должно быть исправлено «правым словом»: «На ту убо высоту слово обрацаемо есть, и всяким чином во истине и любви недугующих разум исцеляти подобает, общаго врача и Спаса Иисуса Христа вожда предлагающе ко испытанию истины, и правым словом слово да исправляется» [там же]. «Недугующими» Максим Грек называл католиков, а под «словом» он имел в виду сочинения Николая Немчина (Булева), который высказывал мысли об объединении Русской православной церкви с Римской католической. Таким образом, Максим, который часто говорил об Иисусе Христе как о Слове, поставил себе задачу излечить разум отклонившихся от праведной веры, так же как это делал Бог-Слово, но чтобы достичь этой цели, он сначала должен исправить их слова.

В древнерусском языке слово *разум* означало и «ум», и «смысл». Как и критика религиозных сочинений, исправление переводов или копий оригиналов²⁶ подразумевает замену слов правильными словами для того, чтобы исцелить разум. Поэтому Максим (1522) рассматривает исправление как исцеление: «А иже нездраве предложена от писаря или и инако от долгаго времени растленна, идеже убо возможно нам бысть, или от книг просветленным, или и от себе уразумевшим, прилежание превелие сътворихом с Богом помощ-

²⁶ С точки зрения К.М. МакРоберт, Максим Грек мог использовать метафору исцеления по отношению к исправлению предыдущего перевода Псалтыри: “It is clear from his own introduction to his catena on the psalms that Maksim did not attempt a completely new, independent translation of the psalms, but rather emended a pre-existing one: *a iže nez<d>ravě pre<d>ložena ô<t> pisarě. ili i inako ô<t> dolgago vremeni rastlěna idě<ž> oubo vŭzmo<ž>no na<m> by<s>. ili ô<t> kniğŭ prosvětleny<m>. ili i ô<t> sebe urazuměv'šŭ<m> priležanie prevēlie sŭtvorixo<m> sŭ bgo<m> pomošćniko<m>. jako ôstavlenaa priložena byti i rastlěnnaa lěpoe vŭspriati ispravlenie. ide<ž> niže ô<t> kniğŭ. ni<ž> ô<t> sebe umysliti někoea cěl'by vŭzmozogoxo<m>. sice ôstavixo<m>. jako běša i isprŭva položena” [MacRobert, 2008, p. 47]. По мнению Ковтун, речь идёт об исцелении греческого оригинала, в котором были допущены ошибки при переписывании: «Экземпляр греческой Псалтыри, с которой делался перевод, оказался неистинным. Максим решил пойти на его “цельбу” <...> Однако это не всегда удавалось: “Иде же ниже от книг, ниже от себе умыслити некоея целбы возможным, сие оставихом, яко беша исперва положена”» [Ковтун, 1975, с. 50]. Автор *Оглавления книг, кто их составил* (Епифаний Славинецкий или Сильвестр Медведев) также упоминает, что Максим исправлял греческий оригинал Псалтыри: «елико мощно ним Максимом растленна в Еллинстей исправленну» [Медведев, 1846, с. 57 в приложении].*

ником, яко оставленаа приложена быти и растленнаа лепое възприати исправление. Идеже ниже от книг, ниже от себе умыслити некоеа целбы възмогахом, сице оставихом, яко беша и испрѣва положена» [Грек, 2008, с. 162]. Максим просит тех, кто знает греческий язык, «от себе ввести целбу възможную» [там же, с. 164], если они смогут найти ошибки, ускользнувшие от его внимания. Таким образом, согласно метафоре Максима Грека, если переводчик или переписчик подрывает здоровье автора (или текста), исправитель должен вылечить его.

Мы уже упоминали, что Священное Писание осмыслялось переводчиками как свет, вода и еда. Максим Грек сравнивал оригинал с водным источником. Отношение Максима к еврейскому тексту Библии было достаточно сложным. С одной стороны, он пишет, что Бог должен прославляться в церквях от израильских источников²⁷, которые он называет «богодухновенными»: «да поют же и благословляют в церквях Господа от источник израилевых, сиречь от богодухновенных писаний свидетельства приемлюще, а не от чрева их» [Грек (d), 1859—1862, с. 63]. С другой стороны, он утверждает, что Хуан Луис Вивес, комментатор «Града Божьего» Августина, заблуждался, называя еврейский текст Библии священным источником, поскольку евреи, распявшие Иисуса Христа, отпали от истины: «Ты же, премудре Лодовиче, зело заблудился еси единаго Иерусалима послушая и священный источник и истинный нарицая богоубийц-иудеев писания, препорченных уже от них по премнозей их вражде и неистовстве, им же неистовствуют, богоборнии, на Господа нашего Иисуса Христа» [Грек (a), 1859—1862, с. 175].

По мнению Максима, истинным является перевод семидесяти толковников, вдохновлённых Святым Духом. Поэтому Максим требует от Вивеса прекратить называть священным источником еврейский текст: «Престаните убо, престаните хвалити истинну еврейску и источника священна нарицати еврейския книги!» [там же, с. 177]. На первый взгляд кажется, что это стёртая метафора. Её концептуальная глубина становится очевидной, только если мы рассмотрим её через призму других текстов, написанных Максимом Греком. В своих сочинениях он часто упоминает Дионисия Ареопагита, который утверждал, что Бог Отец является источником Сына и Святого Духа: «Един бо источник божеству и Сына, и Духа Святаго Отец есть, по изящному богодохновенному богословцу ареопагитскому Дионисию» [Грек (i), 1859—1862, с. 182]. В «Исповедании православной веры» Максим заявляет, что он верует в триединого Бога, и называет Бога Отца источником Сына и Святого Духа: «Верую убо и исповедую всею душею и языком единаго Бога

²⁷ Эта метафора заимствована из Псалма 67 (стих 27). В современном переводе Библии вместо слова «источник» используется «семя».

вышняго, Содетеля всех, безначальна, присносушна, безконечна, в триех ипостасех, сиречь во Отци и Сыне и Святем Дусе, нераздельне разделяема, источника и начало безначальное Сына и Духа Свята» [Грек (f), 1859—1862, с. 21]. Для Максима метафора источника не является стёртой: он концептуализирует Бога как источник, от которого «истекают» другие ипостаси: «Но довлеет тебе, о Николае, <...> славити в горнем Иерусалиме Отца безначальна, Сына собезначальна Отцу, Духа соприсносушна Отцу и Сыну, от Отца происходяща и на Сыне почивающа, аки единосущна Ему и от того же источника истекающа» [Грек (h), 1859—1862, с. 249].

Представляется, что Максим Грек концептуализировал ИТ по аналогии с Богом Отцом. По словам Максима, Бог Отец — это Ум, а Бог Сын «равен сый по всему ражающе же Его Уму» [Грек (c), 1859—1862, с. 41]. Слова *ум* и *разум* — однокоренные. В древнерусском языке слово *разум* означало не только «интеллект», но и «смысл, значение». Максим утверждает, что смысл («разум») ПТ должен соответствовать «разуму» ИТ. Он призывает переводить «по силе разума», т.е. в соответствии со смыслом ИТ [Грек (e), 1859—1862, с. 68]. По его мнению, необходимо уделять особое внимание паронимам и многозначным словам; в противном случае переводчик может исказить «разум» текста: «Многажды бо то же глаголение по потребе ино и ино назнаменующе обрящется, еже аще не съблюдем прилежне, обрящемся отпадше от истины и разума писмени» [Грек, 2008, с. 164]. Таким образом, очевидно, что ИТ мог концептуализироваться по аналогии с Богом Отцом.

Как и Максим, Епифаний Славинецкий (1655) в предисловии к «Скрижали» называет ИТ водным источником и описывает процесс перевода как «почерпание» воды из источника: «неботечная тайноводителных ведений вода, от чистаго таинственных богомудрований кладязя, богомудрыми учителми церковными ископаннаго, в напоение словесных овец Христовых почерпается» [Славинецкий, 1655, с. 35]. Томас Уртингтон (1609), предполагаемый автор предисловия к Дуэ-Реймскому переводу Ветхого Завета, также концептуализирует ИТ и ИЯ как источники. Он объясняет, что переводчики предпочли «реки» (т.е. латинский перевод) в качестве оригинала, а не тексты на «языках-источниках», поскольку «источники» (т.е. еврейский текст и греческий перевод) загрязнены еретиками²⁸. Противоположную точку зрения высказывает

²⁸ “But here another question may be proposed: Why we translate the Latin text, rather than the Hebrew or Greek, which Protestantes preferre, as the fountain tongues, wherin holie Scriptures were first written? To this we answer that if in dede those first pure Editions were now extant, or if such as be extant were more pure then the Latin, we would also preferre such fountaines before the rivers, in whatsoever they should be found to disagree” [Worthington, 1609—1610, sig. (†3^v)].

Майлз Смит (1611). Он считает, что латинский текст Библии «загрязнён», так как это перевод с греческого, который не является ИЯ Священного Писания: «они были не из еврейского источника (мы говорим о латинских переводах Ветхого Завета), а из греческого ручья, и поскольку греческий не был совершенно чист, то латинский, происходящий из него, не может не быть мутным»²⁹. Наконец, нужно отметить, что не только ПТ, но и ИТ имеет свой источник. Источником священных текстов, конечно, является Бог. Маро (1541) говорит о Боге как об «источнике» псалмов, которые он перевёл на французский³⁰.

Еда так же важна для человека, как и вода. Поэтому Максим Грек (1522) называет Псалтырь «духовным брашном» [Грек, 2008, с. 164], «вертоградом <...> всеплодным» и «съсудом <...> духовнаго меда» [там же, с. 156]. Маро (1541) сравнивает Псалтырь с «садом, полным трав и кореньев, которые могут излечить все недуги»³¹. Славинецкий (1655) называет «Скрижаль», переведённую с греческого, пастбищем для мыслящих овец: эта книга — «благовонный истиннаго учения пажить» [Славинецкий, 1655, с. 35]. Курбский (1575) решил перевести сочинения Иоанна Златоуста на русский, когда узнал, что работы восточных Отцов Церкви доступны неправославным христианам в переводах, тогда как в России подобных переводов на тот момент не было: «наших учителей чужие послаждаются, а мы гладом духовным таем, на свои зряще» [Курбский, 1868, с. 274]. И Мартин, и Тиндейл считают, что Библия — это пища, которую не все могут переварить. Однако стратегии, выбранные этими двумя переводчиками, диаметрально противоположны. С точки зрения Мартина (1582), не всякий простой читатель сможет «вкусить» и «вместить» всё, что написано в Библии, поэтому «тайны Святого Писания» должны усваиваться в ограниченном количестве³². Перевод Нового Завета, выполненный Мартином, полон латинизмов, поэтому «простые читатели» действительно понимали в этом переводе отнюдь не всё. Напротив, Тиндейл (1526) хотел «получше переварить» свой перевод Нового Завета, чтобы «приспособить его

²⁹ “Again they were not out the Hebrew fountain (we speak of the Latin translations of the Old Testament) but out of the Greek stream, therefore the Greek being not altogether clear, the Latin derived from it must needs be muddy” [Smith, 1997, p. 140].

³⁰ “Tu trouveras le sens en estre tel,
Qu’il rend là-hault son David immortel,
Et immortel çà bas son livre, pource
Que l’Eternel en est premiere source”
[Marot, 1875—1931, p. 198].

³¹ “C’est un jardin plein d’herbes, et racines, / Oû de tous mauux se trouvent medecines” [Marot, 1875—1931, p. 198].

³² “How much more may we gather, that all things that be written are not for the capacity and diet of every of the simple readers, but that very many mysteries of holy Writ <...> may and ought to be <...> delivered them in measure” [Martin, 1834, p. 11].

для слабых желудков» простых людей³³. В отличие от Мартина Тиндейл стремился сделать Библию доступной для всех.

Используя метафоры пищи, переводчики определяют отношение между своими переводами и предыдущими переводами. Сравнивая некачественные переводы с добавлением различных примесей в пищу, Смит (1611) задаёт риторический вопрос о том, насколько были адекватны предыдущие переводы Библии на английский: «Подвергалась ли Церковь обману <...> всё это время? Был ли её сладкий хлеб смешан с дрожжами, её серебро со шлаком, её вино с водой, её молоко с известью?»³⁴ Смит считает, что процесс перевода скорее эволюционный, чем революционный: переводчики должны улучшать предыдущие переводы, а не отвергать их.

Из рассмотренных в этой статье примеров очевидно, что метафоры идентичности играли важную роль в концептуализации перевода религиозных текстов. Переводчики считали, что они сохраняют либо текст целиком, либо его отдельные элементы. Очевидно, что в большинстве случаев идентичность текста не может быть абсолютной. Ручьи, текущие из источника, не могут быть такими же чистыми, как источник; тем не менее вода в них — это вода из источника. К еде можно подмешать различные вещества, но определённая часть пищи остаётся неизменной. Идентичность — это сохранение субстанции. Безусловно, во многих случаях вещи остаются полностью идентичны самим себе. Если переводчики считают, что достижение идентичности в переводе реально, они могут понимать перевод, например, как передвижение металлического шара из точки А в точку Б. Если же они считают, что достичь абсолютной идентичности в переводе невозможно, они укажут на то, что положение шара в пространстве изменилось за счёт вращения, и низшая точка на поверхности шара теперь расположена выше.

В рассуждениях о переводе сходство может противопоставляться идентичности. Например, мы можем сделать копию шара, но всегда будут небольшие различия между копией и оригиналом. Однако, если мы полагаем, что возможно изготовить «тот же самый» шар, мы будем воспринимать и описывать копию как «тот же самый» шар. Мы будем говорить, что второй шар — это абсолютно то же самое. Всё зависит от нашей концептуализации перевода. Если мы допускаем сохранение ИТ или абсолютное сходство ПТ с ИТ, отношение между ИТ и ПТ будет пониматься как идентичность или абсолютное сходство, концептуализируемое как

³³ “And will endever oureselves as it were to sethe it better and to make it more apte for the weake stomakes” [Tyndale, 1911, p. 116—117].

³⁴ “Hath the church been deceived [...] all this while? Hath her sweet bread been mingled with leaven, her silver with dross, her wine with water, her milk with lime?” [Smith, 1997, p. 142].

идентичность (копия — это «тот же самый» шар). В других случаях идентичность может противопоставляться сходству.

Метафоры сходства, используемые переводчиками религиозных текстов в данный период отнюдь не так разнообразны и многочисленны, как метафоры идентичности. (Обзор некоторых концепций перевода религиозных текстов как достижения сходства см.: [Шаталов, 2010].) Преобладание метафор идентичности над метафорами сходства в рассмотренных концепциях — это факт, заслуживающий пристального внимания. В настоящее время теоретики перевода высказывают мнение о том, что перевод должен пониматься как достижение сходства, а не идентичности [Chesterman, 1997, p. 8]. Согласно Н.К. Гарбовскому, «теорию перевода можно определить как фундаментальное научное знание о подобии, о подобии вещей реального мира, о подобии отражения человеческим сознанием реального мира, о подобии выразительных возможностей человеческих языков <...> Переводчик отыскивает подобие в море разнообразного» [Гарбовский, 2007, с. 13—14]. Честерман определяет эквивалентность как «релевантное сходство» [Chesterman, 1997, p. 62] и даже предлагает свою метафору перевода: распространение идей в результате перевода он уподобляет размножению генов [ibid., p. 2—3].

С чем связано предпочтение, отдаваемое концепции сходства? Во-первых, ИТ никуда не перемещается при переводе, не исчезает, тогда как, согласно метафорам идентичности, ПТ — это перемещённый ИТ. Во-вторых, ни слова, ни смысл перевода не могут быть идентичны словам и смыслу оригинала. Смысл существует в нашем разуме, а так как нет двух одинаковых разумов, воспринятый смысл не может быть абсолютно идентичен высказанному смыслу. Ассоциации, из которых складывается смысл, всегда в какой-то степени будут сугубо индивидуальны, что объясняется индивидуальностью опыта каждого человека.

Преобладание метафор идентичности в рассмотренный период свидетельствует о противоположной точке зрения. Переводчики религиозных текстов верили в то, что «донесут» до читателя тот же смысл, тот же текст. Безусловно, такое осмысление перевода связано с почитанием оригинала. Почитание оказывается не созданным переводчиком, а созданному автором, поэтому перевод понимается как перенос Священных Писаний или же как вхождение читателя, в результате которого священный текст становится доступным. Пожалуй, нагляднее всего концепция идентичности выражена в одном из самых древних значений слова *translatio* — «перенос святых мощей» [Тумозько, 2010, p. 126]. Возможно, благодаря именно этому образу мы и по сей день называем перевод переводом. Возможно и то, что этот образ в какой-то степени объясняет

буквализм древних переводчиков религиозных текстов. Поклонение мощам — это почитание тела, внешней оболочки, которой соответствует план выражения оригинала.

Список литературы

Первичные источники

- Грек М.* (а). Инока Максима Грека словеса супротивна ко Иоанну Лодовику, толковнику священных книги св. Августина, епископа Иппонскаго // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 3. С. 167—183.
- Грек М.* (b). Инока Максима Грека слово обличительно на еллинскую прелесть // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 1. С. 51—63.
- Грек М.* (с). Инока Максима Грека слово о Рождестве Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в том же на иудея // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 1. С. 32—42.
- Грек М.* (d). Инока Максима Грека слово отвещательно о исправлении книг русских, в нем же и на глаголющих, яко плоть Господня по воскресении из мертвых неописанна бысть // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 3. С. 50—65.
- Грек М.* (е). Инока Максима Грека слово отвещательно о книжном исправлении, списано худоумным иноком Максимом из Святыя Горы // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 3. С. 65—75.
- Грек М.* (f). Исповедание православной веры Максима инока из Святыя Горы, имже возвещает о Христе Иисусе всякаго же православнаго священника же и князя, что по всему истеннейши есть православен иннок, всю православну веру соблюдая целу, и непременно, и непорочну // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 1. С. 18—32.
- Грек М.* (g). Максима Грека слово на латинов // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 1. С. 188—213.
- Грек М.* (h). Максима Грека слово на латинов, яко нелеть есть ни единому приложити что или убавити в божественном исповедании непорочныя христианския веры // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 1. С. 213—258.

- Грек М.* (i). Слово, списано иноком Максимом Греком святогорским, противу лстываго списания Николая Немчина, егоже списал о совокуплении православным христианом и латыном // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 1. С. 171—187.
- Грек М.* Послание московскому великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтыри // Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н.В. Синецкой. М.: Индрик, 2008. Т. 1. С. 151—170.
- Курбский А.* Предисловие многогрешнаго Андрея Ярославскаго на книгу сию достойную нарицатися Новый Маргарит // Сказания Князя Курбскаго: В 2 т. / Под ред. Н. Устрялова. 3-е изд. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 269—277.
- Николаев С.И.* О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи // XVIII век. Сб. 15. Л.: Наука, 1986. С. 109—122.
- Полоцкий С.* К благочестивому же читателю // Избранные сочинения / Под ред. И.П. Ерёмина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 215—217.
- Славинецкий Е.* Предисловие к читателю // Скрижаль / Пер. Арсения Грека. М.: Печатный двор, 1655. С. 25—42. <<http://dlib.rsl.ru/view.php?path=/rsl01003000000/rsl01003343000/rsl01003343928/rsl01003343928.pdf>>
- Augustine.* *Diui Aurelii Augustini, Hipponensis Episcopi, De ciuitate Dei libri.* Parisiis: In aedibus Carolae Guillard, sub sole aureo, uia ad diuum Iacobum, 1544.
- Lefèvre d'Étaples J.* (a) Epistle 137: To all Christian men and women // The prefatory epistles of Jacques Lefèvre d'Étaples and related texts / Ed. by E.F. Rice, Jr. N.Y.: Columbia University Press, 1972. P. 449—455.
- Lefèvre d'Étaples J.* (b) Epistle 138: To all Christian men and women // The prefatory epistles of Jacques Lefèvre d'Étaples and related texts / Ed. by E.F. Rice, Jr. N.Y.: Columbia University Press, 1972. P. 457—467.
- Marot C.* *Clement Marot au Roy treschrestien, François premier de ce nom, sur la traduction des Pseaumes de David* // Les œuvres de Clément Marot: in 5 vols // Ed. par Georges Guiffrey; mise au jour par J. Plattard. P.: Jean Schemit, 1875—1931. Vol. 5. P. 195—199.
- Martin G.* Preface treating of these points: The translation of Holy Scriptures into the vulgar tongues; and, namely, into English; the causes why the New Testament is translated according to the vulgar Latin text; and the manner of translating the same // The New Testament of our lord and saviour Jesus Christ: translated from the Latin vulgate, diligently compared with the original Greek; and first published by the English College, at Rheims, 1582 / Trans. by G. Martin. N.Y.: Jonatham Leavitt, 1834. P. 9 — 23.
- Polockij S.* *Zezl Pravlenija.* Zug, Switzerland: Inter-Documentation Co., 1967.
- Smith M.* Preface to the *Authorized Version* of the Bible // Western translation theory: from Herodotus to Nietzsche / Ed. by D. Robinson. Manchester: St. Jerome, 1997. P. 139—147.
- Tyndale W.* (a) The beginning of Tyndale's prologue to the first New Testament // Records of the English Bible: the documents relating to the translation and publication of the Bible in English, 1525—1611 / Ed. by A.W. Pollard. London: Oxford University Press, 1911. P. 111—114.

- Tyndale W.* (b) Tyndale's epilogue to the second New Testament // Records of the English Bible: the documents relating to the translation and publication of the Bible in English, 1525—1611 / Ed. by A.W. Pollard. L.: Oxford University Press, 1911. P. 114—117.
- Worthington T.* To the English reader // The holie Bible faithfully translated into English, out of the authentical Latin: Diligently conferred with the Hebrew, Greeke, and other editions in diuers languages: in 2 vols / Trans. by Gregory Martin. Daway: Lavrence Kellam, 1609—1610. Vol. 1. Sigs †2^r — [††^v]. Early English Books Online <<http://eebo.chadwyck.com/home>>

Вторичные источники

- Гарбовский, Н.К.* Теория перевода. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
- Кашкин В.Б.* Реификация абстрактных сущностей в бытовой лингвистике // Vita in Lingua: к юбилею профессора С.Г. Воркачёва / Под ред. В.И. Карасика. Краснодар: Атриум, 2007. С. 97—116. <<http://kachkine.narod.ru/Articles2007/Reification2007.htm>>.
- Ковтун Л.С.* Лексикография Московской Руси VI — начала VII в. Л.: Наука, 1975.
- Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. Прага: Univerzita Karlova, 1976.
- Нелюбин Л.Л.* Наука о переводе: история и теория с древнейших времён и до наших дней / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. М.: Флинта, 2006.
- Медведев С.* Оглавление книг, кто их составил // ЧОИДР. М., 1846. Т. 3. Приложение. С. 1 — 91.
- Шаталов Д.Г.* По образу и подобию: осмысление перевода религиозных текстов в России XVI—XVII вв. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 4. С. 38—47.
- Chesterman A.* Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997.
- Delisle J.* La traduction, la Terminologie et la Rédaction en chronique // TTR: traduction, terminologie et rédaction. Trois-Rivières: Université du Québec à Trois-Rivières, Dép. des langues modernes. 1989. N 2. P. 163—169.
- Lakoff, George and Mark Johnson.* Metaphors We Live By. Chicago, Ill.; London: University of Chicago Press, 1980.
- Lakoff, George and Mark Turner.* More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago, Ill.; London: University of Chicago Press, 1992.
- MacRobert C.M.* Maksim Grek and the Norms of Russian Church Slavonic // Papers to be presented at the XIV International Congress of Slavists. P. 45—63. <http://www.rees.ox.ac.uk/_data/assets/pdf_file/0007/8809/Papers_to_be_presented_at_the_XIV_International_Congress_of_Slavists.pdf>.
- Translation: Theory and Practice: A Historical Reader / Ed. by D. Weissbort and A. Eysteinnsson. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Тумочко, М.* Western Metaphorical Discourses Implicit in Translation Studies / J. St. André, ed. // Thinking Through Translation with Metaphors. Manchester: St Jerome Publishing, 2010.
- Van Hoof H.* Petite histoire de la traduction en Occident. Louvain-la-Neuve: Cabay, 1986.

Словари

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. / И.И. Срезневский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893—1903.

Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles: In 2 vols / Ed. by L. Brown and others 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2007.

The new world of English words, or A general dictionary containing the interpretations of such hard words as are derived from other languages / E. Phillips. London: Printed by E. Tyler for Nath, 1658.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

А.А. Романовская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков,
докторант Минского государственного лингвистического университета;
e-mail: Alla_Rom@tut.by

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Символ — элемент культурного кода — вербализуется в тексте в виде языкового знака. Античный символ — знак вторичной семиотической системы. В процессе восприятия реципиент подвергает его когнитивной и семантической реконструкции.

Статья посвящена интерпретации смыслов античных символов в художественном тексте.

Ключевые слова: античный символ, элемент культурного кода, вербальный языковой знак, оценочная метафора, оценочная семантика, переобразованный смысл.

Alla A. Romanovskaya,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Slavonic Languages,
Minsk State Linguistic University, Belarus; e-mail: Alla_Rom@tut.by

Interpretation of Meanings of Mythological Symbols in a Literary Text

The article deals with the interpretation of antique symbols' meanings in the literary text. Symbol as an element of the code belonging to the sphere of culture is verbalized as a language sign in the text. Antique symbol is the sign of the secondary semiotic system. While perceiving it, the recipient performs its cognitive and semantic reconstruction.

Key words: antique symbol, element of the cultural code, verbal language unit, evaluation metaphor, evaluative semantics, transformed meaning.

Человек преобразует смысл любого предмета восприятия, памяти и порождает новые значения и смыслы. Языковое значение не просто задаётся онтологически, а формируется в сознании интерпретатора и представляет собой дискурсивный феномен. Языковой знак является результатом «когнитивной обработки информации и опыта» [Кубрякова, 1997, с. 147], а «значение может быть понято как процесс», связывающий то, что означает и что означается как объединяющий означаемое и означающее акт, продуктом которого является знак [Барт, 2000, с. 271].

Из общесемиотической концепции Ч.У. Морриса [Моррис, 2001] следует, что в прагматике заключается отношение языкового знака к пользователю языком, а в семантике — отношение знака к объектам внешнего мира, и тогда познавательный, т.е. когнитивный аспект знака идентифицируется на фоне семантического из-

мерения, а прагматика не имеет когнитивных оснований. Но для общей теории познания когнитивное взаимодействует с субъективным фактором. Противоречие семиотики (и лингвистики) по отношению к теории познания разрешается А.-Ж. Греймасом: когнитивное измерение «иерархически более высокое по отношению к измерению прагматическому» [Greimas, Courtés, 1993, p. 40]. Прагматика, таким образом, взаимодействуя с семантикой, изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации, отношения говорящего к средствам и способам языкового выражения. По мнению Ю.С. Степанова, языковые основы для практического осуществления прагматических вопросов, их теоретического осмысления лежат за пределами прагматики — в синтактике и семантике языка. Основания так понимаемой прагматики заключены в более общем свойстве языка, пронизывающем все его стороны, — в его «субъективности» [Степанов, 2001, с. 28].

При решении вопроса о взаимоотношении прагматики и семантики мы исходим из положения о том, что оценочные компоненты могут присутствовать в «чистом виде» в денотативном аспекте семантики. Оценочные слова составляют богатый материал для обоснования прагматической концепции значения. Будучи прямо связаны с говорящим субъектом и отражая его вкусы и интересы, они в то же время регулярно употребляются в высказываниях, соответствующих ситуации выбора (принятия решения) и побуждения к действию. Оценка тесно спаяна с коммуникативной целью речевого акта, программирующего действия [Арутюнова, Падучева, 1985, с. 13—14].

Место античного символа в языке определяется его принадлежностью к вторичной семиотической системе. Символ рассматривается как лингвистический знак, т.е. вербальная единица, содержание которой представлено образным понятием. Речь идёт о семантико-выразительном потенциале образа в античном символе, определяемом на основании семного анализа посредством референции знака к мифу. Образность символа выявляется посредством сем на когнитивном уровне и мифем на синтаксическом уровне (синтаксические конструкции отражают функции и качества действующих лиц мифов). Объединения сем представляют семему. Семема *Нарцисс* состоит из сем *самовлюблённость, нелюбовь, презрение к любви, красота*. Представление о Нарциссе как символе самовлюблённости восстанавливается на основании компонентного анализа глаголов и прилагательных, входящих в состав мифем: *Нарцисс никого не любил, кроме одного себя; лишь себя считал достойным своей любви; Нарцисс влюбился в своё отражение; он оставался гордым, самовлюблённым* [Кун, 1989, с. 55]. Если принять за основу оценочно-дескриптивную семантику прилагательных, то это зна-

чит, что в мифемах содержится оценка в семантике прилагательных на лексическом уровне. Эта оценка входит в десигнативное значение символа. Нарцисс — символ нелюбви. Мифемы: *гневно оттолкнул прекрасный Нарцисс лесную нимфу; влюблённая в Нарцисса Эхо истаяла от безответной любви* [Кун, 1989, с. 53, 55]. Нарцисс — символ презрения к любви. Мифемы: *Нарцисс был безразличен ко всем влюблённым в него женщинам; он отвергал любовь всех и многих нимф сделал несчастными* [Мифы народов мира, 2003, с. 201; Кун, 1989, с. 55]. Нарцисс — символ красоты. Мифемы: *Нарцисс, прекрасный юноша, любви которого добивались женщины* [Мифы народов мира, 2003, с. 201]; *Афродита покарала прекрасного, но холодного, гордого Нарцисса* [Кун, 1989, с. 53].

Символ *Нарцисс* входит в функционально-семантические поля: любовь/нелюбовь: *Аполлон и Дафна, Аполлон и Кассандра, Клития и Гелиос, Каллироя и Корес, Гермафродит, Нарцисс и Эхо*; любовь/презрение к любви: *Ипполит, Пасифая, Кикн*; красота: *Аполлон, Афродита, Эрот, Елена, Психея, Музы, Хариты, Пелоп, Лаодика, Кассиопея, Хиона, Алкмена, Гилас, Анхис, Фетида, Ганимед, Гиакинф, Гермафродит, Фамирид, Фаон, Андромеда, Адонис, Кикн*.

«Мифологическое» значение символа — это своего рода мифологический метафорический троп. Мифологическая метафора образуется в мифе как форме познания мира и отражает ценностное отношение к окружающему миру древних. Сознание создавало, а мифопоэтическое творчество письменно запечатляло те актантные качества и функции, которые являются реальным выражением этой оценки. Таким образом, десигнативное значение (семантико-выразительный потенциал образа) отражает первичную мифологическую аксиологичность символа.

Символы зарождаются в результате культурного отбора, когда словозначение награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно замещает некую идею. Важно отметить, что материальным экспонентом этого замещения является не реалья как таковая, а имя в его символическом значении. Например, *Талос* как «мифологическая реалья» — *сделанный Гефестом медный человек* [Мифы народов мира, 2003, с. 491], но значение «имени» *Талос* сменяется символьным прочтением: *Талос — символ силы, порядка, обречённости, мастерства*. В данном выражении слово символ (семиотическая связка идеальной и чувственно воспринимаемой категорий) занимает позицию реляционного предиката между существительными, конкретизирующими означающее и означаемое, и указывает на значение отношения формы (*Талос*) и смысла (*сила, порядок, обречённость, мастерство*). Сигнификатом имени собственного является образное понятие. Образ, главное назначение которого в обобщении накопленного опыта, устанавливает корреляцию между формой и содержанием

и разделяет то, что считается принадлежащим объективному миру, и то, что локализовано в пространстве сознания. Так, в пространстве сознания локализован символ, смысл которого сформирован метафорическим мышлением и заключён в мифе как свойстве и форме существования символа.

Античные образы в современном литературном тексте выступают свидетельствами ремифологизации — процесса, в котором античный символ является нитью, восстанавливающей связь времён. Активное проявление энергии семантико-выразительного потенциала образа может сменяться периодами затишья. Но способность символики к чередованию активных и более спокойных периодов в её функционировании не равнозначна её угасанию [Макаров, 2007, с. 23]. В произведении античный символ является означающим смысла, который вплетается в канву Текста как интертекст. Литературное произведение (текст) и Текст — разнокачественные реальности. Литературное произведение — это архитектурное целое, единство которого определяется единством его смысловой интенции. Произведение имеет линейную структуру, обусловленную языковыми средствами, внутреннюю иерархию, начало и конец. Что же касается Текста, то он характеризуется объёмностью, которая создаётся новыми порождёнными значениями. Присутствие символа в литературном тексте нарушает линейный характер последнего, делает его структуру многослойной, выводит в социокультурно-исторический контекст.

Литературные тексты дают богатый материал, демонстрирующий античные символы как свидетельства возрождения мифа в русском языковом сознании. Подтверждением сказанного являются примеры использования символа как античного культурного кода в русских литературных текстах, где выявляется вторичная аксиологичность античного символа — его культурные коннотации. Другими словами, когда символ, сохраняя архетипическую оценочность, попадает в современный литературный текст, он функционирует как троп системы языка, как «переобразованный» смысл концептуальной картины мира, т.е. смысл, получивший новые оттенки, нюансы под воздействием специфики русской языковой среды, переобретая оценочную окраску.

Основываясь на исходном (имеющемся) содержании символа, сознание человека формирует новое представление на основании метафоры, олицетворения, метонимии, синекдохи. Через соотношения: символ и аллегория, символ и олицетворение, символ и метонимия (синекдоха), символ и метафора определяется статус античного символа, что по существу является описанием его семантико-прагматических функций как средства ремифологизации.

Исследуемый материал даёт основания рассматривать функционирование символа как метафоры с учётом функционально-син-

таксических характеристик этого явления. Имеется в виду функция античного символа как вокатива в художественном тексте. Для метафоры естественно функционировать в сфере предикатов. Как замечает Н.Д. Арутюнова, из двух возможных для метафоры функций первичной является функция характеристики, вторичной — функция идентификации [Арутюнова, 1999, с. 352]. Символ-вокатив реализует две функции: характеризует адресата, приближаясь к назывному предложению, и идентифицирует получателя речи, приближаясь к субъектному имени. Идентифицирующая функция символа-вокатива связывает метафору с мифопоэтической семантикой символа. Функция характеристики связывает метафору с речью, т.е. с символическим смыслопорождением.

Как только будильник себя объявит, ты сразу же звонишь в издательство и плетёшь им что угодно. И засыпаешь снова. Годится, Феникс мой ненаглядный? — Гениально!.. Только... Прости меня, Лизка, но если Карлсон — ещё куда ни шло, то Феникс — это, по-моему, совсем из другой оперы, а, Лизавета? — Из этой, из этой! По древнегреческой мифологии у меня всегда была твёрдая пятёрка. Не спорь со мной, дипломант института сомнительной культуры. Феникс — это вылитый ты! Птичка — в почтенном возрасте, сгоревшая на излёте сил и восставшая из пепла молодой и сильной, как символ вечного возрождения [Кунин, 2008, с. 233]. Символ-вокатив Феникс идентифицирует получателя речи и характеризует его как молодого и сильного человека.

Я — моральный урод всех времён и народов — долгими зимними вечерами... готовил преступление, леденящее кровь прогрессивных сил! Я его совершил, я за него и отвечу с открытой душой перед самым демократическим в мире правосудием! Жди, Фемида, любезная подружка международного урки, скорого свиданьица и не толкуй народным заседателям в совещательной хавирке, что не твоё это дело! Твоё! И моё! [Алешковский, 2008, с. 86]. Символ-вокатив Фемида, функционируя как метафора, осуществляет идентификацию и характеристику справедливого возмездия.

Боги Олимпа! Афсиомский весь возгорелся вдохновением при виде сокращения из семи букв с двумя точками и апострофом. Великий человек завершает так письма только своим ближайшим друзьям-энциклопедистам! [Ecr. L'inf], ECRASONS L'INFAME — «сокрушим лицемерие», вот что оно означает! [Аксёнов, 2005, с. 82]. Боги Олимпа — идентификация верховной власти, мощи, благодаря которой, вероятно, Афсиомский получил такое важное письмо, и характеристика вдохновения.

Для нашего исследования особый интерес представляет онтология метафоры как приёма создания новых смыслов — другими словами, ответ на вопрос, как «делается» смыслообразующая метафора. Материалом для исследования послужили литературные

тексты, из корпуса которых извлекались античные символы, являющиеся непосредственным предметом исследования в метафоризации смысла. Символ является ключевым, основополагающим в метафоре, представленной в типологическом отношении одним вербальным знаком, словосочетанием (устойчивые, т.е. социально обработанные фразеологические единицы; неустойчивые единицы, в которых намечаются фразеологические тенденции), контекстом. Исследование динамики феномена метафоры касается как языкового, так и речевого её типа, которые представлены в литературном тексте.

Классификатором метафор, представленных в исследуемом материале, избран модус фиктивности как параметр метафоризации. Модус фиктивности — это выраженное в форме «как если бы» допущение о подобии (или сходстве) формирующегося понятия о реалии и некоторого в чём-то сходного с ней образно-ассоциативного представления о другой реалии [Жоль, 1984, с. 127]. Считая модус фиктивности основным для метафоризации и основанием её антропометричности, В.Н. Телия подчёркивает, что данный параметр «приводит в динамическое состояние знание о мире, образно-ассоциативное представление, вызываемое этим знанием, и уже готовое знание, которые и взаимодействуют в процессе метафоризации. Этот модус даёт возможность уподобления логически несопоставимых и онтологически несходных сущностей: без допущения, что *X есть как бы Y*, невозможна никакая метафора» [Телия, 1988, с. 187]. Оставаясь в смысловой структуре метафорического значения, модус может выступать в полном или редуцированном варианте — от формы ‘как если бы’ до ‘как’ — в зависимости от функции метафоры. От этой функции, отмечает В.Н. Телия, и от того, в каком виде сохраняется в значении модус фиктивности, зависит и наличие/отсутствие в метафорически образованном значении таких характерных для него признаков, как предметность/непредметность, дескриптивность/оценочность его семантики, нейтральность / экспрессивность, безобразность/образность [там же, с. 190]. Критерием разграничения типов метафоры является функционирование метафоры [Арутюнова, 1978], суть которого состоит в описании объекта, в выражении оценочного отношения субъекта к обозначаемому, в представлении объекта как существующего в некотором художественно выстроенном мире, но с учётом в этом описании модуса фиктивности (от формы ‘как если бы’ до ‘как’). На основании анализа исследуемого материала выделены следующие типы символической метафоризации: 1) образная метафора (образно-эстетическая функция — ценностное отношение к миру) (модус фиктивности *как бы* — допущение о подобии); 2) оценочная метафора (доминирует модус фиктивности *как бы*, но над дескриптивным отображением объекта (предметного или непредметного)

«настраивается» оценка; 3) оценочно-экспрессивная, или эмотивно окрашенная, метафора (модус фиктивности сохраняется в ней во всей своей полноте — *как если бы*, оценка, эмотивное отношение).

Символы несут оценочную нагрузку, связанную прежде всего с характеристикой человека. Уже в мифопоэтической семантике символа значительное место принадлежит оценочной стороне. Античные символы способны выражать в своих значениях рационалистические оценки. Эти оценки, по Н.Д. Арутюновой, связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. Одним из основных критериев здесь является соответствие оцениваемых явлений представлению о физической и психической пользе, т.е. их соответствие установленному, принятому в обществе стандарту [Арутюнова, 1984, с. 15].

Исходя из положения о том, что символ как вербальная единица характеризуется наличием оценки (общей и частной) в десигнативном значении, мы получили возможность концептуальной систематизации символов, сформированных мифологическим сознанием, и выделили три основных объединения констант, характеризующих античную концептуальную картину мира: *геройство/антигеройство*; *красота (античная эстетика)*; *цивилизация*.

Общим и для констант, и для символов является наличие аксиологичности. В мифе аксиологичность первична, в современном художественном тексте — вторична, другими словами, аксиологические приоритеты в современном тексте перестраиваются. В современном русскоязычном художественном тексте античный символ проявляется в функции символической метафоризации — образной, оценочной и оценочно-экспрессивной.

В процессе метафоризации принимают участие две когнитивные структуры: источника метафоры и её цели. Область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека в мире, конкретные знания, получаемые на основании опыта, область цели — менее конкретное, менее определённое знание. С формальной точки зрения, пишет А.Н. Баранов, метафорическая проекция представляет собой отображение элементов области источника («область отправления») в элементы области цели («область прибытия») [Баранов, 2003, с. 77]. Такая формализованная модель определяет содержание «метафорической модели», которая представляется в виде двухэлементного множества, состоящего из денотативного и сигнификативного дескрипторов. Сигнификативные дескрипторы есть область источника метафоры, денотативные — область цели метафорической проекции [там же, с. 78].

Сигнификативными дескрипторами являются в нашем исследовании античные символы. Регулярное использование античных символов как сигнификативных дескрипторов метафорической

модели — это особый способ осмысления действительности в русской культуре. Сигнификативные дескрипторы на основании своей семантики образуют метафорические модели, регулярно воспроизводящиеся в дискурсе.

Стикс символизирует подземный мир: отделяет царство мёртвых от мира живых [Кирло, 2007, с. 413]; помощь, порядок (в подземном мире): клятва над водой Стикс самая страшная (Hes. Theog. 775—806); во время титаномахии Стикс поспешила стать на сторону Зевса и сохранила свой исконный почёт и удел, получила от него щедрые дары, а имя её стало великой клятвой (Hes. Theog. 382—403) [Мифы народов мира, 2003, с. 469]. На парадигматическом уровне сигнификативный дескриптор *Стикс*, как и *Персефона*, *Аид*, *Харон*, *Эреб*, *Танатос*, *Эвридика*, *Тиресий*, *Эринии*, *Ахерон*, *Лета*, *Цербер*, соотносясь с символами подземного мира по функциям и качествам, входит в констелляцию (множество) «подземный мир», формируемую константами *верность*, *богатство*, *порядок*, *помощь*, *мрак*, *злоба*, *месть*, *безумие*, *забвение*, *память*. Контексты дают возможность наблюдать сигнификативную стабильность метафорического осмысления источника метафоры для достижения целей денотативной области.

Голос зазвенел античной бронзой. — Сердце Соболева разорвалось потому, что было источено годами тяжкой службы во имя отечества, особенно многочисленными ранами, полученными в сражениях с нашими врагами. Не Ахиллесом его следовало бы назвать, о нет! Надёжно защищённый Стиксовой водой, Ахиллес был неуязвим для стрел и мечей, вплоть до самого последнего дня жизни он не пролил ни капли своей крови [Акунин, 2004, с. 123—124]. Стиксовая вода — защита, делающая героя неуязвимым. Соболев — герой, но не такой, как Ахиллес, потому что не был неуязвим.

Никто из нас и впрямь не мог заглянуть в глаза смерти, и не потому, что страшно, а потому, что уже. Души, не родившиеся в Раю, души, умершие в Аду; тётка протекает между ними, как Стикс [Битов, 1988, с. 122]. Смерть как Стикс протекает по жизни, она есть, и её нет (нельзя заглянуть ей в глаза).

Вопрос: в Перми есть речка Стикс? За ночь замерзает? Вы бросили палку, а она подпрыгивает на льду, и лёд звенит гулко, пусто, легко? Ответ: да, было [Шишкин, 2007, с. 27]. Замерзший Стикс — река, которая умерла от мороза. Смерти нет, если есть жизнь.

Мне, кстати, давно уже приходило в голову, что русским душам суждено пересекать Стикс, когда тот замерзает, и монету получает не паромщик, а некто в сером, дающий напрокат пару коньков (разумеется, та же духовная сущность) [Пелевин, 2001, с. 12]. У каждого свой Стикс — переправа в мир иной. Пересекать замерзший Стикс — умереть зимой.

Дальше, полвека спустя, дальше пошли, уже отбиваясь отдельными выстрелами, исполненные решимости не сдаваться, вооружённые старческой перистальтикой и мальчишеским азартом. Так пересекли парк. Возле реки и расстались, не зная ещё, что перед ними Стикс. Лесков пошёл назад, в свой богатый дом. Земсков, не дожидаясь Харона, побрёл по колону в воде к своему берегу, над коим, словно неподвижная картина, стояли без единого огонька, но щедро залитые луною добротные постройки его имения [Аксенов, 2005, с. 541]. Не дожидаясь Харона, брести по Стиксу к своему берегу — идти навстречу смерти.

Через гордый язык, / хоронясь от законности с тцанием, / от сердечных музык / пробираются память с молчанием / в мой последний пенат / — то ль слезинка, то ль весточка вербная — / и тебе не понять, / да и мне не расслышать, наверное: / то ли вправду звенит тишина, как на Стиксе уключина, / то ли песня навзрыд сложена / и посмертно заучена [Бродский, 1992, с. 364—365]. Мрачный старец Харон перевозит только тех умерших, чьи кости обрели покой в могиле (Verg. Aen. VI 295—330) [Мифы народов мира, 2003, с. 584], и тишина звенит уключиной Харона на Стиксе для поэта, который сложил свою последнюю песню и слушает её, звенящей в тишине.

Как, однако, там? Не те же ли проблемы? ...Если, по Данту, в чистилище ещё надо попасть, и даже ад — для души ещё своего рода карьера, и толпа топчется у Стикса, не допущенная ни туда ни сюда (все люди, не исполнившие своего назначения...), то какова же толпа эта на наш четырёхмиллиардный мир?... «Ничего не надо. Здесь все есть, всё справедливо. Только очень сурово». Что поймёт современный человек под словом «сурово» здесь и что поймёт он — там? Не нравственная ли норма человека сурова человеку современному? [Битов, 2003, с. 392]. Стикс как предел жизни и ожидание дальнейшей участи, зависящей от соблюдения человеком нравственных норм жизни.

На синтагматическом уровне, т.е. проявляясь в метафорической модели, сигнификативный дескриптор Стикс создаёт множество метафорических моделей, которые не только имеют очевидное сходство в следствиях, но ещё и связаны парадигматическими отношениями (т.е. имеют общие сигнификативные дескрипторы). Такое множество представляет собой констелляцию метафор, порождающих новый смысл.

В языке литературного текста античный символ присутствует как элемент кода культуры, наделённый мифологическими значениями метафорического характера. Культурная память античного символа формируется по прошествии значительного времени при отсутствии вещи прошлого и передаётся посредством вербально выраженного знака из эпохи в эпоху. Символы культуры (места

памяти) Пьер Нора называет свидетельствами другой эпохи, значимыми, актуальными для современности, останками, которые облачают, устанавливают, создают, поддерживают с помощью искусства сообщество [Нора, 1999, с. 26]. С лингвистической точки зрения память символа соотносится с понятием лексического фона как компонента лексической семантики, отвечающего за накопление, преобразование, хранение, а также за производство национально-культурной информации [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 73]. Фоновые знания хранятся в социокультурно-исторической памяти благодаря языковой закреплённости в античных символах, которые содержат в своей имплицитной семантике генетическую память культуры. Античные символы несут через поколения культурно значимые мифологические смыслы.

Художественный текст по своему существу многозначен, он не только допускает, но и требует множественности интерпретаций и их субъективности. Именно поэтому в современном тексте так важна роль художественных тропов, основанных на образах античной символики, посредством которых текст входит в глубины культурной памяти — в зону архетипов. Античный символ, попадая в каждый новый контекст, устанавливает с этим контекстом семантические связи, существенные для вывода смысла. В таком открытом произведении интерпретация смысла выходит за рамки линейной структуры в вертикальную плоскость парадигматического исследования. Подходы к анализу практического материала, сделанные выводы могут быть использованы в исследованиях сопоставительного характера.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. М.: Наука, 1978. Т. 37. № 4. С. 333—343.
- Арутюнова Н.Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М.: Наука, 1984. С. 5—23.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Арутюнова Н.Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 3—42.
- Баранов А.Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73—95.
- Барт Р.* Основы семиологии // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 247—310.
- Верещагин Е.М.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005. 1040 с.

- Жоль К.К.* Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев: Наукова думка, 1984. 303 с.
- Кирло Х.* Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории / Пер. с англ. Ф.С. Капицы, Т.Н. Колядич. М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. 525 с.
- Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. 327 с.
- Кун Н.А.* Легенды и мифы Древней Греции. Минск: Народная асвета, 1989. 462 с.
- Макаров В.В.* Об исторических основах и семиотической устойчивости Marianne как национального символа Франции // Интерактивный аспект языкового общения: сопоставительный ракурс / Отв. ред. С.А. Шашкова и др. Минск: МГЛУ, 2007. С. 16—24.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. Т. 2. С.А. Токарева. М.: Большая российская энциклопедия, 2003.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45—97.
- Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17—50.
- Степанов Ю.С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5—42.
- Телия В.Н.* Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова. М.: Наука, 1988.
- Greimas A.J.* Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A.J. Greimas, J. Courtés. P.: Librairie Hachette, 1993.

Источники, дополняющие материал

- Аксёнов В.* Вольтерьянцы и вольтерьянки. М.: Изографус, ЭКСМО, 2005. 560 с.
- Акунин Б.* Смерть Ахиллеса. М.: Захаров, 2004. 366 с.
- Алешковский Ю.* «Николай Николаевич» и другие повести / Алешковский Ю. Соч.: В 5 т. Т. 1. М.: АСТ; Астрель, 2008. 636 с.
- Битов А.Г.* Путешествие из России. М.: Вагриус, 2003. 478 с.
- Битов А.Г.* Человек в пейзаже. Повести и рассказы. М.: Сов. писатель, 1988. 464 с.
- Бродский И.А.* Форма времени: В 2 т. Т. 1: Стихотворения, эссе, пьесы. Минск: Эридан, 1992. 480 с.
- Кунин В.В.* Птичка. М.: АСТ; АСТ Москва; Владимир: ВКТ, 2008. 413 с.
- Пелевин В.О.* Чапаев и пустота. Жёлтая стрела. М.: Вагриус, 2001. 416 с.
- Шишкин М.П.* Венерин волос. М.: Вагриус, 2007. 480 с.

А.А. Солдатова,

преподаватель кафедры английского языка Тверского филиала Балтийского технического университета «Военмех»; *e-mail*: sotto.voice@gmail.com

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблеме классификации переводческих трансформаций и реконструкции культурного контекста при переводе юридических текстов. Автор указывает на преобладающие лексические трансформации при переводе юридического текста с русского на английский язык, как приём лексического опущения, генерализации, приём смыслового развития и целостного преобразования, и предлагает выделить отдельную группу структурно-логических трансформаций, включающих логико-ситуативные, логико-грамматические и логико-стилистические трансформации, как дополнение к существующим на настоящий момент переводческим трансформациям.

Ключевые слова: трансформации в переводе, юридический дискурс, классификация трансформаций, логико-ситуативные, логико-грамматические и логико-стилистические трансформации.

Anastasia A. Soldatova,

Lecturer at D.F. Ustinov *Baltic State Technical University* “Voennmeh”, Tver Branch, Russia; *e-mail*: sotto.voice@gmail.com

To the Issue of Transformation Classifications in Legal Discourse

The paper explores the issue of transformation classifications in translation, cultural context and its reconstruction caused by translation of legal texts. The researcher highlights lexical transformations such as lexical omission, generalization, meaning extension and integral transposition as predominant in legal text translation and distinguishes a group of structural logical transformations including context, stylistic and grammar logical transformations as an addition to the existing transformation classifications in translation.

Key words: transformations in translation, legal discourse, classification of transformations, context, stylistic and grammar logical transformations.

В рамках межкультурной коммуникации исследование факторов перевода производится с учётом основных особенностей языковой культуры, типа и механизма социального кодирования родного и иностранного языков. Такой подход позволяет наилучшим образом решить практические задачи, связанные с проблемами перевода, в частности, юридического текста. В этой связи существенную роль играет не только знание судебно-процессуальных систем, правовых норм и юридической терминологии, но и личностные качества переводчика, являющегося не только двуязычным, но и способным логически реконструировать контекст оригинала; он должен чувствовать культурологические особенности переводимого текста, поскольку язык — это не изолированный

предмет, а часть культуры; в то время как перевод — это не только замена языка, но и функциональная замена элементов культуры. В том числе, как верно замечает Ю. Найда, в процессе перевода должен действовать «принцип эквивалентного эффекта» [Найда, 1978, с. 119], когда переводчик ориентируется не столько на формальную сторону оригинала, сколько на реакцию реципиента, добиваясь максимальной ясности и естественности перевода.

Юридический текст как продукт соответствующего дискурса является различающим фактором между национальными культурами, а сам юридический дискурс — это по сути комплексное выражение взаимоотношений между человеком и обществом, в связи с чем это явление функционально направлено на формирование у реципиентов некоего фрагмента мировосприятия, или картины мира.

По причине расхождения в системах языков, несовпадения их норм и узуса происходят переводческие трансформации. Согласно определению О.С. Ахмановой, трансформация — это «один из методов порождения вторичных языковых структур, состоящий в закономерном изменении основных моделей (или ядерных структур)» [Ахманова, 1969, с. 480].

Впервые понятие трансформации было введено З. Харрисом, который рассматривает трансформации как соотношение между двумя конструкциями, содержащими одинаковые классы слов [Harris, 1962, p. 536—537)]. Вслед за ним в своих ранних вариантах трансформационной порождающей грамматики пришёл к этой идее и Н. Хомский [Хомский, 1962, с. 431—433], согласно которому трансформация представляет собой воздействие на определённую цепочку с заданной структурой составляющих с целью преобразования её в новую цепочку с новой производной структурой составляющих; благодаря этому воздействию возможны четыре типа операций — добавление, опущение, перестановка и замена символов. В результате действия трансформаций и образуются основные типы синтаксических конструкций различных языков.

Многие учёные-лингвисты пытались разобраться в том, какие преобразования происходят в тексте при переводе (Л.С. Бархударов [Бархударов, 2008], В.В. Гак [Гак, 1971], Л.К. Латышев [Латышев, 2003], А.Л. Семенов [Семенов, 2003], Я.И. Рецкер [Рецкер, 1974], В.Н. Комиссаров [Комиссаров, 1980], А.М. Фитерман [Фитерман, 1963], Т.Р. Левицкая [Левицкая, 1963], А.Д. Швейцер [Швейцер, 1985], Р.К. Миньяр-Белоручев [Миньяр-Белоручев, 1996], Ю. Найда [Найда, 1978], Д.С. Уорс [Уорс, 1962], З. Харрис [Harris, 1970], Н. Хомский [Хомский, 1962], С.К. Шаумян [Шаумян, 1962] и др.).

Несмотря на то что на настоящий момент нет единого научного взгляда на количество приёмов переводческой трансформации, большинство исследователей разделяют мнение о том, что перевод-

ческие трансформации делятся на грамматические, лексические, и комплексные (лексико-грамматические). Несмотря на разногласия авторов, можно выделить восемь наиболее распространённых типов лексических трансформаций: конкретизация, генерализация, компенсация, приём лексического добавления, приём лексического опущения, приём смыслового развития, приём целостного преобразования и антонимический перевод.

При переводе юридического текста с русского на английский можно проследить устойчивую тенденцию преобладания одних лексических трансформаций над другими. Так, если проанализировать результаты анализа количественного соотношения использованных лексических трансформаций в переводе юридических текстов с русского на английский, можно отметить прежде всего тенденцию отказа в процессе перевода от некоторых семантически избыточных слов, не имеющих важной смысловой нагрузки. Таким образом, массивная конструкция *назначено наказание в виде лишения свободы сроком на семь лет* переводится стройной и лаконичной *was sentenced for seven years*; «состав преступления — crime», «данная позиция моего подзащитного» — “the standpoint of the defendant”, *с отбыванием наказания в колонии строгого режима — to a maximum security prison*; *находился в состоянии необходимой обороны — was acting out of self-defense* (перевод и курсив мой. — С.А.). Поскольку слова в английском языке имеют более абстрактный характер, чем аналогичные в русском, широкое применение находит приём генерализации, когда слово или словосочетание исходного языка с более узким значением заменяется соответствующим из английского, но с уже более широким значением. Таким образом, *деяние* переводится как *action*, *кассационная жалоба — appeal*, *потерпевший — victim*, *законная возможность — legal power* (перевод и курсив мой. — С.А.). В равной степени происходит преобразование как отдельных слов, так и предложений в целом, при этом изменения носят комплексный характер. Несмотря на то что лексические единицы не имеют общей внутренней формы и схожих семантических компонентов при комплексных изменениях отдельных слов или предложений, они достаточно ёмко передают смысловое содержание, выраженное в разных языках: *не соответствует обстоятельствам — is in discord*, *прекращается — no longer valid*, *без проблем — easily*, *выселить — cancel (his) residence permit* (перевод и курсив мой. — С.А.). Кроме того, происходит замена единицы исходного текста на логически связанное с ним слово или словосочетание, смысловое развитие: *в момент инкриминируемого ему деяния — at the moment when he committed the act with which he was charged*, *подзащитный пояснил следующее — the defendant described these events as follows*, *показания по событиям того дня — the evidence describing*

the events of the day of crime (перевод и курсив мой. — С.А.). В меньшей степени производится замена слова или словосочетания исходного языка с более широким (пространным) значением на слово или словосочетание с более узким значением (*предварительное следствие — pretrial investigation, покупатель — vendee, полученная — inherited*), а также добавление нескольких дополнительных слов с целью правильнее и понятнее передать смысл текста исходного языка (*Противоречия в своих показаниях объяснила очень тяжёлым психическим состоянием — She explained the discrepancies in her evidence by the fact that she was depressed at that time. Считаю данный приговор незаконным — I find the sentence unlawful, при вынесении приговора судом — in their passing of the sentence, the Court...*) Ещё реже используется антонимический перевод, при котором мысль лексической единицы исходного текста выражается через противоположное понятие (*неправомерные действия могли быть не закончены — unlawful actions might have continued, моя позиция осталась прежней — nothing changed in my opinion* (перевод и курсив мой. — С.А.)).

Помимо лексических трансформаций при переводе имеют место и грамматические преобразования, приём перестановки и замены, обусловленные несовпадением грамматических категорий языков. Эти трансформации очевидны и не заслуживают, на наш взгляд, пристального внимания в этой статье.

В контексте юридического перевода нам, в свою очередь, видится важным внести дополнение к существующим классификациям переводческих трансформаций и выделить ещё одну, четвёртую группу *структурно-логических трансформаций* (курсив мой. — С.А.), которые включают в себя:

— *логику-грамматическую компенсацию* (курсив мой. — С.А.) (в ходе реализации своей деятельности, перевода рукописных следственных и судебных документов, переводчик сталкивается с определёнными сложностями: трудночитаемыми, неразборчивыми и даже нечитаемыми местами в тексте; в таких ситуациях переводчику приходится прибегать уже не к собственно переводу, а к расшифровке смысла, восстановлению логику-грамматической связи предложения и тем самым восполнять текстовые лакуны).

— *логику-ситуативную компенсацию* (курсив мой. — С.А.) (к данному типу трансформации переводчик прибегает в силу необходимости введения собственных примечаний, так называемых *footnotes*. В этом случае имеет место порождение нового целостного высказывания с собственным структурно-языковым оформлением. Отступая от постулата о незаметности осуществляемого им посредничества, переводчик использует сноски, комментарии, примечания, справки и др. как эксплицирующий способ, помогающий восполнить в переводе скорее всего неизвестную для реципиента культу-

рологическую информацию, и таким образом достигает требуемого коммуникативного эффекта),

— *логико-стилистическую компенсацию* (курсив мой. — С.А.) (юридический перевод, в частности перевод следственных и судебных документов, подчас подразумевает исправление множественных стилистических ошибок (плеоназмов, соцелизмов, ляпалиссиад и пр.), изменение неправильных, ошибочных соединений слов («мы не можем на белое говорить чёрное»; «на них оказывалось как убеждение, так и понуждение к даче ложных показаний»; «дело производством прекратить»; «назначить дело слушанием»; «улики находятся в материалах дела путём фальсификации», «мешает установлению истины по делу», «мне непонятно, каким образом силовые структуры, нарушая мои права как гражданина, человека и защитника, прослушивают мои телефоны и следят за моими передвижениями») и приведение исходного текста к требуемому стилю изложения на языке перевода.

Таким образом, мы обозначаем приём лексического опущения, генерализацию, приём смыслового развития и целостного преобразования как наиболее часто используемые в переводе юридического текста с русского на английский язык, а кроме того выделяем группу структурно-логических трансформаций (включающих логико-ситуативные, логико-грамматические и логико-стилистические трансформации) как дополнение к существующим на настоящий момент переводческим трансформациям.

Список литературы

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
- Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / Отв. ред. А.А. Леонтьев, М.: Наука, 1971. С. 78—96.
- Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения. 1980. 167 с.
- Латышев Л.К., Семёнов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. Учеб. пособие. М., 2003. 192 с.
- Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. 263 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
- Найда Ю.А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Изд-во Международные отношения, 1978. С. 114—136.

- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
- Уорс Д.С.* Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 637—683.
- Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2. С. 412—527.
- Шаумян С.К.* Теоретические основы трансформационной грамматики // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 391—411.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1985. 215 с.
- Harris Z.S.* Papers in Structural and Transformational Linguistics. Dordrecht, 1962.
- Reidel N.Y.* Humanities Press. 1970. 850 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

М.О. Алексеева,

кандидат филологических наук, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: monogime@mail.ru

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА...

(возможная трактовка стихотворения С. Есенина «Вижу сон. Дорога чёрная...» и проблемы его перевода на польский язык)

В статье рассматриваются проблемы адекватности передачи смыслового содержания поэтического текста в переводе. Анализируется план содержания одного из поздних стихотворений Сергея Есенина в контексте эпохи, биографии и творчества поэта, исследуется полнота передачи системы образов и системы смыслов в переводах этого стихотворения на польский язык.

Ключевые слова: художественный перевод, адекватность, система смыслов, Есенин, тема родины, художник и власть.

Marianna O. Alekseyeva,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: monorime@mail.ru

In Search of Lost Sense...

An Interpretation of Sergey Yesenin's Poem "Вижу сон. Дорога чёрная..." and Problems of Its Translation into Polish

The article studies the issues of adequacy in transferring the essence of a poetic text in translation. The content plane of one of Sergey Yesenin's late poems is analyzed with due account taken of the poet's biography and creative work as well as the times he lived in. The integrity of the original system of images and meanings in different Polish translations of the poem is discussed.

Key words: literary translation, adequacy, system of meanings, Sergey Yesenin, Motherland theme, poet, authorities.

Художественный перевод, безусловно, представляет собой высшую форму переводческой деятельности. В определённом смысле его можно назвать *сотворчеством*, причём этот творческий акт подразумевает наличие общих посылок и эмоционального строя у людей, принадлежащих не только к разным этносам (как правило), но и зачастую к разным социумам и историческим эпохам.

В последних исследованиях наблюдается оживление интереса к пониманию перевода как процесса и результата интерпретации оригинала. Но переводчик стихотворного текста, осуществляющий наиболее сложный вид художественного перевода, не может ограничиваться лишь ролью интерпретатора: текст, выраженный в ма-

териале другого языка, неизбежно несёт отпечаток творческой личности переводчика, является своеобразным проявлением его индивидуальности. А.В. Фёдоров, исходя из определения искусства «как мышления образами», отмечал, что специфика художественного перевода заключается в том, что художественная литература есть в первую очередь именно искусство [Фёдоров, 1983]. Формирование коммуникативного намерения переводчика в качестве интерпретатора и, в определённом смысле, соавтора стихотворного текста, переложённого на другой язык, в высокой степени связано с *пониманием* текста оригинала, с извлечением из него той сложной палитры смыслов, которая онтологически присуща подлинной поэзии и проявляется именно в «мышлении образами», т.е. в сложной символике, нуждающейся в дешифровке. Очевидно, что потери при переводе определяются прежде всего уровнем понимания оригинала *самим переводчиком*: ведь каждый перевод — это попытка нового прочтения. При этом «переводчики априорно исходят из того, что текст оригинала понят полностью», в результате «немалая доля переводческих ошибок происходит в силу неполного или искажённого понимания оригинального текста» [Гарбовский, 2007]. Такого рода переводческие ошибки коренятся, кроме всего прочего, в неумении или нежелании переводчика провести тщательный анализ системы образов, в которых выражается авторская мысль, вскрыть и выявить то главное, ради чего и было написано стихотворение, на фоне конкретной исторической и житейской ситуации. А.В. Фёдоров писал об особом значении понятия полноценности именно для художественного перевода как «труднейшего вида переводческой деятельности» и подчёркивал, что полноценность перевода означает наряду с полноценным формальным и стилистическим соответствием «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника» [Фёдоров, 1983, с. 151].

Сергей Есенин — один из самых читаемых русских поэтов в Польше: его стихи многократно переводились на польский язык в разное время и разными авторами. К сожалению, внешняя ясность и прозрачность есенинских стихов зачастую создают иллюзию простоты и очевидности их смыслового содержания. Подобная печальная ситуация сложилась, на наш взгляд, с переводом одного их известнейших стихотворений Есенина «Вижу сон. Дорога чёрная...» на польский язык. Внешне простое, даже незатейливое, оно тем не менее содержит сложные исторические аллюзии, раскрывает позицию поэта в отнюдь не новой для мировой культуры ситуации противостояния художника и власти и даёт возможность проникнуть в его сокровенные мысли и надежды. Чтобы отвести обвинения в голословности, мы готовы предложить свою трактовку этого стихотворения и попытаться раскрыть неявные, неочевидные смыслы, в нём заключённые.

Вижу сон. Дорога чёрная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне
Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.

Эх, берёза русская!
Путь-дорога узкая.
Эту милую, как сон,
Лишь для той, в кого влюблён,
Удержи ты ветками,
Как руками меткими.

Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь
Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

Хулиган я, хулиган.
От стихов дурак и пьян.
Но и всё ж за эту прыть,
Чтобы сердцем не остыть,
За берёзовую Русь
С нелюбимой помирюсь! (с. 159)¹.

Написано в 1925 г., в начале июля. Меньше чем через полгода поэта найдут мёртвым в номере ленинградской гостиницы «Анг-летер».

Всё, что поэт написал в последний год своей жизни, неизбежно приобретает особое значение: с чем, с какими мыслями уходил поэт от нас? К какому знанию — особому, окрашенному предощущением смерти — пришёл он на последнем этапе жизненного пути?

Нам представляется, что в тексте именно этого стихотворения заложены ответы на многие вопросы, поэтому оно всегда привлекало исследователей творчества Есенина. Предлагались различные трактовки: одни видели апокалиптического коня и Богородицу, другие считали, что всадница на белом коне — это Смерть, и отмечали влияние А. Блока, третьи говорили о некой вполне земной женщине, связанной с поэтом сложными личными отношениями [Харчевников, 1985, с. 80]. Всё это, безусловно, имеет право на существование, но нам эти аллюзии представляются не слишком убедительными, а сам текст кажется более глубоким, наполненным сложными реалиями. Выявляя их, мы будем опираться прежде всего не на архивные материалы (хотя в некоторых документах содержится очень важная для нас информация) и не на воспоминания современников (человеческая память не только несовершенна, но и пристрастна). Мы скорее придём к истине, если будем анализировать есенинскую *поэзию* (учитывая, естественно, исторический контекст), ибо наиболее полно и точно художник выражает себя в творчестве, особенно такой пронзительно искренний — как Есенин. Поэтому попытаемся расшифровать это стихотворение, опираясь на темы и мотивы, многократно возникающие в лирике двух последних лет его жизни: истинный смысл повторяющихся поэтических образов раскрывается именно в сопоставлении.

Мотивы сновидений (или видений) в стихах 1924—1925 гг. звучат весьма отчётливо. Многократно возникает образ призрачной, *снящейся* Руси. Причём не всегда ясно, то ли действительность

¹ Здесь и далее стихи Есенина даны по изданию: *Есенин С.А. Собр. соч.*: В 5 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1967; номера страниц указаны в тексте в круглых скобках.

воспринимается поэтом как страшный сон (заметим на будущее, что и «милая, как сон»), то ли ему видится прекрасная «страна берёзового ситца», которая жива лишь в душе поэта. «*Что родина? // Ужели это сны?*» (с. 22) — с тоской вопрошает Есенин в одном из стихотворений этого периода. В последние два года жизни сон и явь переплетаются в его поэтическом мире, образуя довольно прихотливую художественную реальность. Нам кажется, что сон лирического героя этого стихотворения наполнен особым, сокровенным смыслом — но как раскрыть его?

«*Вижу сон. Дорога чёрная. // Белый конь. Стопа упорная*». Поражает лапидарность стиля. Так говорят под гипнозом. Или когда, глядя внутрь себя, в подсознание, мучительно реконструируют пережитое и передуманное. Или увиденное — во сне, в бреду, в момент высокого душевного напряжения. Тогда каждое слово получает особое, самостоятельное значение и не нуждается в расцветивании. Поэтому и палитра всего стихотворения чёрно-белая, лишь в третьей строфе возникает «синь», столь характерная для поэтики Есенина в более ранние периоды творчества и ставшая для него символом *его* России. Только здесь это не яркая, светящаяся, солнечная синева ранних стихов, не иконный синий цвет, сопровождающий образ Богородицы, а мертвенное, тёмное сияние ночного неба в лунную ночь².

Но в последних стихах строфы вдруг возникает неожиданная, почти частушечная интонация, отчасти снимающая тревожное чувство, навеянное первыми строками: «*И на этом на коне // Едет милая ко мне. // Едет, едет милая, // Только нелюбимая*». Значит, стихотворение всё же о любви? О свидании с милой? Озадачивает, правда, несколько странная формула — «милая, только нелюбимая». Не слишком характерная и для русского фольклора, и для Есенина — в его стихотворении того же года определения «милая» и «любимая» относятся к одной женщине: «*...Выходил к любимой, развернув тальянку, // А теперь я милой ничего не значу*» (с. 179). В странном же сне лирического героя женский образ приобретает загадочную амбивалентность: с одной стороны, «милая» — близкая, дорогая, с другой — «нелюбимая», т.е. близость вынужденная, неестественная, движением души не поддержанная. Эта вынужденность, заданность усугубляется возникшим в начале следующего шестистишия образом узкой дорожки («*путь-дорога узкая*»), не оставляющей герою свободы действий и права выбора³.

² Мы не будем здесь углубляться в символику цвета в творчестве Есенина, так как это уведёт нас от темы: общеизвестно, что чёрный, белый, золотой и синий цвета имели самостоятельное значение в его художественном мире, а цветовая палитра стихов всегда отражала душевное состояние лирического героя.

³ «Я очутился в узком промежутке» — с горечью признавался Есенин ещё в 1924 г. в стихотворении «Русь уходящая» (с. 52), оборачиваясь на пройденный путь.

Возможно, речь идёт о Софье Толстой, внучке великого писателя, на которой женился Есенин в надежде как-то упорядочить своё безбытное существование и обрести новый жизненный импульс? Ведь своему другу, Николаю Вержбицкому, поэт писал как раз летом 1925 г.: «Семейная жизнь не клеится... Всё, на что я надеялся, о чём мечтал, идёт прахом» [Есенин, 1967, с. 166] — значит, «милая-нелюбимая» — это отражение неоднозначного отношения к жене? Но уже следующая строфа заставляет нас отказаться от этого, лежащего на поверхности, вывода.

Второе шестистишие начинается отчаянным: «*Эх, берёза русская!*». Восклицание это является не выражением сожаления или безнадежности, а *обращением* к той самой берёзе: поэт заклинает дерево помочь ему, удержать эту «милую» «ветками, как руками меткими». Причём глагол «*удержать*» скорее означает не «*поддержать*», т.е. уберечь от падения, а «*задержать*», т.е. остановить, ограничить движение. Зачем же задерживать милую, которая едет к лирическому герою? «*Лишь для той, в кого влюблён*», — отвечает сам автор. Туманный ответ. Ясно только, что в этом сне женский образ двоится: одновременно существуют «та, в кого влюблён», — бесконечно далёкая и недостижимая, и «милая, только нелюбимая», с которой поэт ощущает какую-то странную, болезненную, но нерасторжимую связь; её приход не радует лирического героя, даже связан с какой-то опасностью для него, и он просит защиты и помощи у «берёзы русской». Этот вывод будет принципиально важен для понимания смысловой структуры всего стихотворения.

Если мы вспомним, сколь исключительное значение в поэзии Есенина имеет образ русской берёзы, воплощающий в себе всё самое дорогое — гармоничный и прекрасный деревенский, природный мир, и сколь тесно он связан с темой Родины (примеры многочисленны и общеизвестны, и вряд ли нужно их здесь приводить), то обращение к берёзе приобретает особый смысл: мучительное противоречие между «нелюбимой» и «любимой» лирический герой как будто пытается разрешить для себя, ориентируясь на некий символ, постоянно живущий и его душе, — символ России. Так, на первый взгляд камерное стихотворение, посвящённое неким любовным метаниям, приобретает другой масштаб, и появление в последней строфе образа «берёзовой Руси» становится закономерным⁴.

С образом «милрой» связан и стих третьей строфы: «*Хорошо копытит конь*» — ведь именно на нём она неумолимо движется навстречу герою. Употребление редкого глагола, имеющего отчётливые национально-культурные коннотации (это слово встречается у В. Даля), представляется нам совсем неслучайным. И если в сти-

⁴ Подобное слияние личного, камерного и исторического, глобального вообще очень характерно для поэтики Есенина: в исповедальном «Письме к женщине», обращённом к Зинаиде Райх (с. 57), мощно звучит тема Родины, тема пути России.

хотворении «Вижу сон...» трудно определить окрашенность этого глагола, то в покаянной поэме «Чёрный человек», когда в воспалённом, больном сознании лирического героя тоже возникает мрачный ночной пейзаж и «*деревянные всадники сеют копытливый стук*» (с. 304), коннотации приобретают недвусмысленно негативный характер. С особой силой и определённой проявляются они и в стихотворении «Несказанное, синее, нежное...»: «*Словно тройка коней оголтелая // Прокатилась во всю страну. // Напылили кругом. Накопытили. // И пропали под дьявольский свист*» (с. 139) (выделено мной. — М.А.) и связываются уже не с душевным состоянием лирического героя, а непосредственно с судьбой страны, со страшными революционными потрясениями, выпавшими на долю России. Так что рискнём утверждать, что в поэтике Есенина в этом глаголе заложена априорная пейоративность, которая, безусловно, переносится и на женский образ, появляющийся в сне, — на образ «милрой». Образ же «единственной» окрашен таинственным лунным светом, также имеющим в художественном мире Есенина глубокое символическое значение (к этой теме мы вернёмся чуть позже).

В начальных строках этого стихотворения ощущается какая-то грозная, неотвратимость: по чёрной дорожке упорно продвигается белый конь с загадочной всадницей. Сон оказывается страшным. Не Смерть ли приближается к герою? — эта ассоциация лежит на поверхности. Стало уже общим местом утверждение, что каждый большой поэт, поэт милостью Божьей, обладает трагическим интуитивным знанием надвигающейся смерти: стихи Пушкина и Лермонтова, Гумилёва и Белого (список можно продолжать бесконечно) — очевидное тому подтверждение. Тема смерти звучит едва ли не в каждом третьем стихотворении Есенина последнего периода: «*Мы теперь уходим понемногу // В ту страну, где тишь и благодать. // Может быть, и скоро мне в дорогу // Бренные пожитки собирать*» (с. 11); «*В ушах могильный // Стук лопат // С рыданьем дальних // Колоколен*»; «*Себя усопшего // В гробу я вижу // Под аллилуйные // Стенания дьячка*» (с. 90); «*Я знаю, знаю. Скоро, скоро // Ни по моей, ни чьей вине // Под низким траурным забором // Лежать придётся так же мне*» (с. 174). И это лишь малая толика примеров. Последним трагическим аккордом звучит эта тема в послании «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (с. 228). Но, анализируя содержание этих стихов, мы приходим к выводу, что мотив Смерти у Есенина связан не столько с символом бренности бытия и конечности человеческой жизни, сколько с трезвой оценкой того положения, в котором оказался поэт. Ощущение гибельности существования вызвано в первую очередь отчётливым осознанием, что жизнь теряет смысл, ибо недюжинный творческий потенциал бездумно растрачивается, а не воплощением апокалиптических предчувствий. В таком ключе становится понятно, почему во множестве стихотворений

погребальные мотивы сменяются надеждой на будущее: в душе поэта бьётся жажда жизни, отчаянная вера, что не всё ещё потеряно: «*Милая, мне скоро стукнет тридцать, // И земля милей мне с каждым днём*» (с. 163); «*Подержись, моя жизнь удалая, // Я ещё не навек постарел*» (с. 187); «*Мне всё равно эта жизнь полюбилась, // Так полюбилась, как будто вначале*» (с. 202). Он нащупывает свой путь, пытается кардинально изменить свою жизнь, открыть для себя новые источники для оптимистического взгляда в будущее и находит их *в творчестве*.

Есенин, несмотря на кажущиеся легкомыслие и безалаберность, всегда знал себе цену и осознавал себя русским национальным поэтом. Как Пушкин. Именно с ним он себя сравнивал и когда писал своего «Пугачёва» (опосредованно), и в стихотворении «Пушкину» (прямо): «*О Александр! Ты был повеса, // Как я сегодня хулиган*» (с. 17), которое отнюдь не случайно завершается на высокой патетической ноте: «*Но, обречённый на гоненье, // Ещё я долго буду петь... // Чтоб и моё степное пенье // Сумело бронзой прозвенеть*» (с. 18) — именно такое будущее предрекал себе «крестьянский» и «кабацкий» поэт. Он тщательно готовил своё трёхтомное Собрание стихотворений, надеясь быть услышанным Россией. Как и Пушкин, он знал, что его душа «в заветной лире» «прах переживёт и тленья убежит», и именовал себя «пиитом», правда, не без иронии (с. 22)⁵.

Есенина начинала тяготить его скандальная слава. Он ощущал себя лучшим поэтом эпохи и требовал к себе соответствующего отношения: «*Я вам не кенар! // Я поэт! // И не чета каким-то там Демьянам. // Пускай бываю иногда я пьяным, // Зато в глазах моих // Прозрений дивных свет*» (с. 45). Но видел, что именно «какие-то там Демьяны» востребованы и обласканы властью, живут в Кремле и даже берут на себя смелость говорить от имени всей страны и поучать её народ в своих «агитках». «И неподкупный голос мой был эхо русского народа» — эта пушкинская формула была близка Есенину: ведь национальный поэт может и должен выразить то, что живёт в душе каждого русского человека. Именно на такую роль он и претендовал. Власть же не скрывала своего отношения к литературе как *к идеологическому инструменту*. Очень показательным здесь рассуждение А. Луначарского, наркома просвещения, о гипотетическом появлении в Советской России писателя «калнбра Толстого или Достоевского» с гениальным, но политически чуждым романом: «...условия борьбы могли бы заставить нас, скрепя сердце, задушить его...» [Вопросы культуры..., 1925, с. 60]. Интересно, он имел в виду самого писателя или только его произведение?

⁵ Кстати, и того и другого современники «бранили за “Стансы”» (с. 147), видя в этих стихах исключительно стремление быть ближе к властям предрежащим, а не утверждение генетической связи поэта со своей страной и её историей.

В последние годы советская власть, видя почти магическое воздействие есенинских стихов, приглядывалась к поэту, как будто оценивая, можно ли его талант поставить себе на службу. Судя по всему, вывод был отрицательным, так как издавать свой журнал (под крайне несвоевременным названием «Вольнодумец») ему запретили. Поэт вдруг ощутил свою изолированность: его явно отторгали от системы. Он отчётливо понимал, что неодобрение власти означало потерю всех прав и полное отсутствие защищённости. Не было денег (тот же Демьян Бедный получил 35 тыс. рублей за своё Собрание сочинений, а Есенина печатали неохотно и по-прежнему платили копейки за строчку), не было квартиры или хотя бы комнаты, т.е. элементарно сносных условий для работы и жизни — нельзя же бесконечно ютиться по чужим углам! Ни десятилетие творческой деятельности, ни его тридцатилетие не были хоть как-то отмечены в прессе или в писательском сообществе. Периодически Есенин оказывался в камере предварительного заключения, под судом и следствием и ощущал на себе пристальное внимание карательных органов. Власть отчётливо демонстрировала ему своё неудовольствие и как будто ожидала реакции.

Поэт понимает, что он должен либо признать, что, как говорил Троцкий, «партия всегда права», либо быть выброшенным из жизни. И Есенин, похоже, делает свой выбор. Он подписывает обращение группы писателей в Отдел печати ЦК РКП(б), в котором говорилось: «Мы считаем, что пути современной русской литературы, — а стало быть, и наши, — связаны с путями Советской октябрьской России. Мы считаем, что литература должна быть отражателем той новой жизни, которая нас окружает...» [К вопросу о политике..., 1924, с. 106]. Выводит образ Ленина в «Стансах», «Письме к женщине», «Песне о Великом походе», в стихотворении «Капитан Земли», откликается на его смерть в поэме «Гуляй-поле», готов сесть «за Маркса» и бежать «за комсомолом», причисляя себя к «питомцам ленинской победы» (с. 47—48). Показательно, что Ленина он оправдывает тем, что тот «никого не ставил к стенке» (с. 125), — очень трогательно, но не в духе времени⁶.

В 1924 г. Есенин сказал о себе грустно и просто: «...*И на этой на земле угрюмой // Счастлив тем, что я дышал и жил*» (с. 11). Год спустя он использовал эту формулу, демонстрируя лояльность и воспевая вождя пролетарской революции: «*Я счастлив тем, // Что сумрачной порою // Одними чувствами // Я с ним дышал // И жил*» (с. 124). Но и после этого положение его никоим образом не изменилось: во-первых, он оказался заложником сложной подковёрной борьбы за лидерство в партии между Троцким, Зиновьевым, Бухариным и Сталиным, который тогда активно набирал силу, а

⁶ Он ведь и сам утешался тем, что «не расстреливал несчастных по темницам» (указ. соч., т. 2, с. 117).

во-вторых, поэт был очень неудобным и ненадёжным человеком в глазах партийных бонз всех калибров и доверия не вызывал.

В стихах последних лет Есенин достигает почти пушкинской чистоты и ясности, а вот в жизни ясности не было.

Он созрел как художник.

Он выходил на новый уровень.

Он чувствовал в себе мощный потенциал и стремился его реализовать.

Он хотел, чтобы его услышала страна. Но как этого достичь?

Советскую власть Есенин не любил. То, что большевики сделали со страной, было бесконечно далеко от «Инонии», от «мужицкого рая». Его кабацкая лирика стала своеобразным вызовом, демонстративным уходом в маргиналы: «он надрывно пьянствовал в жизни и надрывно сквернословил в стихах» [Ходасевич, 1996, с. 370]. Но сколько можно существовать на обочине, считая себя при этом крупным национальным поэтом?

Выходов из этой ситуации было не слишком много.

Можно уехать в Европу или Америку, присоединиться к русской эмиграции. Но Есенин уже имел подобный горький опыт: путешествуя вместе с Айседорой Дункан, он чуть с ума не сошёл вдали от России и в глубине души знал, что этот путь не для него. И, кроме того, понимал, что его, скорее всего, не выпустят.

Можно уйти в глухую оппозицию власти. Но это значит обречь себя на поэтическое забвение: ни одна строчка опального поэта не дойдёт до читателей, он не сможет говорить с Россией.

Можно примириться с властью, закрыть глаза на все ужасы пролетарской революции и большевистской диктатуры, стать *своим*. Но это потеря самого себя, утрата целостности души, отказ от убеждений. И что станет с художником, пошедшим против правды и совести?

Значит, выхода нет. То есть *хорошего* выхода нет. Но выбирать необходимо... Отсюда страшное смятение в есенинских стихах того времени. Он то говорит о своей ненависти к происходящему, о невозможности примириться с жестокостью и несправедливостью, то воспевает перемены, произошедшие в стране: «*Россия-мать! // Прости меня, // Прости! // Но эту дикость, подлую и злую, // Я на своём недлительном пути // Не приголублю // И не поцелую*» (с. 54). И тут же: «*Теперь в советской стороне // Я самый яростный попутчик*» (с. 16). Или: «*По ночам, прижавшись к изголовью, // Вижу я, как сильного врага, // Как чужая юность брызжет новью // На мои поляны и луга*» (с. 168). И рядом: «*Через каменное и стальное // Вижу мощь я родной страны*» (с. 156). Поэт мучительно переживает внутренний разлад, его натура, искренняя, импульсивная, и его талант, свободный, мощный, сопротивляются подобному «самоломанию»: «*Живой души не перестроить век. // Нет! // Никогда*

с собой я не полагаю, // Себе, любимому, // Чужой я человек» (с. 87); *«Какой раскол в стране, // Какая грусть в кипении весёлом!»* (с. 48); *«С того и мучаюсь, // Что не пойму, // Куда несёт нас рок событий...»* (с. 59).

Есенин всё же упорно стремится наладить контакт с властью, убедить руководство страны, что он свой, что он нужен: *«Хочу я быть певцом // И гражданином, // Чтоб каждому, // Как гордость и пример, // Был настоящим, // А не сводным сыном — // В великих штатах СССР»* (с. 44); *«...Учусь постигнуть в каждом миге // Коммуной вздыбленную Русь»* (с. 25). Невольно вспоминается, как загнанный в угол Осип Мандельштам, предчувствуя трагический исход, так же заклинал сам себя в «Стансах» (опять «Стансы!»): *«Я должен жить, дыша и большевея...»* [Мандельштам, 1991, с. 217—218]. Потому что «не большевея» при этом режиме не позволительно ни жить, ни дышать. Но власть недоверчива и подозрительна и «большеветь», т.е. становиться своим, позволяла далеко не всем (и Мандельштаму не позволила). Она не идёт навстречу Есенину, насто­ро­женно следя за его попытками заявить о себе в новом качестве.

Легко обвинить поэта в неискренности и ангажированности. Но это не конформизм, а мучительное осознание необходимости вписаться в новую реальность, найти свою экологическую нишу, свою дорогу. *«Стой, душа, мы с тобою проехали // Через бурный положенный путь. // Разберёмся во всём, что видели, // Что случилось, что стало в стране...»* — писал он (с. 139—140). Заметим, что такая рассудительность не была ему свойственна раньше: реакция Есенина на события всегда отличалась резкостью и спонтанностью. Теперь же он постоянно сам себя уговаривает, заговаривает, закликает смириться с неизбежным, принять как данность всё происходящее: *«Приемлю всё. // Как есть всё принимаю»* (с. 24); *«Принимаю, что было и не было...»* (с. 140); *«...Ничего не могу пожелать, // Всё, как есть, без конца принимая, // Принимаю — приди и явись, // Всё явись, в чём есть боль и отрада»* (с. 155).

Основной мотив его лирики этих годов — необходимость примирения со всем, что творится в стране, обретение внутреннего покоя, своеобразное «непротивленчество»: *«Я живу давно на всё готовый, // Ко всему безжалостно привык»; «...На земле, мне близкой и любимой, // Эту жизнь за всё благодарю»* (с. 176); *«Жить нужно легко, жить нужно проще, // Всё принимая, что есть на свете»* (с. 203).

Есенин принадлежал к тому типу художников, которые органически были не способны лгать в творчестве (Владислав Ходасевич, не самый близкий ему, но очень тонко чувствующий поэт, писал, что он всегда «был бесконечно правдив в своём творчестве и пред своей совестью» [Ходасевич, 1992, с. 169]). Именно поэтому Есенин столь мучительно, с каким-то отчаянием пытается сердцем принять эту новую жизнь. Но как полюбить страну «самых отвра-

тительных громил и шарлатанов» (с. 302), которым он не побоялся бросить в лицо: *«Вёслами отрубленных рук // Вы гребётесь в страну грядущего»* (т. 2, с. 84)?

В его душе всегда жил образ *его* России, и он с ужасом сознает, что этот «таинственный» и «древний» мир исчезает. Неизбежный процесс урбанизации искусственно ускорялся большевиками и проводился самыми безжалостными методами с мощной идеологической подоплёкой. Для поэта это стало трагедией. Он был далёк от бездумной идеализации деревенской жизни: вместе с «алым светом зари» ему виделась «чёрная, потом пропахшая выть», которую тем не менее нельзя «не ласкать, не любить» (т. 1, с. 129), а рядом с сакраментальным: «несказанное, синее, нежное» (с. 139) в его стихах возникало: «нездоровое, хилое, низкое». Но тут же поэт добавлял: «Это всё мне родное и близкое» (с. 19).

Однако теперь Есенин чувствует себя чужим в родной деревне: *«Вот так страна! // Какого ж я рожна // Орал в стихах, что я с народом дружен?»* (с. 23). Стоит ли этому удивляться? Он давно городской житель, известный поэт, щёголь и любимец женщин — в деревне он теперь «соглядатай праздный» (с. 162). Но ему был совершенно необходим тот образ крестьянской Руси, который он хранил в сердце, — это составляло некую основу жизни, давало ощущение твёрдой почвы под ногами. *«Всё равно остался я поэтом // Золотой бревенчатой избы»*, — утверждает он (с. 167). Похоже, эта неизбежная любовь к России — единственное, чем он по-настоящему дорожил. Без неё невозможны ни жизнь, ни творчество, ибо гармония с самим собой, пусть зыбкая, ненадёжная, достигается только в ощущении своей принадлежности к «полевой России» с её берёзами, вербами и тополями (с. 157). Только она — любимая, *единственная*.

В стихах 1924—1925 гг. призрачный свет луны наполняет многие стихи о родине. Он не только отражает тревогу и колебания в душе лирического героя, но и связан с неустроенностью, тоскливой неуютностью русской жизни: *«Неуютная жидкая лунность // И тоска бесконечных равнин»* (с. 156). Когда-то его Россия была солнечной и золотой, а теперь её заливают холодный лунный свет: *«Свет луны, таинственный и длинный, // Плачут вербы, шепчут тополя. // Но никто под окрик журавлиный // Не разлюбит отчие поля»* (с. 167).

Поэтому, когда в есенинском «сне» появляется в колеблющемся лунном свете загадочный женский образ: *«Свет такой таинственный, // Слово для единственной — // Той, в которой тот же свет // И которой в мире нет»*, — становится совершенно очевидно, что речь в этом стихотворении идёт не о женщине, а о *стране*, о *той России, которой действительно уже нет*. Показательно, что почти дословно повторяет эту мысль Марина Цветаева, мучительно

переживающая утрату родины и понимающая, что прежней России не существует: «С фонарём обшарьте // Весь подлунный свет, // Той страны на карте — // Нет, в пространстве — нет» [Цветаева, 1990, с. 161]. Да, страны — нет, но глубинная связь с ней жива в душе Есенина. Признаваясь вновь и вновь в любви к родному краю, он одновременно мучительно вглядывается в его новый облик с надеждой на лучшее: «Мне теперь по душе иное... // И в чахоточном свете луны // Через каменное и стальное // Вижу мощь я родной стороны» (с. 156). В зависимости от душевного состояния поэта лунный свет над Россией становится то мертвенным, «чахоточным», то нежным, «таинственным», но неизменно сопровождает её образ. И тот же таинственный лунный свет связан с образом «единственной», возникающей в этом стихотворении. Такие совпадения у больших поэтов не бывают случайными!

Собственно, на этом описание самого сна в стихотворении кончается. Далее следует его осмысление лирическим героем. В последней строфе стихотворения поэт вновь, как когда-то, появляется в образе хулигана, при этом звучит несколько лукавое сожаление по поводу собственной непутёвости: «Хулиган я, хулиган...». Возникает и тема пьянства, столь характерная для прежних стихов Есенина периода «Москвы кабацкой», но сегодня поэт «от стихов дурак и пьян», а не от алкоголя. Он как будто утверждает себя в новом качестве, приходит к окончательному решению примириться с неизбежным — так фраза «с нелюбимой помирюсь» из бытового дискурса переходит в дискурс исторический в значении: «приму вызовы времени, примирюсь с существующим порядком вещей». И Есенин *отчётливо формулирует, ради чего*: «за эту прыть, чтобы сердцем не остыть», т.е. за творческую «прыть», ради возможности сохранить в себе то поэтическое горение, без которого стихи не рождаются. Значит, надо сердцем принять новую Россию и связать с ней свою творческую жизнь. Совсем недавно он гордо заявлял, что не желает воспевать ту, другую, «советскую» родину: «Отдам всю душу октябрю и маю, // Но только лиры милой не отдам» (с. 24), теперь понимает, что нужно отдать и лиру — или отказаться от всяких надежд на будущее.

Мы видим, как в этом трагическом стихотворении соединяются все самые важные темы и мотивы есенинской лирики последних двух лет: тема жизненного пути, тема деревенской Руси, тема новой России, тема поэта, тема поиска своего места в жизни, тема смерти, мотив необходимости выбора, мотив призрачности существования и запустения, мотив болезненных сновидений (нет, пожалуй, только любовной темы, несмотря на наличие двух лирических героинь). Оно насыщено образами, многократно воспроизводившимися в есенинской лирике: резвый конь, чёрная дорога, белая

берёза, лунный свет — и все они непосредственно связаны с образом Родины.

Значит, «милая» и «единственная» — это две России. Пользуясь определениями самого Есенина, «Русь Советская» и «Русь уходящая». И лирический герой закликает «берёзу русскую» задержать, отсрочить наступление новой России на Русь прежнюю, деревенскую, столь дорогую сердцу поэта. Но ведь это не две страны, а одна! И разделить её невозможно. Отсюда и возникает странный, двоящийся образ: вполне реальная «милая, только нелюбимая», с которой необходимо «помириться», чтобы «сердцем не остыть», т.е. не утратить способность любить, страдать, верить, писать стихи, и одновременно призрачная «единственная», мерцающая таинственным небесным светом.

Что же тогда значит этот странный сон? Как нам его истолковать?

Смысл его очевиден.

Поэт видит неумолимое движение России по пути, заданному стране после большевистского переворота, и понимает, что ради сохранения своей связи с родиной, ради возможности жить и творить в этой стране и состояться как большой художник он должен принять эту новую жизнь. Иначе — гибель.

«За берёзовую Русь с нелюбимой помирюсь», — решает свою творческую и человеческую судьбу поэт.

Только «помириться» Есенин так и не сумел. Или не успел.

* * *

При огромной популярности стихов Есенина в славянских странах (сказывается — в некотором смысле — совпадение загадочных славянских душ) возникает естественный вопрос: вместили ли столь сложная палитра смыслов оригинала в перевод? Общеизвестна красивая формула поэтического перевода, принадлежащая Назыму Хикмету: переводчик разрезает сердце поэта на столько кусков, сколько строк в стихотворении, а потом снова складывает эти куски, и получается опять сердце, только со шрамами, т.е. с неизбежными потерями. Но каков характер этих потерь?

В Польше стихи Есенина многократно издавались в переводах современника Есенина, блестящего поэта Владислава Броневского, а также известного поэта и прозаика второй половины XX в. Тадеуша Новака. Показательно, что ни тот ни другой не обращались к стихотворению «Вижу сон. Дорога чёрная...» — может быть, именно потому, что, обладая безупречным поэтическим слухом, интуитивно ощущали ускользающий смысл, нечитаемые аллюзии.

Перевела это стихотворение в 1960-х гг. очень яркий поэт и прозаик Анна Каменьская [Jesienin, 1967, s. 182], основой зрелого поэтического творчества которой стало религиозное постижение

смысла бытия (будучи ревностной католичкой, она, в частности, осуществила переложение всех псалмов). Её перевод (проблем просодии мы здесь не касаемся) наполнен отчётливым сакральным содержанием: в третьей строфе лирическая героиня названа «Jedyna» (с заглавной буквы!), что является одним из именовании Девы Марии, и свет, который она излучает, получает не одно (как в оригинале), а два определения: не только «tajemny» — «таинственный», но и «inny» — «нездешний». В стихотворении возникает антиномия «Jedyna-niejedyna», т.е. противопоставляется божественное и мирское воплощение женственности. Переводчица в первой же строфе вполне отчётливо расставляет смысловые акценты, называя лирическую героиню «wybrana... jeno że niekochana». И здесь обращает на себя внимание очень важная игра смыслов: «wybrana» может означать как «выбранная» (и в этом проявляется некая рассудочность действия), так и «избранница» (т.е. «возлюбленная»). Но и в том, и в другом случае она, *нелюбимая*, противопоставляется бестелесной *любимой* — в высоком, духовном смысле этого слова (определённую стилистическую окрашенность всей фразе придаёт книжное, несколько архаичное слово «jeno» — «лишь, только»). В итоге лирический герой готов примириться с *земным* ради сохранения *небесного*, причём очень важно, что сама возможность этого выбора обусловлена существованием «берёзовой Руси» («...Przez moją Ruś brzezinną, // Zgodzę się z niejdyną») — именно с ней связана сакральность образа. Анна Каменская, расшифровывая систему смыслов исходного текста, предлагает свою трактовку, основанную на индивидуальном когнитивном опыте переводчика. Это ярчайший пример того, сколь отчётливо переводчик реализуется в тексте как творческая индивидуальность — со своей иерархией ценностей, которая определённо влияет на иерархию смыслов, заложенных в польском тексте. В её переводе теряется или видоизменяется существенная часть смыслов оригинала, однако проявляется глубинный — сакральный — план содержания, привнесённый самим переводчиком.

В опубликованном двадцать лет спустя переводе Адама Поморского [Jesienin, 1984, s. 236], популярного публициста и переводчика, вице-президента польского ПЕН-клуба, потери на этапе расшифровки смыслов ещё существеннее. Так, есенинская «берёзовая Русь» превратилась в «русские берёзы» (“ruskie brzozy”), что далеко не одно и то же. В польском тексте вообще не звучит тема России и не проявляется религиозная составляющая: мы видим стремление переводчика максимально точно пересказать странный (и совсем не страшный!) сон русского поэта, навеянный, по-видимому, сложными взаимоотношениями с двумя женщинами, — про одну лирический герой говорит: “miła, a niekochana” («милая, но нелю-

бимая»), а про другую “*ta jedna, którą kocham*” («та единственная, которую люблю») и “*której nie ma na świecie*” («которой нет на свете» — поскольку сакральная тема не возникает, остаётся предположить, что любимая женщина героя умерла). Почему в последних двух строчках стихотворения именно «русские берёзы вдоль дороги» (“*ruskie brzozy w drodze*”) заставляют лирического героя примириться с той, которую он не любит (“*z niekochaną się pogodzę*”), остаётся неясным. В итоге сходная с оригиналом система образов несёт в себе предельно упрощённую систему смыслов: переводчик не даёт польскому читателю внутренних оснований для герменевтической деятельности, для поисков новых, неочевидных трактовок с привлечением экстралингвистической информации, переводя план содержания стихотворения в приземлённо-бытовую плоскость.

А ведь в этом есенинском стихотворении отразились мучительные размышления большого художника, поставленного перед трагическим выбором в сложнейшую историческую эпоху, осознание им неизбежности жертвы во имя возможности говорить со своей страной во имя сохранения её прежнего облика — хотя бы в *поэтической реальности*.

Проблема адекватности стихотворного перевода по-прежнему остаётся одной из самых спорных — ведь чем ярче и талантливей перевод, тем отчётливей и неизбежней проявляется в нем творческая индивидуальность переводчика. Однако скрупулёзная творческая и — в идеале — литературоведческая работа с текстом, основательное проникновение в художественный мир автора оригинала, осмысление фактов его биографии и характера эпохи в целом должны способствовать максимально полноценной передаче смыслового содержания поэтического текста.

Список литературы

- Вопросы культуры при диктатуре пролетариата». М.; Л., 1925.
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2007.
Есенин С.А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3, 5. М.: ГИХЛ, 1967.
К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе». М., 1924.
Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Терра, 1991.
Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
Харчевников В.П. Сергей Есенин. Проблемы творчества. М., 1985. Вып. 2.
Ходасевич В.Ф. «Некрополь» и другие воспоминания. М., 1992.
Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922—1939. М.: Согласие, 1996.
Цветаева М. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1990.
Jesienin S. Inonia i inne wiersze. Warszawa: MAW, 1984.
Jesienin S. Poezje. Warszawa: PIW, 1967.

Н.И. Андреев,

доцент кафедры немецкого языка Московского государственного института международных отношений (университет) при Министерстве иностранных дел РФ; e-mail: AndreevNI@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются концептуальные и нарративные особенности немецкого военно-политического дискурса, релевантные при решении проблем перевода.

Предпереводческий и переводческий анализ военно-политического языка предложен с учётом синхронического и диахронического среза лексики, особое внимание при этом уделяется изучению экстралингвистического фона немецкого дискурса, который представлен различными концептами.

Ключевые слова: Немецкий военно-политический дискурс, когнитивно-дискурсивный анализ, нарратив, концептосфера и концепты, политическая метафора.

Nicolai I. Andreyev,

Associate Professor at the German Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia; e-mail: AndreevNI@yandex.ru

Distinctive Features of the Terminology of the German Military-Political Discourse in Terms of Translation into Russian

The article deals with conceptual and narrative distinctive features of the German military-political discourse which are relevant to solving translation problems. The author argues that both pre-translation and translation analyses of a military-political vocabulary should be carried out with due consideration to its synchronic and diachronic aspects and with special attention paid to the study of the extralinguistic background of the German discourse consisting of various concepts.

Key words: German military-political discourse, cognitive-discursive analysis, narrative, concept-sphere and concepts, political metaphor.

Для решения теоретических и практических проблем перевода в определённой сфере требуются знания специфики соответствующего дискурса. В настоящей статье рассматриваются некоторые современные концептуальные и нарративные особенности немецкого военно-политического дискурса, релевантные в данном аспекте.

Военно-политический дискурс (ВПД) широко представлен в современном немецком языке, что объясняется значительной политизацией общества и авангардной ролью политических партий, прежде всего парламентских. Это триумvirат правящей коалиции: Христианско-демократический союз (*Christlich Demokratische Union*), Христианско-социальный союз (*Christlich Soziale Union*), Свобод-

ная демократическая партия (*Freie Demokratische Partei*) и оппозиция: Социал-демократическая партия Германии (*Sozialdemokratische Partei Deutschlands*), Союз-90/«Зелёные» (*Bündnis '90/die Grünen*) и Левая партия (*Linke Partei*). Именно парламент — бундестаг, называемый и в военно-политических документах «сувереном немецкого народа» (*Souverän des Deutschen Volkes, der Bundestag*) [Flume, 2006, S. 18], принимает законы (*Gesetze*), в том числе по вопросам военной политики, тексты которых участвуют в лингвистическом формировании ВПД. Бундестаг, парламентские партии, правительство, армия (*die Bundeswehr*), военно-научные институты и средства массовой информации выступают в роли основных адресантов — творцов военно-политических текстов.

Немецкий официальный ВПД вбирает в себя соответствующие положения текстов документов международных организаций, в частности, Устава ООН (*die Charta der Vereinten Nationen*), Договора о НАТО (*der NATO-Vertrag*), Стратегии европейской безопасности (*die Europäische Sicherheitsstrategie*) и др.

К периферии ВПД относится аппаратная коммуникация, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного и собственно военного аппарата, в том числе секретные, недоступные для широкой общественности. Это разного рода директивы (*Richtlinien*), приказы (*Befehle*), распоряжения (*Anordnungen*), инструкции (*Anweisungen*) и др., издаваемые Министерством обороны ФРГ (*Verteidigungsministerium der Bundesrepublik*), Главным штабом бундесвера (*Führungsstab der Bundeswehr*) и другими органами военного управления. Однако эти тексты могут существовать не только в ВПД, но и в русле исключительно военного дискурса.

Концептуализация в немецком ВПД интерпретируется как «сквозной» процесс структуризации военно-политических знаний из минимальных концептуальных единиц — концептов, объединённых в концептосферы [Маслова, 2008, с. 93].

Упомянутые выше тексты составляют внутри дискурса большую концептосферу «Политика безопасности», которая рассматривается как часть внешней политики и включает в себя оборонную политику. *Sicherheitspolitik ist Teil der Außenpolitik und beinhaltet Verteidigungspolitik* [1000 Stichworte zur Bundeswehr, 1997, S. 182].

Ещё одну часть ВПД составляют тексты, созданные «рядовыми гражданами» (*einfache Bürger*), которые, не будучи профессиональными политиками, военными или журналистами, эпизодически участвуют в военно-политической коммуникации. Интенсивность этой, условно говоря, неофициальной части ВПД особенно усиливается в немецком политическом языке в периоды обострения проблем бундесвера в ходе военных операций за пределами Герма-

нии (бывшая Югославия, особенно Косово, Афганистан и др.). Это, в частности, разного рода письма читателей в газеты и журналы, для которых создаются специальные рубрики: «Письма» “*Briefe*” в журнале «Дер Шпигель» “*Der Spiegel*”, «Письма читателей» “*Leserbriefe*” в выходящих массовым тиражом газетах «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*) и «Зюддойче Цайтунг» (*Süddeutsche Zeitung*).

Анализ ВПД не мыслим без диа- и синхроничного исследования когнитивно-дискурсивного *экстралингвистического фона*. Поражение гитлеровской Германии во Второй мировой сделало войну как таковую в ментальном мире немцев крайне непопулярной, что отчётливо проявилось в военно-политическом языке. Многие послевоенные годы самым распространённым в Германии был лозунг: «Война?! Никогда больше!» (*Nie wieder Krieg!*). Действующий и ныне Основной Закон (конституция) (*Grundgesetz*) 1949 г. содержит положение, прочно укоренившееся в немецком языковом сознании: «Федерация формирует вооружённые силы для обороны» (*Der Bund stellt Streitkräfte zur Verteidigung auf*) (ст. 87а). Согласно тексту конституции, использование бундесвера на чужой территории исключается. Статья 26 утверждает: «Действия, способные нарушить мирное сосуществование народов... и нацеленные на подготовку к ведению агрессивной войны, являются антиконституционными. Они подлежат уголовному наказанию» («*Handlungen, die geeignet sind und in der Absicht vorgenommen werden, das friedliche Zusammenleben zu stören, insbesondere die Führung eines Angriffskrieges vorzubereiten, sind verfassungswidrig. Sie sind unter Strafe zu stellen*») [Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, 2003, S. 53].

Членство страны в НАТО (с 1955 г.) и Европейском союзе с соответствующими обязанностями в области обороны и безопасности, объединение Германии (1990 г.) и вывод Группы российских войск (1994 г.) (*der Abzug der Russischen Truppen*) из ФРГ в Россию внесли существенные изменения в немецкий военно-политический дискурс. Концептосфера «участие бундесвера в зарубежных военных операциях» (*Auslandseinsatz der Bundeswehr*) стала очень актуальной в ВПД, в начале 1990-х гг. с неременным наличием на её периферии концептов «мандат ООН» или «мандат ОБСЕ». Затем появились новые концепты: «Германия — мощное государство и активный член не только ООН и ОБСЕ, но и НАТО и ЕС» и «более весомый германский военный вклад в совместную безопасность». Отсутствие консенсуса по этой проблеме в парламенте привело к вмешательству Федерального конституционного суда (*das Bundesverfassungsgericht*), который в 1994 г. вынес решение, выраженное в утверждении, что использование бундесвера за пределами территории НАТО не противоречит Основному Закону.

В этих условиях интенсивность проявлений ВПД в обществе резко возросла, всё больше увлекая в своё русло не только политиков и профессиональных военных, но и встревоженных обычных граждан, испытавших своего рода *когнитивный диссонанс*. Поскольку надёжный законодательный фундамент для действий немецкой армии на чужих территориях был утрачен, в рамках политической коммуникации в Германии усилились явления турбулентности. В 1999 г. ФРГ уже без всякого мандата ООН приняла участие в крайне спорной с точки зрения международного права военной акции НАТО фактически в поддержку косовско-албанских сепаратистов, против сербов и суверенной Югославии. Визит в самый канун натовских бомбардировок Белграда и других сербских городов, нанесённый главе Югославии С. Милошевичу, демонстративно облачёнными в военную форму американским и немецким генералами У. Кларком и К. Науманном, представляет собой пример невербального овнешнения военно-политического концепта устрашения (демонстрация угрозы с помощью военной формы одежды).

Развитие главной концептосферы «политика в области обороны и безопасности» *Verteidigungs — und Sicherheitspolitik* в русле немецкого ВПД можно проследить по вышедшей в 2006 г. «Белой книге бундесвера» (полное название «Белая книга по вопросам политики безопасности Германии и будущего бундесвера» (*Weißbuch 2006 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr*). Данная книга заменила аналогичные издания более раннего времени, когда бундесвер не участвовал в миротворческих миссиях за пределами страны, а международный терроризм не был главной угрозой безопасности в мире. Адресантом Белой книги выступает германское государство, в предисловии помещены обращения канцлера А. Меркель и бывшего министра обороны Ф.Й. Юнга к читателям.

В Белой книге 2006 г. впервые сформулированы две большие концептосферы: «национальные интересы ФРГ» (*nationale Interessen Deutschlands*) и задачи бундесвера после немецкого объединения (*Aufgaben der Bundeswehr nach der deutschen Vereinigung*) [http://merln.ndu.edu/whitepapers/Germany_Weissbuch_2006].

Основная единица концептосферы в русле ВПД языковой личности — военно-политический концепт, понимаемый как концепт вообще, как «совокупность смыслов, схваченных словом» [Чудинов, 2007, с. 43], имеет слоистое строение и в виде цепной реакции «распадается» на множество взаимосвязанных и взаимопроникающих понятий.

В рамках первой концептосферы названы концепты «защита прав и свобод, демократии, безопасности и благополучия граждан» (*Recht und Freiheit, Demokratie, Sicherheit und Wohlfahrt für die Bürger*

rinnen und Bürger unseres Landes zu bewahren und sie vor Gefährdungen zu schützen), «обеспечение суверенитета и территориальной целостности страны» (*die Souveränität und die Unversehrtheit des deutschen Staatsgebietes zu sichern*), «предотвращение региональных кризисов и конфликтов» (*regionalen Krisen und Konflikten, die Deutschlands Sicherheit beeinträchtigen können, wenn möglich vorzubeugen und zur Krisenbewältigung beizutragen*), «противодействие глобальным вызовам, прежде всего международному терроризму и распространению оружия массового уничтожения» (*globalen Herausforderungen, vor allem der Bedrohung durch den internationalen Terrorismus und der Weiterverbreitung von Massenvernichtungswaffen, zu begegnen*), «соблюдение прав человека и международного права» (*zur Achtung der Menschenrechte und Stärkung der internationalen Ordnung auf der Grundlage des Völkerrechts beizutragen*), «свободная и беспрепятственная мировая торговля как основа немецкого благосостояния и преодоление пропасти между богатыми и бедными» (*den freien und ungehinderten Welthandel als Grundlage unseres Wohlstands zu fördern und dabei die Kluft zwischen armen und reichen Weltregionen überwinden zu helfen*) [Демьянков Internet: <http://www.infolex.ru>, с. 23].

Задачи политики в этой области представлены концептом «меры по обеспечению безопасности ФРГ», включающие «превентивное, эффективное и согласованное взаимодействие как в национальных так и в международных масштабах,.. предотвращение рисков и угроз в самом зародыше».

Deshalb bedarf es für eine wirksame Sicherheitsvorsorge eines präventiven, effektiven und kohärenten Zusammenwirkens im nationalen wie internationalen Rahmen, einschließlich einer wirksamen Ursachenbekämpfung. Dies erfordert, Risiken und Bedrohungen für unsere Sicherheit vorzubeugen und ihnen rechtzeitig dort zu begegnen, wo sie entstehen [http://merln.ndu.edu/whitepapers/Germany_Weissbuch_2006 — S. 19].

«Белая книга» даёт хвалебные эпитеты немецкой политике по обеспечению безопасности — «успешная», «образцовая», «базирующаяся на европейском единстве и трансатлантическом партнёрстве» (*“Deutsche Sicherheitspolitik ist erfolgreich, vorbildlich... auf der europäischen Einigung und der transatlantischen Partnerschaft”*) [http://merln.ndu.edu/whitepapers/Germany_Weissbuch_2006 — 16].

Центральными концептами документа являются «сохранение в Германии всеобщей воинской обязанности» (*Aufrechterhaltung der allgemeinen Wehrpflicht*), а также «НАТО и ЕС в обеспечении безопасности ФРГ» (*wichtige Rolle der NATO und der EU für die deutsche Sicherheit*). О роли НАТО в Белой книге говорится, что альянс «и в будущем останется основным компонентом германской политики в области обороны и безопасности».

Германия как член НАТО и в будущем делает ставку на устрашение с помощью ядерного оружия (концепт *Abschreckung mit Hilfe von Nuklearwaffen*), без которого, как говорится в Белой книге, в обозримом будущем невозможно обойтись. Одновременно правительство Германии выступает в долгосрочном плане за полный отказ от оружия массового поражения (*Verzicht auf Massenvernichtungswaffen*). В последнее время в ФРГ говорят о выводе из страны пока что размещённых там до 20 единиц ядерного оружия США (*Abzug der US-Atomwaffen*).

Следующий актуальный концепт «применение бундесвера внутри страны для предотвращения террористической атаки» (*Inneneinsatz der BW für die Vorbeugung eines Terroranschlags*) возможен, однако, лишь в тех случаях, когда полиция и другие органы охраны правопорядка исчерпают все свои средства для достижения этой цели. Теракт в документе определяется как «тяжёлый несчастный случай» (*Schwerer Unglücksfall*). А уже действующие законы позволяют использовать немецкую армию внутри страны для предотвращения или устранения последствий «несчастных случаев». Предполагается, что речь идёт о случаях захвата злоумышленниками самолёта или корабля для совершения теракта.

В Белой книге бундесвер в будущем определяется не как «оборонительная», а как «действующая» армия.

Die Bundeswehr ist durch den größten Wandel ihrer Geschichte gegangen. Sie ist immer mehr zu einer Armee im Einsatz geworden. Heute leistet die Bundeswehr im Interesse unseres Landes auf dem Balkan, in Afghanistan, im Libanon, in Afrika und im Kaukasus ihren Dienst.

Die Bundeswehr ist Instrument einer umfassend angelegten, vorausschauenden Sicherheits- und Verteidigungspolitik. Sie hat den Auftrag

— *die außenpolitische Handlungsfähigkeit zu sichern,*

— *einen Beitrag zur Stabilität im europäischen und globalen Rahmen zu leisten,*

die nationale Sicherheit und Verteidigung zu gewährleisten,

— *zur Verteidigung der Verbündeten beizutragen,*

— *die multinationale Zusammenarbeit und Integration zu fördern (9—11).*

В военно-политическом дискурсе, в первую очередь в медийном, наблюдается высокая частотность метафор. Это объясняется превращением метафоры в одно из наиболее сильных средств представления военно-политических концепций и воздействия на сознание общества. Метафорическое мышление рассматривается и в этой области как не менее значимое, чем мышление рациональное. При этом метафора выполняет когнитивную, коммуникативную, прагматическую и другие функции.

Показательна в этом плане военно-политическая метафора, принадлежащая бывшему министру обороны Германии от СДПГ Петеру

Штруку (*Peter Struck, SPD*): «Германия обороняет свою безопасность и в горах Гиндукуша», т.е. в далёком Афганистане (*Deutschland verteidigt seine Sicherheit auch am Hindukusch*). Участие бундесвера в действиях международных сил ООН и НАТО в Афганистане представляет собой для немцев особую сферу-магнит.

В процессе развития военно-политической ситуации в ФРГ образуются военно-политические нарративы, которые складываются в языковой картине из фреймов (своего рода сюжетов, сценариев, комплексных образов и т.д.), которые, с одной стороны, структурируют исходную концептуальную схему (сферу-источник), а в метафорических смыслах служат для ментальной категоризации сферы-магнита.

Фрейм отличает наличие определённой структуры, представленной, в частности, слотами — конкретными знаниями об атрибутах фрейма, аспектами его конкретизации. Например, фрейм сферы-источника «вызовы и угрозы для безопасности» (*sicherheitspolitische Herausforderungen und Bedrohungen*) включает такие слоты, как «терроризм» *Terrorismus*, «расползание оружия массового уничтожения» (*Proliferation von Massenvernichtungswaffen*), «экологические катастрофы» (*Umweltkatastrophen*) и др. Ранее к этому же фрейму относился и слот «угроза с Востока» (*Ostbedrohung*), который стал менее актуальным.

Фрейм сферы-магнита «операции бундесвера на Гиндукуше» (*Bundeswehr-Einsatz am Hindukusch*) представлены слотами «одобрение со стороны бундестага», (*Segen des Bundestages*), «кундузская афёра» (*Kundus-Affäre*), «вывод войск» (*Truppenabzug*) и многими другими.

Значительный интерес в нарративах представляет антропоцентрическая парадигма, которую можно проиллюстрировать формулой «язык в человеке» и «человек в языке». Ключевой антропоцентрической единицей в ВПД является министр обороны (*der Verteidigungsminister*) — своего рода сфера-мишень, особенно в средствах массовой информации. За последнее десятилетие эту должность занимали Рудольф Шарпинг (СДПГ) (*Rudolf Scharping (SPD)*), Петер Штрук (СДПГ) (*Peter Struck (SPD)*), Франц Йозеф Юнг (ХДС) (*Franz Joseph Jung (CDU)*) и Карл-Теодор цу Гуттенберг (*Karl-Theodor zu Guttenberg (CSU)*); все трое оставили пост не по своей воле, а под огнём общественной критики. Значительные проблемы возникли по этой части и у Гуттенберга. Основной причиной тому явились отрицательные характеристики их персональной формулы «язык в человеке и человек в языке». В медийном дискурсе их обвиняли в недостаточной компетентности и дезинформации общественности.

Нарратив «Закат карьеры Рудольфа Шарпинга» собрал множество негативных концептов, которые характеризуют данную личность как неискреннего и поверхностного политика-приспособленца.

В средствах массовой информации главный из этих концептов — «лжец» (*Lügner*) (12). Исходя из формулы «язык в человеке» анализируем отдельные высказывания Шарпинга. Применительно к ситуации в Косово в 1999 г. резкие оценки Шарпинга имеют целью очернение противника: «гуманитарная катастрофа» (*humanitäre Katastrophe*) и «бесчисленные убитые» (*zahllose Getötete*) якобы по вине режима Милошевича. На самом деле, по данным американских наблюдателей, в Косово к марту 1999 г. (т.е. вплоть до вторжения НАТО) насчитали 39 убитых, и все погибли в ходе боевых действий между подразделениями югославской армии и боевиками албанских сепаратистов — косоваров. Те же американские источники тогда сообщали, что никакой гуманитарной катастрофы в Косово не было. Эту информацию из США Шарпинг имел, но скрыл от общественности (12). По утверждениям Шарпинга, сербы устроили на стадионе в Приштине «настоящий концлагерь для тысяч албанцев» (*ein richtiges KZ für Tausende Albaner*). Опросы проживающих рядом людей показали, что стадион всё время был пуст.

Высказывания Шарпинга по этой же теме содержат антисербскую агрессию: «фашистские методы» (*faschistische Methoden*), «расстрелы учителей на глазах у детей» (*Erschießungen der Lehrer vor den Augen der Kinder*) и т.п. Впоследствии выяснилось, что подобные утверждения не соответствовали действительности: речь шла об уничтожении боевиков радикальной мусульманской организации ОАК.

Ещё один характерный пример использования языка человеком — Шарпинг любил повторять фразу: «Я пойду к моим солдатам и буду спокойно делать свою работу» (*Ich werde zu meinen Soldaten gehen und ruhig meine Arbeit tun*) [NEWSru.com :: В мире.18 июля 2002 г.] На самом деле происходило нечто иное. Когда немецких солдат отправляли в «горячую точку» (в бывшую Югославию), Шарпинг вместо того чтобы руководить процессом отправки и проводов, служебным самолётом полетел к своей возлюбленной на курорт Майорка (популярный журнал «Шпигель» опубликовал фото) (*Die Soldaten führen zu einem riskanten Einsatz und hätten nichts nötiger gehabt, als moralische Rückendeckung von oben. Anstatt zu führen, flog Scharping nach Mallorca und ließ sich verliebt im Pool ablichten*) [<http://aerial-vortex.livejournal.com/86304.html>].

В последние годы нарратив «операции бундесвера на Балканах» (*Bundeswehreininsatz auf dem Balkan*) пошёл на убыль в немецком ВПД. Всё более высокочастотными становятся концепты «Афганистан» (*Afghanistan*), «Гиндукуш» (*Hindukusch*), и концептосфера «Операции бундесвера на Гиндукуше» (*Bundeswehreininsatz am Hindukusch*) предстала в виде актуальной военно-политической сферы-магнита.

Когнитивно-дискурсивный подход к решению задач перевода позволяет глубже проникнуть в концепты ментальных полей военно-политической концептосферы и способствует поиску наиболее оптимального варианта [Миронова, 2008]. Названные концепты в русском и немецком языках, как правило, совпадают. Вместе с тем каждый язык представляет собой оригинальную категоризацию и оценку военно-политической реальности. Адекватный узальный инвариант перевода достигается лишь при условии знания переводчиком терминологии конкретных военно-политических реалий в обоих языках и способности учитывать и творчески использовать концептуальные и нарративные особенности данного дискурса.

Список литературы

- Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008.
- Миронова Н.Н.* Методы исследования политического дискурса (тезисы). Иностранные языки // Герценовские чтения. СПб., 2008.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М., 2007.

Quellen

- 1000 Stichworte zur Bundeswehr. Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler-Verlag, 1997.
- Flume W.* Taschenbuch Deutsche Bundeswehr. Sankt Augustin, 2006.
- Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, Berlin, 2003.
- Weißbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Lage und Zukunft der Bundeswehr. Bundesministerium der Verteidigung. Bonn, 1994.

Internet

- Демьянков* [http:// www. infolex. ru](http://www.infolex.ru)
- http://merln.ndu.edu/whitepapers/Germany_Weissbuch_2006
- <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4939965,00.html> 27.11.2009
- NEWSru.com: В мире. 18 июля 2002 г
- <http://aerial-vortex.livejournal.com/86304.html>

Ю.Н. Купова,

аспирант кафедры русского языка Московского государственного областного гуманитарного института; e-mail: dr.kupov@mail.ru

С.С. Купов,

кандидат медицинских наук ООО «Новая медицина», заведующий Центром лечения боли; e-mail: dr.kupov@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «ТКАНЬ» (сопоставительный и переводческий аспекты) В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья посвящена проблеме появления термина «ткань» в медицинской терминологии и вопросам, связанным с его переводом с английского на русский язык. Также подробно описано развитие новых значений у данного медицинского термина с позиции концептуального анализа с учётом этимологических данных.

Ключевые слова: перевод, когнитивный подход, медицинский термин, семантическая калька.

Yulia N. Kupova,

Postgraduate Student at the Russian Language Department, Moscow State Regional Humanitarian Institute; e-mail: dr.kupov@mail.ru

Sergei S. Kupov,

Cand. Sc., Head of the Center of Pain Management, New Medicine LTD, Moscow, Russia; e-mail: dr.kupov@mail.ru

English-to-Russian Medical Translation Issues from the Perspective of Cognitive Linguistics (as Exemplified by the Term “Tissue”)

The article explores the emergence of the term “tissue” in the medical terminology along with various issues related to its translation from English into Russian. The authors describe in detail the development of new meanings of the aforesaid medical term from the perspective of conceptual analysis and with due account taken of etymological data.

Key words: translation, cognitive approach, medical term, semantic loan translation.

Калькирование медицинских терминов вписывается в рамки узкой отрасли языкознания, находящейся на стыке двух обширных областей науки о языке, таких, как теория перевода и терминоведение. Оба направления «объединяет единая цель — обеспечение межъязыковой коммуникации» [Гарбовский, 2004, с. 164]. В связи с этим необходимо более подробно раскрыть взаимосвязь данных областей языкознания для того, чтобы понять степень их воздействия на явление калькирования медицинских терминов.

Предметом теории перевода является сам перевод. По утверждению одного из ведущих специалистов в области перевода А.В. Фёдорова, круг деятельности, охватываемой понятием «перевод», очень широк. Слово «перевод» обозначает: 1) процесс, совершающийся в форме психического акта; 2) результат этого процесса, т.е. новое речевое произведение на переводящем языке [Фёдоров, 2002, с. 13].

В.Н. Комиссаров даёт такое определение: «Перевод может быть определён в лингвистическом плане как особый вид соотносённого функционирования языков [Комиссаров, 1973].

Предметом лингвистической теории перевода является научное описание процесса перевода как межъязыковой трансформации, т.е. преобразования текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке [Бархударов, 2008, с. 6].

Перевод необходим (и в сфере медицины, в частности) для передачи и обмена знаниями об основных свойствах объектов и методах. «Научная картина мира обогащает человека новой информацией и состоит из общенаучных и научных знаний. Она постепенно становится достоянием общества, и благодаря ей человек осуществляет дальнейший процесс созидания и творчества» [Манерко, 2000, с. 9]. По утверждению Л.А. Манерко, язык является наиболее важной составляющей человеческой деятельности. «Благодаря языку научное мышление и научная картина мира становятся достоянием общества. Посредством языка происходит обмен информацией... новые понятия, явления и предметы получают свои имена и используются или отвергаются языковым сообществом в процессе коммуникации» [там же]. Язык является «мощным средством интегрирования науки» [Суперанская и др., 2009, с. 7], а основу языка науки составляет терминология. «Терминология — замкнутый словарный контекст, границы которого обусловлены определённой социальной организацией действительности» [там же].

В теоретических исследованиях последних десятилетий когнитивный подход к изучению медицинской терминологии является наиболее перспективным. Происходит это прежде всего потому, что предметом изучения в теории термина являются свойства термина, в которых фокусируются логико-понятийные содержания мыслительных операций. Когнитивные свойства термина примечательны тем, что они находят неперемнное выражение в терминологических структурах [Ельцова, 2000].

Когнитивная функция языка наиболее наглядно репрезентируется в процессах возникновения и эволюции терминологической лексики. Образование термина в большинстве случаев знаменует собой последнюю ступень в постижении явлений объективной реальности, поскольку это связано с вершиной познавательного

процесса, с моментом «открытия» в исследуемом предмете или явлении его сущностных свойств. Именно лингвистические средства, закрепляющие полученную в ходе познавательной деятельности информацию о денотате, отличают термин от любого другого слова естественного языка [там же].

Медицинские термины как элементы языка обозначают понятия, полученные в результате особого познания объективной реальности. Следует отметить, что в целом такой подход лежит в общем русле современных семантических исследований, тесно увязывающих анализ значения с анализом соответствующего понятия, с учётом всей совокупности экстралингвистических знаний носителей языка о референте [Бесекирска, 1997].

Важным в развитии особенностей и тенденций медицинской терминологии является также ряд лингвистических и экстралингвистических факторов.

Среди экстралингвистических факторов формирования медицинской терминологии можно выделить следующие: историю и современное состояние медицины, вклад той или иной страны в развитие медицины, существование различных теорий, школ, ареальную специфику, интернационализацию медицинского знания, тенденцию к интеграции естественных наук и др.

К лингвистическим факторам, определяющим специфику медицинской терминологии, относят, кроме субстрата конкретного естественного языка, общезыковые принципы системности, языковой экономии, асимметрии языкового знака и др.

Каждый медицинский термин — элемент соответствующей микротерминосистемы (иммунологической, анатомической, вирусологической, радиологической и др.). Понятийное содержание каждого медицинского термина — результат наблюдений, обобщений, научной и практической работы многих поколений медиков разных школ в разных странах мира.

Одно из основных требований, предъявляемых к современным терминологическим наименованиям, состоит в их «международной узнаваемости», обеспечиваемой интернациональностью формы и содержанием терминов. Интернациональность содержания терминов при сохранении их национальной формы предполагает такой способ перевода, как калькирование. Кальки представляют собой скрытое заимствование: из исконного языкового материала создаётся «слово или выражение, воспроизводящее строение иноязычного образца» [Русский язык. Энциклопедия, 1979].

В настоящее время в сфере медицинской терминологии происходят регулярные изменения, пересматриваются названия некоторых терминов. В этой связи наибольшей ценностью обладают термины мотивированные, термины, обладающие ясной внутренней

формой. Вследствие этого объектом нашего исследования стали медицинские термины, переведённые с английского на русский язык с помощью семантического калькирования.

К семантическим калькам следует относить семантические заимствования, при которых заимствуется значение иностранного слова, а не его структура. К основному значению слова прибавляется значение иноязычного происхождения (из другого языка). По мнению Н.М. Шанского, «калькируется значение, а не структура» [Шанский, 1982].

Нам бы хотелось на примере семантической кальки термина *ткань* (английская лексема *tissue*) в значении «совокупность гистологических элементов, то есть клеток и элементов межклеточного вещества» [Англо-русский медицинский энциклопедический словарь, 2003, с. 642], пришедшего в русскую медицинскую терминологию из английского языка, показать развитие медицинских значений слова. Комплексный этимологический анализ может дать нам понимание истории концептуализации слова в английском языке. Согласно данным [Oxford Latin Dictionary, 1968], английская лексема *tissue* сама является калькой с латинского *tela* (*telam, texere*). *Tela* восходит к индоевропейскому **texla (texo)* и имеет следующие значения: кусок материи, находящийся в процессе изготовления на ткацком станке; паутина; вертикально натянутые нити на ткацком станке; ткацкий станок [Oxford English Dictionary, 1989, с. 1911].

Вторым значением слова *tissue*, зафиксированным в Oxford English Dictionary, является: «дорогой сорт материала, часто расшитый золотом или серебром» [New English Dictionary..., 1926, p. 146].

Все остальные значения данной лексемы второстепенные: «дорогая, ценная лента или корсет» (3); «любой тканый материал или вещь» (4); «что-либо похожее на тканый материал, произведённое переплетением отдельных элементов; сеть; паутина» (5) [New English Dictionary..., 1926, p. 146]. Согласно The Barnhart Dictionary of Etymology, «*tysshewe, tyssew* — лента или пояс из дорогого материала» появилось около 1385 г., например в “Troilus and Criseyde” Дж. Чосера [The Barnhart Dictionary of Etymology, 1988, p. 1145]. Вероятно, данное значение лексемы является заимствованным от старофранцузского *tissu* «лента, обруч для волос, пояс из тканого материала». Также прилагательное *tissu* в значении «тканый, вязаный» повлияло на концептуализацию данного слова в английском языке. Значение «любой тканый материал или вещь» наблюдается с 1565 г. Переносное значение «сеть; паутина» впервые зафиксировано в 1711 г. [ibid.]. Все приведённые примеры развития значений слова доказывают его оригинальное происхождение из английского языка, берущее начало ещё в эпоху Средневековья.

Сам термин *tissue* в биологическом значении впервые появился в работе “The Anatomy of Vegetables Begun” английского исследователя — биолога Н. Грю в 1672 г. [Grew, 1672]. Понятие «ткани» растений возникло из аналогии с текстильными и кружевными изделиями. По мнению А.Е. Гайсиновича, «Грю сравнивал “тело растения с куском тонкого плетёного кружева, вырабатываемого женщинами”; он полагал, что все элементы структуры растения (волокна, сосуды и т.д.) представляют собой “горизонтальные и вертикальные сплетения, далеко превосходящие тончайшие во всём свете ткани и изделия иглы”» [Гайсинович, 1950, с. 418].

Данный термин стал широко распространённым в 30-е гг. XIX в. A New English Dictionary on Historical Principles [The New English Dictionary on Historical Principles, 1926, p. 72] предлагает цитату Карлайла “Every cellular, vascular, muscular *Tissue*” (Sartor Resartus, vol. I, p. I) в качестве самого первого зафиксированного примера рассматриваемого слова. Следует отметить, что и в Этимологическом словаре Барнхарта, и в Новом английском словаре речь идёт о ткани как о материале, образующем растительные или животные клетки. А Н. Грю, введший новый термин *tissue*, исследовал и соответственно описывал только растительные клетки. Именно по этой причине в лексикографических источниках слово *tissue* нашло отражение лишь спустя полтора столетия после его первого употребления в качестве научного термина, т.е. открытие и рождение нового понятия произошло в 1672 г., а научный термин получил широкую известность лишь в 1831, в “Sartor Resartus” Карлайла [New English Dictionary..., 1926, p. 72].

Необходимо добавить также такой интересный факт, как узловая метафорическая сочетаемость концептуальных признаков, составляющих слово *tissue*, — и в результате формирование устойчивых сочетаний: *tissue paper* в значении «папиросная или тонкая обёрточная бумага» в 1777 г. [The Barnhart Dictionary of Etymology, 1988, s. 1145] на базе основных значений лексемы *tissue*; *tissue of lies* в значении «полностью выдуманная история». Позже из сочетания *tissue paper* получают развитие два новых значения (1, 2) исходной лексемы *tissue* [Longman Dictionary of Contemporary English, 2001, p. 1518]: “She wiped her nose with a *tissue*”; “a box wrapped in *tissue*” [Free Merriam-Webster Dictionary. <http://www.merriam-webster.com/dictionary/tissue>]. Выражение *tissue of lies* впервые зафиксировано в Oxford English Dictionary в 1711 г.: “Those little occasional Poems... are nothing else but a *Tissue of Epigrams*” (Joseph Addison, 1711) [Oxford English Dictionary, 1989, p. 146].

В Longman Dictionary of Contemporary English изложена современная интерпретация всех значений исследуемого нами слова *tissue*: 1. кусок мягкой, тонкой бумаги, используемый специально для вы-

смаркивания; 2. *tissue paper* мягкая, тонкая бумага, используемая для упаковывания; 3. материал, формирующий животные или растительные клетки; 4. полностью выдуманная история или отчёт [Longman Dictionary of Contemporary English, 2001, p. 1518].

В вышеприведённом примере бывшее основным значение «дорогой сорт материала», а также второстепенные «лента, тканый материал или вещь, сеть, паутина» [Oxford English Dictionary, 1989, p. 146] отсутствуют. Это свидетельствует об их выходе из употребления. Зато медико-биологическая дефиниция дана кратко и исчерпывающе. А тот факт, что медико-биологический термин присутствует не только в специализированном словаре медицинской лексики, но и в широко известных языковых словарях (этимологических, словарях современной лексики), свидетельствует о высокой степени распространённости данного слова не только в узкоспециальной среде, но и среди рядовых носителей языка.

Проведя анализ этимологической составляющей значений слова *tissue*, можно более полно рассмотреть его семантическую структуру и установить «коррелятивные отношения между его лексико-семантическими вариантами (ЛСВ)» [Беляевская, 1987, p. 73]. Систематические корреляции различных ЛСВ в слове составляют основу его семантической структуры. А диахронические данные указывают нам направление семантической деривации, так как мы учитываем устаревшие и вышедшие из употребления ЛСВ. Соотношение ЛСВ слова *tissue* представлено на рис. 1.

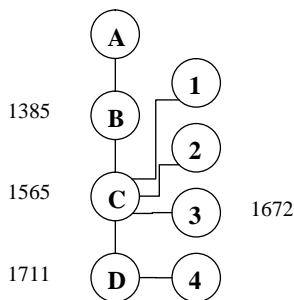

Рис. 1. Схема семантической структуры лексики «tissue»

Диахронические данные «Oxford English Dictionary» дополняют представление о становлении семантической структуры слова *tissue*. Для удобства сопоставления мы сохранили за соответствующими значениями их номера по «Oxford English Dictionary» и «Longman Dictionary of Contemporary English»; буквами отмечены устаревшие и вышедшие из употребления значения; цифрами обозначено время первой фиксации значения: А — «дорогой сорт материала, часто

расшитый золотом или серебром»; В — «дорогая, ценная лента или корсет»; С — «любой тканый материал или вещь»; D — «что-либо похожее на тканый материал, произведённое переплетением отдельных элементов; сеть; паутина» [Oxford English Dictionary, 1989, p. 146]. Все значения, отмеченные цифрами, взяты из “Longman Dictionary of Contemporary English” и описаны выше.

Концептуальный анализ также в данном случае предстаёт «как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры. Семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный — идёт к знаниям о мире» [Кубрякова, 2004, с. 372]. Конфигуративная и фонологическая сложность слова *tissue* остаётся неизменной уже долгое время, постепенно, очень медленно подвергается изменениям семантическая структура, а концептуальная структура «подвергается радикальным преобразованиям, отражая процесс подведения под форму того же знака более сложного содержания» [там же]. Опираясь на определения, приведённые выше из этимологических словарей, мы выяснили, что слово *tissue* включало в себя такие концептуальные признаки, как «стоимость» (дорогой сорт материала), например у Дж. Чосера: “The barres were of gold ful fine, Upon a tyssu of satyne” (Chaucer Rom. Rose, 1104) [Oxford English Dictionary, 1989]; «качество» (расшитый золотом или серебром): “Tissues studded with jewels are lightly draped over satin” (Westm. Gaz. 12 Mar. 15/2) [ibid.]; «осязаемый» (любой тканый материал или вещь): “Tissues of woven flax have been found in some of the Swiss lake-villages” (Lubbock Sci. Lect. v. 155, 1879) [ibid.].

Всё изменилось, когда естествоиспытателям удалось рассмотреть *структуру* ткани. Знание о предмете расширилось, и это послужило толчком для развития новых значений вокруг прежнего слова *tissue*. Его окружили совсем другие лексико-семантические варианты, которые передают «переплетение чего-либо», пусть даже в метафорическом выражении, например: “Tissue is called Woody Fibre when it is composed of slender tubes placed side by side” (Lindley Sch. Bet. X. 139, 1845) [ibid.]; “Examples of such tissues are bone, skin, corneas, ligaments, tendons...” [http://www.fda.gov/BiologicsBloodVaccines/TissueTissueProducts/default.htm]; «окутывание, обёртывание чего-либо»: “a box wrapped in tissue”, “a cigarette in tissue” [Free Merriam-Webster Dictionary. http://www.merriam-webster.com/dictionary/tissue], “Tissue World”, “Tissue News”, “Tissue products in good health” [http://www.tissueworld.com/home/news.php]. Выражаясь словами Е.С. Кубряковой, «в истории слов может наступить момент, когда их интенционалы сохраняются в относительно стабильном виде, экстенционалы же слова получают новое развитие и, связывая новый опыт со старым, начинают свою собственную

жизнь — в новых парадигмах знания» [Кубрякова, 2004, с. 372]. Именно это и произошло с нашим словом.

Таким образом, мы описали языковую ситуацию, сложившуюся вокруг термина *tissue* в лексикографических источниках английского языка. Но сам процесс калькирования подразумевает по меньшей мере два языка: язык дающий (в данном случае английский) и язык принимающий (русский). В соответствии с этим мы переходим к изучению проблемы калькирования слова *tissue* русским языком.

В русском языке лексема *ткань* происходит от индоевропейского *tkat; *tku и имеет эквиваленты в славянских и балтийских языках, например укр. *ткати*, *тчу*, др.-рус. *тъкати*, *тъку*, ст.-слав. *тъкати*, *тък*, болг. *тъка*, сербохорв. *ткати*, *тчем*, словен. *tkati*, *tcem*, *tkam*, чеш. *tkati*, *tku*, словц. *tkat'*, польск. *tkac*, *tke*, в.-луж. *tkac*, н.-луж. *tkas*. Слово *ткать* имеет соответствующие значения в других языках: укр. *ткнути*, словен. *tekniiti*, *taknet* «касаться», чеш. *tknouti* «ткнуть, кольнуть», польск. *tkac*, *tkam*, н.-луж. *tkas* «пихать» [Фасмер, 1996, с. 64].

В русском языке лексема *ткань* имеет несколько значений: «материя, приготовленная тканьем» (1) [Черных, 2001, с. 246; Словарь современного русского литературного языка АН СССР, 1956, с. 498; Даль, 1882, с. 407]; «совокупность клеток и неклеточного вещества, составляющая животный или растительный организм» (2) [Черных, 2001, с. 246; Словарь современного русского литературного языка АН СССР, 1956, с. 498]; «то, что составляет основу, содержание чего-либо (художественного, музыкального и т.п. произведения)» (3) [Словарь современного русского литературного языка АН СССР, 1956, с. 498].

Классическое медико-биологическое определение термина дано в англо-русском медицинском энциклопедическом словаре Стедмана: *tissue* [French *tissu*, fr. L. *texo*, *textus*] — ткань. Совокупность гистологических элементов, т.е. клеток и элементов межклеточного вещества [Англо-русский медицинский энциклопедический словарь, 2003, с. 642].

Рассмотрим семантическую структуру слова *ткань*, так как с точки зрения содержательной характеристики отношения (корреляции) внутри слова намечают процесс семантических изменений, закладывающих основу для образования второстепенных значений той или иной лексемы.

На рисунке 2 значения 1, 2 и 3 приведены в качестве примеров из Словаря современного русского языка АН СССР [Словарь..., 1956, с. 498], аналогичные значения были отмечены и в других словарях [Черных, 2001, с. 246; Даль, 1882, с. 407], устаревших и вышедших из употребления значений не обнаружено.

Рис. 2. Схема семантической структуры лекси́мы «ткань»

При семантическом калькировании медицинской терминологии соблюдается обязательный критерий, без которого невозможно образование и развитие нового термина, а именно новое значение слова отражает новое для данного языка понятие, что и показывает проведённый этимологический и семантический анализ вышеописанной терминологической единицы.

По мнению Л.О. Чернейко, «признаки, составляющие интенционал, производны от традиционных представлений, сложившихся в культуре той или иной страны» [Чернейко, 1997, с. 330]. В нашем случае в культуре средневековой Великобритании ведущим стало представление о стоимости ткани, изначально заложенное в слово. А в традиционных представлениях в России на первый план выдвигалось понимание «вещи или основы чего-либо». Например, «В избе стояло прислонённое в углу взятое французское знамя, и аудитор с наивным лицом щупал *ткань* знамени и, недоумевая, покачивал головой» (Л. Толстой. Война и мир) [Словарь..., 1956, с. 498]; «В уме любящего человека плетётся многосложная ткань из наблюдений, тонких соображений, воспоминаний, догадок обо всем, что окружает любимого человека» (И. Гончаров. Обыкновенная история) [там же, с. 499]. Частеречная принадлежность слова *ткань* показывает, что явление, стоящее за ним, «имеет характер субстанции, того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия» [Чернейко, 1997, с. 330]. Точнее о структуре нового, биологического знания о ткани говорят следующие примеры: «Вырезая бритвой очень тонкие и совершенно прозрачные ломтики из любой части растения, мы, при помощи микроскопа, можем убедиться, что они состоят из соединённых между собою, сплочённых клеточек, так называемой клеточной *ткани*» (К.А. Тимирязев. Жизнь растений) [там же, с. 499]. Здесь также экстенционалы слова получили новое развитие, связали новое знание об объекте со старым и образовали в метафорической форме новые значения. В данном случае когнитивный подход помогает детальнее представить свойства термина, в которых фокусируются «логико-понятийные содержания мыслительных операций» [Ельцова, 2000].

Множество признаков концепта «сплетение» в метафорической форме выявляются в их метафорической сочетаемости с другими понятиями. Например, сплетение нот в музыкальном произведении: «Музыкальная *ткань* оперы была очень хорошо связана и сплочена, не представляя собой насильственно сшитых кусков» (Н.А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни) [Словарь..., 1956, с. 499]. Сплетение букв и слов составляет текст: «Текст означает *ткань*; однако если до сих пор эту ткань неизменно считали некоей завесой, за которой с большим или меньшим успехом скрывается смысл (истина), то мы, говоря ныне об этой ткани, подчёркиваем идею порождения, согласно которой текст создаётся, вырабатывается путём нескончаемого плетения множества нитей» [Барт, 1989, с. 515]. С абстрактными понятиями связаны «*ткань* сознания» [Чернейко, 1997, с. 218] и «ткань действительности»: «...отсутствующие в реальной действительности объекты составляют *ткань* действительности идеальной» [там же, с. 61].

Лингвистически метафоризация как основа процесса терминологического образования обусловлена тем, что материальной основой терминологизации становится естественный язык, а следовательно, метафоричность научных терминов мотивирована общелингвистической тенденцией развития науки.

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть, что калькирование медицинской терминологии — процесс разносторонний. Его можно рассматривать и с позиции теории перевода как один из переводческих приёмов, и с позиции когнитивной терминологии как гармоничный процесс рождения и развития новых терминов в науке.

Список литературы

- Англо-русский медицинский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Г. Чу-чалин. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003 [дополненный перевод 26-го издания Стедмана]).
- Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избр. работы. М., 1989.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Беляевская Е.Г. Семантика слова. М., 1987.
- Бесекирска Л. Интернациональная лексика в медицинской терминологии русского языка: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1997.
- Гайсинович А.Е. К.Ф. Вольф и его учение о развитии // Вольф К.Ф. Теория зарождения. 1950.
- Гак В.Г. Сравнительная лексикология. М., 1980.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1882.

- Ельцова Л.Ф.* Пространственный подход к изучению анатомической терминологии: Методическое пособие по курсу медицинской терминологии. Рязань, 2000.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. М., 1973.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Манерко Л.А.* Язык современной техники: ядро и периферия. Рязань, 2000.
- Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Словарь современного русского литературного языка АН СССР. Т. 15. М., 1956.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: вопросы теории / Отв. ред. Т.Л. Канделаки. 5-е изд. М., 2009.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 3. СПб., 1996.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Учеб. пособие. 5-е изд. СПб., 2002.
- Чернейко Л.О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. 4-е изд., стереотип. Т. 1. М., 2001.
- Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- Chambers Twentieth Century Dictionary. L., 1972.
- Free Merriam-Webster Dictionary. <http://www.merriam-webster.com/dictionary/tissue>
- Nehemiah G.* The Anatomy of Vegetables Begun. L., 1672.
- The Barnhart Dictionary of Etymology. Bronx (N.Y.), 1988.
- The Longman Dictionary of Contemporary English / 3rd ed. with new words supplement. Barcelona: Pearson Education Limited, 2001.
- The New English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Oxford University Press, 1926. Vol. 10/1.
- The Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford Un-ty Press, 1989. Vol. XVIII.
- The Oxford Latin Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- <http://www.fda.gov/BiologicsBloodVaccines/TissueTissueProducts/default.htm>
- <http://www.tissueworld.com/home/news.php>

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);
- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;
- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;
- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;
- *примечания* в виде подстраничных сносок;
- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;
- данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Николай Константинович — главный редактор, директор Высшей школы перевода, профессор, доктор филологических наук,
КОСТИКОВА Ольга Игоревна — зам. главного редактора, зам. директора Высшей школы перевода по научной работе, доцент, кандидат филологических наук,
МОЗГОВАЯ Людмила Авраамовна — ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Евгений Викторович — старший преподаватель,
ВИССОН ЛИНН — профессор Высшей школы перевода Монтерейского института международных исследований (США), доктор философии,
ЕСАКОВА Мария Николаевна — зам. директора Высшей школы перевода по работе с иностранными студентами, доцент, кандидат филологических наук,
ЖАРКОВА Ольга Сергеевна — старший преподаватель,
ЗАБРОВСКИЙ Андрей Петрович — доцент, кандидат филологических наук,
КОЛЬЦОВА Юлия Николаевна — зам. директора Высшей школы перевода по воспитательной работе, доцент, кандидат филологических наук,
МАНЕРКО Лариса Александровна — профессор, доктор филологических наук,
МИРОНОВА Надежда Николаевна — профессор, доктор филологических наук,
МИШКУРОВ Эдуард Николаевич — профессор, доктор филологических наук,
МАТАСОВ Роман Александрович — преподаватель, кандидат филологических наук,
РЕЗНИЧЕНКО Ольга Леонидовна — старший преподаватель, кандидат филологических наук,
ШАБАГА Ирина Юрьевна — доцент, кандидат филологических наук.

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *Н.И. Матюшина*

Корректор *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 03.05.2011. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 8,62.
Тираж 330 экз. Заказ № . Изд. № 9263.

Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография МГУ.
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 1. 1—136.

ISSN 0201-7385
ISSN 2074-6636